

И.Б. Даченков
Ф.Н. Петров

ИСТОРИЯ ПОДМОСКОВНОГО ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

И.Б. Даченков
Ф.Н. Петров

***ИСТОРИЯ
ПОДМОСКОВНОГО ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ***

2011

УДК 908(470.311)
ББК 63.3(235.44)
Д21

Печатается по решению Регионального общественного фонда историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие»

Фотографии: Бориса Аникина, Сергея Гора, Игоря Даченкова, Сергея Доли, Игоря Зинина, Даниила Карбивника, Сергея Маркова, Петра Петрова, Федора Петрова, Александра Плотникова, Александра Расторгуева, Романа Страчкова, Александра Терехина, Юрия Туманова, Леонида Четверикова, Давида Шоломовича, протоиерея Виталия Шумилова, Александра Щербакова

Даченков, Игорь Борисович; Петров, Федор Николаевич

Д21 История подмосковного Верхневолжья. – Тверь.: ОАО «Тверская областная типография», 2011. – 208 с.

В книге представлены результаты историко-краеведческих и археологических исследований на территории подмосковного города Дубны и прилегающих к нему районов Московской и Тверской областей. Издание формирует целостное представление о подмосковном Верхневолжье как об особенном историко-географическом районе; раскрывает основные этапы его истории за девятьсот лет, прошедших с момента начала активного освоения этого района ростово-суздальским княжеством. Книга включает в себя характеристику новейшей истории первого российского наукограда, одного из важнейших центров международного научного сотрудничества и инновационного научно-технического развития России, сохранившего в своей современной жизни неразрывную связь с истоками российской государственности и духовными основами русской культуры.

ISBN–978-5-87049-761-7

© И.Б. Даченков, Ф.Н. Петров, 2011
© Региональный общественный фонд «Наследие», 2011

Содержание

Дубна. Время. Пространство	5
Дубненский край: подмосковное Верхневолжье	15
Историческая топонимика: Дубна и Сестра	20
Археологическая карта Дубны и Дубненского края	26
История древнерусской Дубны: XII-XIII вв.	39
Городище Дубна: остатки древнерусского города	45
Природно-географические условия	48
История изучения древнерусской Дубны	49
Исследования Дубненской археологической экспедиции	61
Находки, сделанные на городище Дубна в 2009 году	75
Печати и пломбы древнерусской Дубны	83
Результаты археологических исследований 2009 года	89
Система обоснования существования древнерусской Дубны в 1134 году ...	92
День памяти древнерусской Дубны	95
Дубненский край в XIV веке	99
«Дубенское мыто»: XV-XVI вв.	102
Дубненский край в XVII веке: о чем рассказали писцовые книги	113
Монастырское землевладение в Дубенском стане	124
Дубненский край в XVIII – начале XX вв.: от губернии до области	128
Дворянские усадьбы Дубненского края. Пекуново	131
Ратмино. Дворянская усадьба Дубна	141
Загадка третьей усадьбы: Прислон	157
Федор Колоколов – уроженец села Городище на Дубенском устье	160
Современная Дубна: 50 лет объединенному городу	165
Культурный ландшафт современной Дубны	185
Список источников и литературы	194
Приложения. Письма известных историков из центральных научных учреждений России по вопросу о памятном камне в Ратмино	200

**ЗНАТЬ ПРОШЛОЕ,
СОЗИДАТЬ НАСТОЯЩЕЕ,
ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ...**

Дубна. Время. Пространство

Если театр начинается с вешалки, кинематограф – с незабвенной вокзальной хроники братьев Люмьер, то любой город начинается с названия и месторасположения. Имя и география задают систему координат восприятия любого населенного пункта как философские категории формы и содержания.

Со словом «Дубна» в восприятии жителей нашей страны ассоциируется образный ряд определенных природно-исторических и научных коннотаций. При всем многообразии спектр этих ассоциаций сводится к трем основным понятиям: дерево – дуб, река – приток Волги и город физиков-ядерщиков – знаменитый международный научный центр. И если с последними двумя компонентами все более-менее ясно, то с дубами (в смысле породы дерева), к сожалению, ситуация не соответствует действительности: произрастает их в современной Дубне не намного больше, чем в других городах средней полосы России.

Этимология названия реки «Дубна» (название же города – типичный гидроним) восходит к балтским племенам, заселявшим северное Подмосковье в первом тысячелетии до н.э., до прихода в эти места финно-угров и славян. Термин «dubus» в балтских языках имеет значение «глубокий», «глубокая река», протекающая в долине. Несколько лет назад в результате стихийно развернутой дискуссии по вопросу о происхождении названия города местная общественность разделилась на два лагеря, каждый из которых выдвигал свои аргументы в защиту собственной версии – славянской или балтийской. В итоге «слависты», потрекавшие оппонентов в антипатриотизме научной позиции, вынуждены были потерпеть сокрушительное фиаско. Стройные умозаключения авторитетных специалистов в области исторической лингвистики и топонимики академиков РАН В.Н. Топорова и В.В. Седова о поселениях балтских племен на обширных пространствах Восточно-Европейской равнины, включая нынешнее Подмосковье, убедили даже скептиков – название реки Дубна происходит от балтов, но никак не дубов, произраставших по берегам упомянутой реки.

Город Дубна расположен на двух берегах Волги в северной части Московской области, при впадении в Волгу ее правого притока, реки Дубны. Территория Дубны – это единственный участок московского региона, по которому протекает река Волга. Именно благодаря Дубне такая географическая новация, как «подмосковное Верхневолжье», имеет совершенно четкое пространственное и историческое содержание.

Есть замечательный афоризм о том, что города похожи на людей. В таком случае у каждого города существует свой характер. А какой характер у Дубны? И какие элементы исторически сформировали мировоззрение жителей Дубненского края, особый дубненский менталитет?

Во-первых, это порубежность, пограничность расположения, издревле характерные для этой местности. Со времен феодальной раздробленности и поныне дубненская земля располагалась на стыке различных административно-территориальных образований, на пограничье.

Вид на город Дубну и Волжский гидроузел со стороны Иваньковского водохранилища.
Фото Даниила Карбивника

Дубна, улица Жолио-Кюри.
Административное здание Объединенного института ядерных исследований

Филиал Научно-исследовательского института ядерной физики МГУ в Дубне

Во-вторых, это Волга и ее притоки, Вода. Уникальная гидрография города и его окрестностей определили понятие «город-остров», окруженный со всех сторон водой.

В-третьих, это особое, интеллектуальное, научное мировоззрение жителей города. Оно дает ощущение пребывания на острие научного прогресса, передовых достижений, сопричастности с ходом истории.

Наконец, четвертое, которое является производным из трех предыдущих - исключительность Дубны в сознании ее жителей и связанные с ней чувства самодостаточности, независимости, свободы. Еще в 1960-е годы московские журналисты писали о том, что в Дубне даже москвич чувствует себя немного провинциалом.

Традиционно самым древним городом Подмосковья считается Волоколамск. Дата его первого упоминания в летописи – 1135 год. Результаты историко-археологических исследований на территории Дубны свидетельствуют о том, что древнерусская Дубна – исторический предшественник современного наукограда – была основана Юрием Долгоруким в 1132-1134 годах и впервые упоминается в летописи под 1134 годом, на один год раньше Волоколамска.

Таким образом, древнерусская Дубна является одним из самых древних городов Московского региона, а, в свою очередь, современная Дубна – одним из самых молодых городов. Мы уверены, что это – пятый важный элемент дубненского характера и менталитета. Сочетание богатого исторического прошлого и энергии молодости становится визитной карточкой современного российского наукограда Дубна.

Юридический статус наукограда Дубна получила первой в России, это произошло в 2001 году. С 2005 года в городе ведется строительство Особой экономической зоны технико-внедренческого типа. В левобережной части Особой экономической зоны сооружается Российский центр программирования, имеющий очень серьезные перспективы на российском и международном уровнях. В последние годы в Дубне при поддержке федерального правительства активно развиваются нанотехнологии, здесь создается Международный инновационный центр нанотехнологий стран СНГ. Резидентами Особой экономической зоны является целый ряд организаций, занимающихся разработкой нанотехнологий в различных отраслях и сферах применения.

Необходимо отметить, что Особая экономическая зона в Дубне – это не какое-то новое явление в истории наукограда. Напротив, это механизм государственной поддержки той деятельности, которая велась в Дубне на протяжении всей второй половины XX века – научной и научно-технической инновационной деятельности. Особая экономическая зона для Дубны – естественное продолжение того пути развития, по которому город идет все последние десятилетия новейшей истории.

В Дубне размещается множество предприятий и организаций, занимающихся разработкой и внедрением новых технологий. В целом городская среда демонстрирует сплав фундаментальной науки и прикладных наукоемких отраслей, город имеет и реализует серьезный инновационный потенциал.

Одним из показателей возросшей роли и значения Дубны для экономики России стало все более частое появление наукограда на страницах федеральной прессы и в новостных блоках центральных телеканалов. Визиты в Дубну

Дубна, институтская часть. Цветущие яблони на набережной, посаженные в августе 1959 года

Дубна, институтская часть. Набережная Волги

Президента России Д.А. Медведева, проведение рабочих совещаний Госсовета, Правительства РФ, федеральных министерств и ведомств давно стали привычными информационными поводами.

В Дубне проживает немногим больше 70 тысяч человек. Каждый сотый житель города входит в профессорско-преподавательский состав Международного университета природы, общества и человека «Дубна», каждый десятый – работает в Объединенном институте ядерных исследований (ОИЯИ).

Объединенный институт является самым крупным градообразующим учреждением. Это международная научно-исследовательская организация, созданная в 1956 году одиннадцатью странами-учредителями на базе Института ядерных проблем и Электрофизической лаборатории АН СССР. В настоящее время членами ОИЯИ являются 18 государств: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Болгария, Вьетнам, Грузия, Казахстан, КНДР, Куба, Молдавия, Монголия, Польша, Россия, Румыния, Словакия, Узбекистан, Украина и Чехия, еще шесть государств участвуют в работе ОИЯИ на основании соглашений о сотрудничестве: Венгрия, Германия, Египет, Италия, Сербия и ЮАР.

На долю ОИЯИ приходится половина открытий (около 40) в области ядерной физики, зарегистрированных в бывшем СССР. Так, в институте были синтезированы все трансурановые элементы, открытые в СССР и России. Признанием выдающегося вклада ученых института в современную физику и химию является решение Международного союза чистой и прикладной химии о присвоении 105-му элементу Периодической системы элементов Д.И. Менделеева названия «Дубний».

В настоящее время ОИЯИ является одним из крупнейших мировых центров, занимающихся фундаментальными исследованиями структуры материи, главным образом – физикой ядра, физикой элементарных частиц и нейтронными исследованиями конденсированного состояния вещества. Одним из ключевых направлений деятельности института является синтез новых сверхтяжелых элементов, которые осуществляют в Лаборатории ядерных реакций ОИЯИ. Главным результатом этих экспериментов стало подтверждение возможности существования «острова стабильности» – группы сверхтяжелых элементов, существующих относительно длительное время, а не распадающихся практически сразу, как все трансурановые элементы, синтезированные к настоящему времени.

Исследования трансурановых элементов в Объединенном институте позволили обнаружить проявления релятивистских эффектов в свойствах сверхтяжелых атомов, в частности, 114-го элемента. Электроны в таких атомах вращаются вокруг ядра со скоростью, соразмерной скорости света, что кардинальным образом влияет на свойства элементов. Так, 114-й элемент, находящийся в Периодической таблице в одном ряду с оловом и свинцом, проявляет свойства инертного газа – именно в силу релятивистских эффектов.

Модель международного научного взаимодействия, осуществленная в Дубне, доказала свою эффективность. Сегодня институт поддерживает связи почти с 700 научными центрами и университетами в 60 странах мира.

С первых дней работы института в нем формируется творческий коллектив талантливых исследователей. Многие физики ОИЯИ являются чрезвычайно яркими личностями с обширными знаниями и интересами в самых разных областях не только науки, но и искусства, и духовной культуры. Одним из этой плея-

Международный университет природы, общества и человека «Дубна»

Дубна, институтская часть. Жилой дом на улице Сахарова

ды был член-корреспондент АН СССР Дмитрий Иванович Блохинцев, инициатор создания и первый директор ОИЯИ. До работы в Дубне он руководил созданием первой в мире атомной электростанции в г. Обнинске. Д.И. Блохинцев хорошо известен в мире своими исследованиями философских аспектов квантовой механики, он внес очень большой вклад в развитие взаимодействия физики и философии.

Как известно, физики всегда соседствуют с лириками, передавая им творческую эстафету. В советское время, наверное, по пальцам можно было пересчитать малые города, где знамя науки и культуры было вознесено на такую высокую планку. Выпускники ведущих советских вузов, специализирующихся на физике, математике, химии, рвались в Дубну – оплот интеллекта, свободы мысли, комфорта и достатка. Неудивительно, что подобная культурологическая ойкумена всегда служила магнитом для творческой элиты страны. Многие отечественные мастера слова двадцатого века приезжали сюда и относились к Дубне с особым трепетным чувством. Так, поэту Андрею Вознесенскому принадлежат известные строки:

Люблю я Дубну. Там мои друзья,
Березы там растут сквозь тротуары,
И также независимы и талы
Чудесных обитателей глаза.

Старые улочки институтской части Дубны до сих пор хранят колорит 1950-60-х годов. Тогда здесь, в международном научном центре, сформировалась блестящая плеяда исследователей законов материального мира. В их числе были талантливые советские физики Д.И. Блохинцев, Н.Н. Боголюбов, В.И. Векслер, В.П. Джелепов, Г.Н. Флеров, И.М. Франк и многие другие.

Долгое время в городе жили и ведущие международные исследователи. Один из них, итальянский физик Бруно Понтекорво, стал почетным гражданином Дубны и академиком АН СССР. А один из его сыновей – Тито, выросший в Дубне, стал первым коннозаводчиком еще во времена распада СССР, возродившим ахалтекинскую породу лошадей.

В Дубну всегда любили приезжать художники и поэты. Здесь часто выступал молодой Владимир Высоцкий – сегодня его именем названа одна из аллей города, на которой установлен памятник знаменитому советскому барду. Здесь бывали известные писатели и публицисты нашей страны: Василий Аксенов, Белла Ахмадулина, Григорий Бакланов, Василий Белов, Александр Бовин, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Александр Зиновьев, Сергей Михалков, Борис Полевой, Роберт Рождественский, Олжас Сулейменов и многие другие.

Жители Дубны – физики и лирики советских лет – по их собственному признанию, всегда чувствовали себя внутренне свободными даже в те годы, когда любое отклонение от «генеральной линии партии» считалось за преступление. Кстати, за это Дубну любил Высоцкий, который фактически дал здесь один из первых своих официальных концертов в 1963 году. А вот как пел о свободной дубненской атмосфере тех лет Юлий Ким:

Дубна! Мечта моя Дубна!
Созданье гордое народа,
В стране – особая страна,
Где максимальная свобода

Уму и личности дана,
Поскольку именно она
Есть первой важности порука
Тому, что может жить наука.
(А без науки всем хана.)

В научных лабораториях Объединенного института ядерных исследований снимался один из шедевров отечественного кино – фильм «Девять дней одного года», где роль молодого ученого гениально сыграл Алексей Баталов. Примечательно, что дубненская фильмография довольно ярко представлена на экранах отечественного кинематографа: «Волга-Волга», «Молодо-зелено», «Крестоносец», «Девять дней одного года», «Василий и Василиса», «Подмосковные вечера»; телесериалы «Бригада», «Охота на изюбря», «Громы» и др.

В настоящее время в Дубне зарегистрировано около четырех тысяч юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые обеспечивают до 60% доходной части местного бюджета; открыто полтора десятка местных отделений крупных российских банков. В городе весьма высок уровень общей медиа-культуры населения. Одна из особенностей – насыщенность информационного пространства Дубны. В плане масс-медиа Дубна – поистине уникальный город в России. По количеству институтов четвертой власти ситуация в Дубне сродни крупным региональным центрам. В городе существует почти два десятка электронных и печатных СМИ: семь газет, телекомпания, проводное радио и местная радиостанция FM-диапазона, множество информационных порталов в Интернете.

В последнее время визитной карточкой Дубны становится не только традиционная интеллектуальная мощь, научный потенциал, инновационные технологии и внимание первых лиц государства. Город постепенно превращается в крупный спортивный, культурный и рекреационный центр Северного Подмосковья, где всерьез делается ставка на качественную инфраструктуру для проведения различных мероприятий, комфортный отдых и развитие познавательного туризма.

Уникальная природа и гидрография Дубненского края способствуют развитию водных видов спорта. В 2004 году в старом русле Волги, поблизости от плотины Иваньковского водохранилища был построен современный водный стадион, на котором ежегодно проводится российские этапы Кубков мира по водным лыжам, аквабайку, скутерам, многие другие российские и международные спортивные соревнования. Кстати, все международные рекорды (пять мировых и девять европейских) российского воднолыжного спорта в фигурном катании установлены спортсменами из Дубны.

Увеличивающийся с каждым годом поток туристов (особенно москвичей) закономерно способствует развитию досуговой и рекреационной инфраструктуры. Не случайно Дубна и ее окрестности переживают настоящий бум на строительство частных отелей, приличных ресторанов, добротных спа-центров и салонов красоты. Одновременно в Дубне закладываются новые культурные традиции: проводятся ежегодные джазовые и рок-фестивали, реализуются духовные и литературные проекты, проходят вернисажи художников, открываются частные музеи.

В Дубне действует шесть православных храмов: самый старый из них, храм

Дубна, Ратмино. Храм Похвалы Пресвятой Богородицы 1827 года постройки

Похвалы Пресвятой Богородицы 1827 года постройки, находится в реестре памятников культуры, остальные пять построены дубненцами в конце XX – начале XXI вв. Здесь находится центр Дубненско-Талдомского благочиния Московской епархии Русской Православной Церкви.

Современная Дубна – это город контрастов, в котором органично сочетаются различные исторические эпохи, природа и технология. Тихие улочки институтской части и левобережья, хранящие романтический флер 1950-60-х годов, соседствуют с современной архитектурной геометрией жилых домов, торговых центров и промышленных зданий Российского центра программирования. Город высокого духа, в котором гармонично соседствуют научно-образовательные учреждения и православные храмы. Даже побыв в Дубне всего несколько дней, ты отчетливо ловишь себя на мысли, что здесь царит не просто хорошая экологическая обстановка. Здесь по-настоящему понимаешь, что означает словосочетание «экология души» и как она необходима человеку для того, чтобы быть счастливым.

Дубненский край: подмосковное Верхневолжье

Одним из ключевых понятий нашего исследования является понятие «Дубненский край». Оно было впервые введено в научный оборот в 1998 году в монографии И.Б. Даченкова и Е.Ю. Крымова «История Дубненского края: средневековый экскурс» и на тот момент представлялось весьма необычным для местного краеведения и всей истории Подмосковья и Верхневолжья. До издания этой монографии понятие «Дубненский край» не было разработано и отсутствовало как в специальной исторической литературе, так и в краеведческих исследованиях по истории Дубны и ее окрестностей.

За годы, прошедшие со времени издания совместной монографии И.Б. Даченкова и Е.Ю. Крымова, понятие «Дубненский край» было апробировано историко-краеведческим сообществом и получило широкое признание как в научно-краеведческих исследованиях, так и в официальном учебнике истории родного края (Буланов М.И., Седых Н.Н., Тарасова Л.М., 2003).

Сложность географического определения понятия «Дубненский край» объективно обусловлена тем, что современный город Дубна, сформированный в своих границах в 1960-м году и с момента создания являющийся городом областного подчинения, во-первых, не имеет собственного района и, во-вторых, исторически находится на стыке границ Тверской и Московской областей (в древнерусское время – на границе новгородских и ростово-суздальских (позднее – владимиро-суздальской) земель). Однако семантика самого понятия «краеведение» указывает на край, а край – как географическая категория – предполагает свою конкретную территорию.

Используемое авторами понятие «Дубненский край» носит гносеологический характер и является результатом историко-краеведческих исследований. При этом оно территориально и исторически связано с Дубенским станом Кашинского уезда.

Под Дубненским краем авторы понимают территориальную общность, исторические связанную с местом впадения реки Дубны в Волгу и определяемую в пределах городского округа Дубна, Талдомского и Дмитровского районов Московской области, а также Кимрского и Конаковского районов Тверской области в следующих географических границах: от верховий Ушаковского ручья (левый приток Волги) на севере до сел Никольское, Архангельское и Стариково на юге; от села Обухово на западе до сел Стариково, Зятьково, Богунино и западной границы города Кимры – на востоке.

В состав территории, определяемой нами как Дубненский край, входит город Дубна Московской области и 42 населенных пункта сельского типа: один поселок Дмитровского района Московской области (Федоровка); тринадцать поселков Талдомского района Московской области (Арефьево, Бережок, Веретьево, Волдынь, Зятьково, Иванцево, Карманово, Крияново, Новотроица, Платунино, Стариково, Усть-Стрелка, Филиппово); восемь поселков Конаковского района

Тверской области (Архангельское, Воронуха, Никольское, Нов. Домкино, Обухово, Спиридоново, Стар. Домкино, Токарево) и двадцать поселков Кимрского района Тверской области (Акулово, Богунино, Губин Угол, Демидовка, Емельяновка, Игнатово, Калинино, Клетино, Крева, Ларцево, Нутрома, Омутня, Пекуново, Прислон, Притыкино, Святое, Соболево, Топорок, Ушаковска, Федоровка).

Географической основой Дубненского края является река Волга, протекающая по его территории с северо-запада на юго-восток до плотины Иваньковского водохранилища и с юго-запада на северо-восток – далее от плотины, в сторону города Кимры.

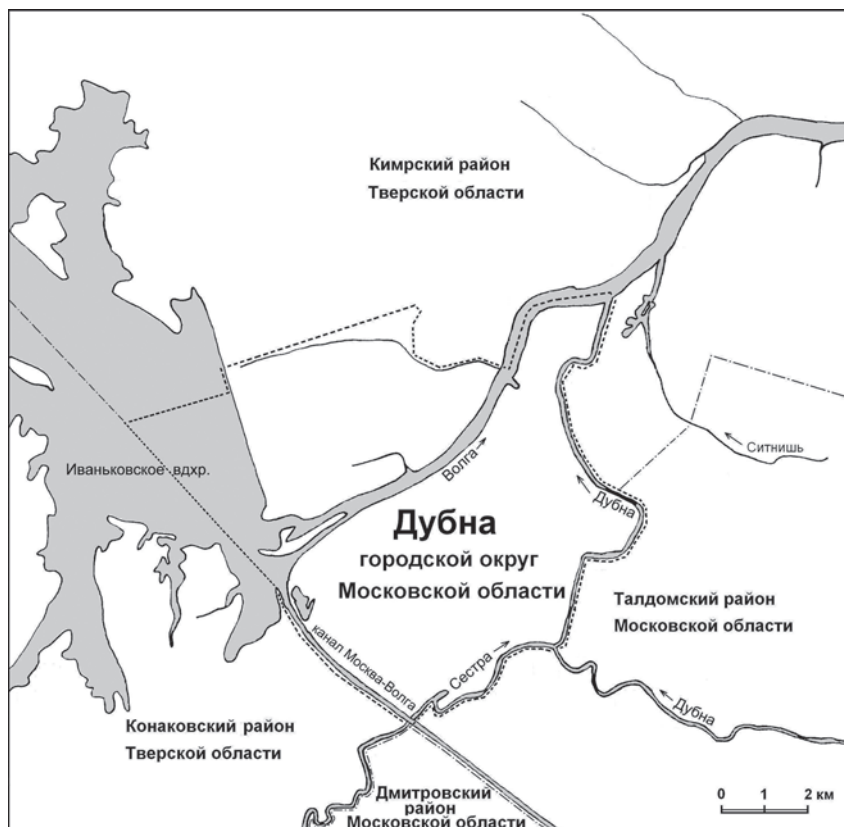
Река Волга является основой пространственной организации города Дубны, расположенного по обоим ее берегам. На правом берегу Волги находится исторический центр Дубненского края – сейчас это улица Ратмино в районе впадения в Волгу ее правого притока, реки Дубны. В прошлом эта река имела важное экономическое значение – через Дубну, ее приток Сестру и приток Сестры реку Яхрому проходил Северный московский торговый ход, по которому с XV в. осуществлялась торговля Москвы со многими регионами России и зарубежья.

Транспортное значение реки Дубны сокращалось по мере развития дорожной сети и практически полностью сошло на нет после открытия судоходства по каналу Москва-Волга в 1937 году, однако в древности и средневековье эта река играла важную роль в обеспечении связности восточноевропейского культурного ландшафта.

Волга, в которую впадает Дубна, является одной из основных водных артерий Евразии. На протяжении тысячелетий она была дорогой культурного взаимодействия, торговли и войны для народов Восточной и Северной Европы, Центральной Евразии, Средней Азии и Ближнего Востока. Через волоки Валдайской возвышенности (известного еще по «Повести временных лет» Оковского леса) проходили дороги, связывавшие Каспийское и Балтийское моря: одна из них – из Волги в Западную Двину и другая – из Волги в Ловать и далее в Ильмень, Волхов, Ладожское озеро и Неву.

У тюрко-монгольских народов Волга имеет традиционное название Итиль (Атиль). Оно до сих пор сохранилось в казахском, чувашском, татарском, башкирском, калмыцком и монгольском языках. В среднем течении Волги в древности располагалась Волжская Булгария – историческая предшественница современного Татарстана, в нижнем течении – город Сарай, столица Золотой Орды (ранний Сарай-Бату, он же Сарай-ал-Махруса, и более поздний Сарай-Берке, он же Сарай-ал-Жедид), в дельте Волги – столица Хазарского каганата город Итиль (возможно, это активно исследующееся в настоящее время Самосдельское городище).

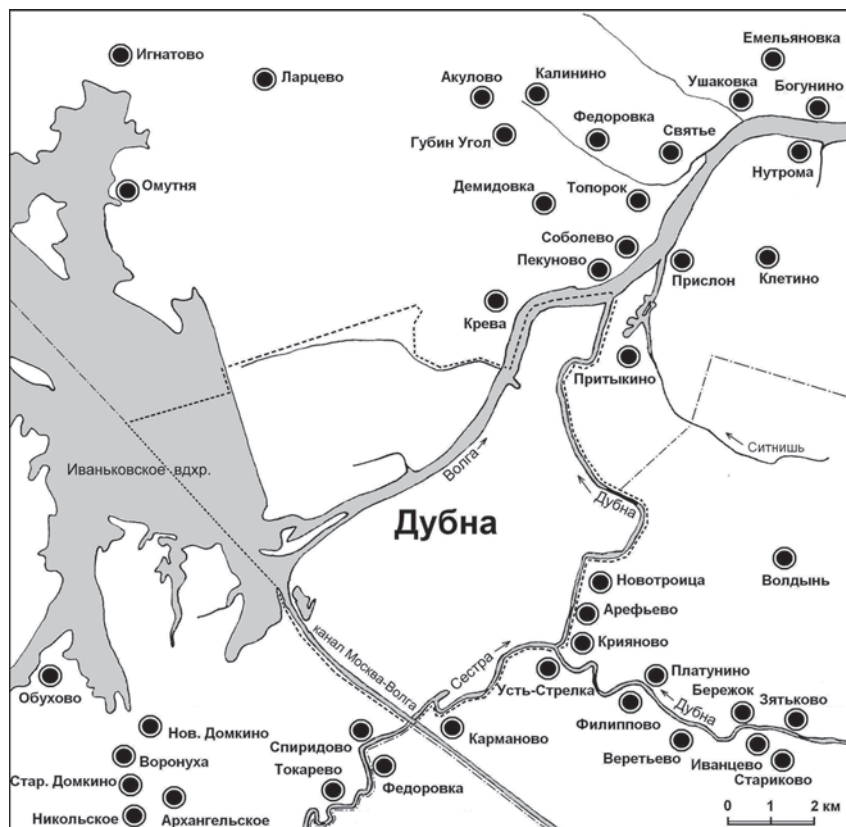
В культурном ландшафте Дубненского края Волга является центральным семантическим элементом. Вокруг нее сформированы основные части города – левобережная и правобережная. Ее берега были наиболее освоенной частью пространства в предшествующие века – именно к ним приурочены археологические памятники края: стоянки бутовской культуры эпохи мезолита, льяловской культуры неолита, волосовской культуры энеолита – ранней бронзы, фатьяновской культуры эпохи средней и поздней бронзы, дьяковские городища раннего железного века и раннего средневековья, селища мерян и славян последующих столетий. Рыболовство традиционно являлось одной из основ хозяйства при-

Административная карта-схема Дубненского края

волжского населения, другой основой была речная торговля.

На территории Дубненского края известны многочисленные находки, связанные с функционированием Волжского торгового пути в конце I – начале II тыс. н.э. Так, в ходе исследований поселения Крева I (оно же - Пекуновское селище) было обнаружено более трех десятков арабских дирхемов первой половины – середины X в., универсального платежного средства того времени на обширных пространствах Евразии, нахождение которых маркирует пути и районы интенсивной торговой деятельности. На площадке того же памятника была обнаружена бронзовая бляшка-крючок с позолотой, на которой изображена стилизованная звериная морда. Это предмет скандинавского происхождения, датирующийся, вероятно, X в., похожие изделия найдены в культурных слоях Юрикова городища, в Бирке и Старой Ладоге. В окрестных районах Верхней Волги известен еще целый ряд находок предметов вооружения и украшений скандинавского типа того же времени (Исланова И.В. и др., 2005). Они свидетельствуют о существенной роли скандинавского этнического начала в истории

Населенные пункты Дубненского края

Древней Руси и об активном участии скандинавов в деятельности Волжского торгового пути.

Наиболее важным археологическим памятником домонгольского периода на территории Дубненского края является городище Дубна – остатки древнерусского города Дубна, исторического предшественника современного наукограда. Среди находок, сделанных в ходе его исследований Дубненской археологической экспедицией Фонда «Наследие» – многочисленные предметы, свидетельствующие об активной хозяйственной деятельности древнерусского населения, связанной с рекой Волгой: рыболовный крюк, керамическое грузило для сети, чешуя рыб.

С этого же места происходят археологические материалы, связанные с функционированием Дубенского мыта – таможенного поста Тверского, затем Московского, а после – Дмитровского удельного княжества. Этот пост располагался в устье реки Дубны, и его задачей было регулирование торговой деятельности, осуществлявшейся по Волге и далее по Дубне.

Необходимо отметить, что Волга вообще занимает совершенно особое место в российской культуре. В системе базовых геокультурных образов это не просто одна из рек – это единственная Река, один из ключевых элементов российской культурной самоидентификации. Ее называют «живым символом России», отождествляют с Родиной, считают символом свободы, простора, широты и величия духа (Шешунова С.В., 2002). В бытовом словоупотреблении, народных песнях, пословицах и поговорках за ней закрепилось наименование «Волга-матушка». Это уникальная для гидронима ситуация – больше ни одну реку в русском языке так не называют.

Подмосковное Верхневолжье как своеобразный географический район выделилось из тверского Верхневолжья в середине XX века. Его формирование произошло в два этапа: в сентябре 1956 года из состава Калининской (Тверской) области в Московскую область был передан молодой город Дубно (правобережная часть современной Дубны), а в феврале 1958 года, также в Московскую область, был передан город Иваньково (левобережная часть современной Дубны).

Таким образом, один из участков Верхневолжья получил географическую «прописку» в Подмоскovie – и им оказался район, исторически связанный с Москвой, – и не только связями XX века, каналом имени Москвы и т.н. «Московским морем». Отсюда, с устья Дубны, еще в XV-XVI вв. начинался «северный московский торговый ход» – водный путь в сторону Москвы, имевший большое экономическое и политическое значение. Еще раньше, в домонгольское время, в этой местности располагался один из важных форпостов ростово-суздальской (позднее – владими́ро-суздальской) земли – исторического и географического предшественника Московской Руси. Таким образом, географическая новация, называемая нами «подмосковным Верхневолжьем», имеет весьма серьезные основания в историческом прошлом и не является результатом одной только истории XX века.

Сам термин «подмосковное Верхневолжье» впервые был предложен И.Б. Даченковым в обзорной статье о Дубне «Сто пятый элемент» (2010); настоящая книга является первой попыткой развернутого обоснования и апробации этого термина.

Историческая топонимика: Дубна и Сестра

Самыми древними из всех географических названий (топонимов) являются названия рек и озер – гидронимы. Если упоминание о Москве как древнем поселении появилось в летописи в 1147 году, то название реки Москва, по расположению которой получил название город, возникло на одно-два, а то и более тысячелетий раньше. Именно реки служили в древние времена основными дорогами миграций, торговли, войны, являлись наиболее важными географическими элементами хозяйственной деятельности. Народ, заселявший новые территории, как правило, принимал уже существующие до него названия рек, по которым проходило его расселение – и уже по мере освоения территории появлялись названия населенных пунктов, лесов, болот, гор и всех видов урочищ.

Поэтому среди географических названий любой территории наименования рек и озер наиболее устойчивы, менее всего подвергаются сознательным, целенаправленным изменениям. Со сменой населения гидронимы ассимилируются новыми насельниками, искажается их звучание, приспосабливаясь к произносимым нормам пришельцев, непонятные названия нередко переосмысляются, но очень редко старые названия заменяются совершенно новыми. Значение гидронимов рек обусловлено той исключительной ролью, которую играли и продолжают играть реки и крупные озера в жизни человеческого общества. Они служат источниками воды и обеспечивают рыболовство, один из древнейших промыслов. Кроме того, реки издавна служили транспортными, торговыми артериями, связывавшими народы между собой, а также являлись естественными рубежами, границами различных племенных территорий. Речные названия в топонимике выполняют роль своеобразного фундамента, каркаса, служат важнейшим средством привязки объектов к местности, их ориентировке в пространстве.

Гидронимы Московской области с севера и юга окаймляют Волга и Ока, между ними расположены Клязьма и Москва, а пространство между этими основными реками заполняют их притоки, среди которых Истра, Руза, Лама, Воря, Яхрома, Сестра и т.д. Примечательно, что ни одно из этих названий, за редким исключением, не может быть осмыслено современным русским населением Подмосковья. Только небольшие речки и ручьи имеют понятные (или кажущиеся понятными) русские названия: Березовка, Каменка, Черноголовка, Черемушка и т.д.

Вплоть до середины XX века среди исследователей этнической истории Волго-Окского междуречья доминировало представление, что вся территория современной Московской области до появления славян была заселена племенами финно-угров. А из этого следовал вывод, что вся дорусская гидронимия Московской области была финно-угорской по своему происхождению.

Однако это тривиальное представление начало постепенно разрушаться уже в самом начале XX века. Так, в 1901 году историк и географ А.Л. Погодин, занимаясь историей расселения славянских племен, указал на принадлежность ги-

дронима Руза (левый приток реки Москвы) к балтским языкам. Серьезный вклад в список балтских названий Подмосковья внес в 1932 году известный лингвист М. Фасмер, убедительно доказав балтское происхождение названий рек Истра, Лама, Лоба, Нара. Но сплошной анализ гидронимии Подмосковья, который выявил массовый характер балтских названий, был выполнен только в 1972 году академиком В.Н. Топоровым. В дальнейшем исследования в этом направлении продолжили авторитетные специалисты в области истории, исторической лингвистики и ономастики В.А. Никонов, Л.Г. Невская, Р.А. Агеева, М.В. Горбаневский, Д.А. Крайнов, В.А. Кучкин, В.П. Нерознак.

Чтобы определить, какие народы и в какое время создали дорусскую гидронимию современной Московской области, необходимо привлечь данные археологии. По мнению одного из наиболее авторитетных специалистов по этому вопросу, академика В.В. Седова, языковая принадлежность древнейшего населения нашей территории до сих пор окончательно не определена. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что археологические находки каменного века (палеолит, мезолит, неолит) оставлены дофинно-угорским и доиндоевропейским населением, этническая принадлежность которого неизвестна; в дальнейшем оно было ассимилировано пришельцами.

Кем были эти пришельцы? В конце III – начале II тыс. до н.э. на территории современных центральных районов европейской части России, первыми из индоевропейцев, расселяются племена шнуровой керамики. В частности, Волго-Окское междуречье, где и находится Подмосковье, оказалось в зоне распространения фатьяновской культуры. По взглядам некоторых современных исследователей, именно фатьяновцы являются предками балтских племен. Далее, в самом начале II тыс. до н.э., фатьяновцы были подвергнуты с востока давлению племен волосовской культуры, которая этнически соответствует финно-угорской языковой общности. Анализ гидронимии Московской области показывает, что волосовская финно-угорская гидронимия представлена лишь на северо-востоке области. Сохранение в этих же районах балтских гидронимов позволяет предполагать мирное сосуществование балтов с финно-уграми.

Проживание балтоязычных племен в этом регионе до прихода славян подтверждается и лингвистическими данными. Академик Б.А. Серебренников (1957), рассматривая балтские заимствования в волжско-финских языках, отмечал «наличие в лесной полосе в районе Волго-Клязьминского междуречья до появления в этих местах славян... индоевропейского языка, весьма близкого к современному балтийским языкам». Впервые как народность балтов описывает готский историк Иордан в VI в. н.э. Тогда они уже занимали территорию от берегов Балтики до Нижнего Дона. В древнерусских летописях сохранились названия целого ряда балтских племен: литва, летгола, земигола, жмудь, корсь, ятвяги, голядь и пруссы.

Таким образом, к концу I тыс. н.э., уже на момент образования Киевской Руси, на востоке современной Московской области древние балты контактировали с финно-угорским населением, представленным, в частности, племенами меря и мурома, известными по упоминаниям их в летописях. Мерянское население тяготело к Ростову Великому, а мурома - к городу Муром. Проживало на этой территории и финно-угорское племя мещера. В VIII-IX вв. в Волго-Окском междуречье появились первые славянские колонисты – кривичи и вятичи, но и после

прихода славян балтское население не покинуло полностью Подмоскowie. Об этом, в частности, свидетельствуют летописные упоминания о балтском племени голядь, обитавшем на реке Протве, на юго-западе современной Московской области. Кстати, название этого племени сохранилось в названиях двух деревень Голядь: одна - в 4 км к западу от Клина, другая - в 20 км к западу от Дмитрова. Кроме того, известна речка Гольдянка в системе левых притоков реки Москвы на юго-востоке столицы. Любопытно, что в пределах того же балтийского ареала (в Мытищинском и Коломенском районах) дважды встречается этнопоним «прусы» - еще один западно-балтский народ. Совместное упоминание голяди и пруссов отмечается и в других местах. Из вышесказанного следует, что территория Московской области дольше всего находилась в сфере балтоязычного населения.

Таким образом, выделяется три этнических пласта в названиях рек Московской области:

1) Гидронимия балтийского происхождения, которая распространена на всей территории области, причем на юго-западе она наиболее поздняя, оставленная племенем голядь.

2) Финно-угорская гидронимия также возможна на всей территории, однако локализована на северо-востоке, где финно-угорские племена ассимилировали более раннее балтоязычное население.

3) Славянская и более поздняя русская гидронимия.

Необходимо отметить, что четкая дифференциация происхождения гидронимов не всегда возможна. Поэтому в сомнительных случаях для ориентирования в стратиграфии топонимических пластов может быть полезным учет общей топонимической закономерности, которая выражается в том, что наиболее древними обычно оказываются названия самых крупных рек, а самыми молодыми - названия небольших. Т.е. чем больше географический объект, тем древнее его название, следовательно, тем труднее определить его этимологию. Рассмотрим последовательно каждую из представленных категорий гидронимов на территории Московской области на конкретных примерах. Особо остановимся на балтской гидронимии.

Самые крупные реки области - Волга и Ока. Фактически, до 60-х годов XX века в исторической ономастике сосуществовали две версии (славянская и финская) относительно генезиса названия этих рек. Например, название Волга объясняли из славянского «влага» или древнерусского «волога», либо из финского *valkea* - белый. В настоящее время по совокупности всех исторических и лингвистических данных принимается балтское происхождение этого названия (литовское и латышское *valka* - употребляется в значении «ручей, текущий через болото» и «небольшая, заросшая травой река»). Эти значения и сейчас хорошо подходят для верхнего течения реки, а две-три тысячи лет назад в языке древних балтов и само название, и слово, от которого оно было образовано, могли звучать иначе и иметь, скажем, значение просто «река».

Аналогичная ситуация с происхождением названия Ока. Исследователями этимологии оно первоначально возводилось из славянского «око» - глаз и из финского *joki* - река, но, в итоге, остановились также на балтском толковании. Сравните литовское *alkis*, латышское *alcis* - «бьющий из глубины ключ», «небольшое открытое пространство воды в зарастающем болоте или озере».

Названию реки Москва принадлежит первое место среди всех гидронимов Подмосковья по количеству посвященных ему объяснений – от самых нелепых любительских версий до серьезных научных гипотез. Пожалуй, одно из наиболее курьезных и забавных принадлежало перу автора XVII века, который считал возможным образование Москва из сложения личных имен внука библейского праотца Ноя Мосоха и его жены Ква.

Однако самое широкое признание среди специалистов получила балтская этимология гидронима Москва, разработанная академиком В.Н. Топоровым. Он убедительно показывает, что источником известных нам форм Москва, Московь, Москова могли быть балтские формы типа Mask-(u)va, Maskava, Mazgava, обозначающие нечто «жидкое, мокрое, топкое, вязкое, слякотное». Конечно, в целом река Москва не может считаться болотистой, но на отдельных участках ее течения подобная характеристика была вполне возможной. Достаточно вспомнить, что начинается река в Старьковском болоте (оно же Москворецкая лужа).

Поскольку наиболее крупные реки рассматриваемого нами региона отнесены к числу балтских, то впадающие в них средние реки должны быть не более древними, т.е. иметь также балтское или еще более позднее происхождение. Прежде всего отметим гидронимы, имеющие в основе балтские народные географические термины. Среди них гидроним Нара (левый приток Оки) от литовского *na* – «поток», название реки Лама (правый приток Шоши) сопоставимо с литовским *loma*, латышским *lama* – «низина, узкая длинная долина, болото, маленький пруд». Известные гидронимы Лобня (левый приток Клязьмы), Лобца (левый приток Истры), Лобь (левый приток Шоши) восходят к балтскому географическому термину *loba, lobas* – «долина, русло реки». Сюда же относится и гидроним Лопасня (левый приток Оки), где балтская основа осложнена распространенным в названиях рек русским суффиксом -ня.

Методика выявления происхождения гидронимов разнообразна. Так, например, балтское происхождение многих названий удастся установить путем сравнения с гидронимией балтских территорий, учитывая при этом возможные фонетические изменения. Например, гидроним Яуза. Известны четыре реки с таким названием, из которых три находятся в Московской области: одна – приток Москвы, другая – Сестры и третья – Ламы. Еще одна Яуза протекает в Смоленской области. Существование для некоторых из этих названий варианта Ауза позволяет сопоставить этот гидроним с рядом аналогичных названий в Латвии: реки Аузас и Аузец, болото Аузу, луг Аузи. Географическая локализация всех указанных названий на сравнительно ограниченной территории: запад Московского региона, Смоленщина и Латвия – позволяет утверждать их общее балтское происхождение.

В ряде случаев близость балтских языков со славянским затрудняет определение происхождения названия. Именно в этом контексте следует рассматривать гидронимы Дуба (левый приток Рузы), Дубенки (левый приток Нары, левый приток Клязьмы), наш гидроним Дубна и другие, с той же основой «дуб». Как я уже отмечал, кажется очевидным генезис этих названий от славянского наименования «дуб». В ряде случаев это действительно было так, и подобная этимология характерна, в основном, для топонимов (т.е. населенных пунктов, но не рек) Южной Руси. Упомянутые Н.М. Карамзиным летописные Дубно и Стародуб вблизи Чернигова – яркие тому примеры.

Заметим, что ареал расселения балтских племен и распространения балтской гидронимии помимо Верхнего Поволжья захватывал, в том числе, Верхнее Поднепровье и нижнее Подонье, а также территорию современной Мордовии. Известно, что днепровские балты в VI-IX вв. ассимилировались славянами. Об этом убедительно пишут В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев (1962), П.Н. Третьяков (1966), В.В. Седов (1971), Ю.В. Откупщиков (1971).

Таким образом, при оценке существования гидронима Дубна на нашей территории необходимо рассматривать балтскую основу «dub» в значении «глубокий», равно как и балтские форманты -на, -ин, которые служат определяющим признаком балтской гидронимии. Как уже было сказано выше, они широко представлены в Подмоскowie, куда проникают с балтскими племенами. Образованные от этих основ названия в процессе длительного употребления славянским населением были русифицированы и стали неотличимы от исконно русских названий. Именно таким, переосмысленным русскими, названием балтского корня и является Дубна – «глубокая река».

Академик В.Н. Топоров, авторитетный специалист в области отечественной топонимики, автор монографии «Baltica Подмоскowie» (1972), восточную границу области с надежно выявляемой балтийской гидронимией определяет к северу от Москвы, примерно по линии Санкт-Петербургской железной дороги, включает в нее Москву с ее ближайшим восточным окружением и далее к югу проводит ее по течению реки Москвы до ее впадения в Оку. Восточнее этой границы балтские гидронимы встречаются реже и имеют признаки финноязычного влияния. В рамках указанной границы и располагаются реки Дубна и Сестра, протекающие в окрестностях нашего города и представляющие для нас серьезный краеведческий интерес.

Несомненные балтские корни выявляются не только в первом, но и во втором гидрониме. Река Сестра, левый приток Дубны, по общепризнанному мнению специалистов от исторической лингвистики, тоже имеет балтское происхождение (равно как и похожие Истра, Осетр). Внешне это чисто русское название, но настораживает необычность его формы – существительное в именительном падеже. В основе гидронима находится индоевропейский корень *strǵ* – «течь», от которого образован и ряд балтских гидрографических терминов: литовское *strautas* – «дождевой ручей», латышское *strava* – «поток, большая река», *straļa* – «поток, течение», *straume* – «поток, быстрина», *struga* – «струя». Поэтому можно говорить о балтском происхождении названия Сестра с его дальнейшим переосмыслением и некоторым искажением.

Примечательно, что истоки реки Истра находятся всего лишь в нескольких километрах от озера Сенеж, откуда берет свое начало Сестра. Широко известно явление, когда реки, берущие начало на одном водоразделе, но текущие в разные стороны, получают фактически одинаковые названия. Вспомним про два Буга, две Нерли, две Караганки и пр. Вполне вероятно, что первоначально и здесь были две реки Стра, названия которых в процессе употребления славянским, древнерусским населением превратились соответственно в Истра и Сестра.

Финно-угорская гидронимия сосредоточена на севере и северо-востоке Московской области и в основном представлена названиями малых рек, протяженность которых не превышает 50 км. Как правило, они являются притоками

более крупных рек с балтскими названиями, что свидетельствует об относительно позднем появлении финского населения. Определяющими формантами финской гидронимии являются морфемы -ога/ега, -окша/охта, -ома (мерянский формант), -кша/кса и др. Среди рек Московского региона в плеяде финских гидронимов можно с уверенностью назвать следующие: Воймега, Молога, Молокша, Вондюга, Куйма, Ялма, Ямуга, Икша (кстати, в марийском языке «икса» - ручей, небольшая река). И конечно же, хорошо нам известная река Яхрома (правый приток реки Сестры), давшая название одноименному населенному пункту, которая является самой крупной из рек с финскими названиями. В этом гидрониме вычлениют основу -яхр- (определяя ее как мерянское «озеро»). Примечательно, что реки Икса, Икша встречаются в бассейне реки Обь и на Урале, убедительно показывая путь, по которому волосовские племена, носители термина «икса», перемещались миграционными потоками из Зауралья на Волгу, а затем в Подмоскowie и на Север, потеснив осевших здесь до их прихода балтоязычных фатьяновцев.

К началу XI века, когда только началась славянская колонизация Верхневолжья, относится генезис ранней славянской (древнерусской) гидронимии. Обычно ее связывают с двумя из пятнадцати известных в «Повести временных лет» восточно-славянских племен. Кривичи пришли в Подмоскowie из низовьев Вислы и расселились по правым притокам Волги, а вятичи, придя с юго-запада, осели по Оке и ее притокам. Довольно низкая плотность балтского и финского населения этой территории позволила славянским колонистам свободно размещаться на незанятых землях. В результате мирного совместного проживания со своими предшественниками, славянские пришельцы творчески освоили существовавшие до их прихода названия крупных и большей части средних рек, а свои названия давали лишь ранее безымянным рекам. Таковыми оказались немногие средние, а в основном - многочисленные малые реки.

Отметим, что из числа средних рек славянское (русское) происхождение имеют немногие, незначительные по протяженности (50-75 км). Они легко распознаются благодаря прямой связи между их названием и семантикой отдельных древнерусских слов: Веля (правый приток реки Дубны) от древнерусского слова велия - «большая», Десна (левый приток Пахры) от славянского десный - «правый», Меча (левый приток Вожи) от древнерусского меча - «медвежья». Из наиболее известных и приближенных к нам гидронимов древнерусского происхождения необходимо упомянуть речку Ситмежь - правый приток Волги, протекающую близ современных деревень Притыкино и Прислон в окрестностях Дубны. В основе названия термин «сита» - обобщающее название таких речных растений, как ситник, камыш, рогоз, тростник и др. Все они применялись для плетения, а их корневища были съедобны. Отсюда в народном сознании все эти растения ассоциировались как единое целое и имели ряд общих наименований (реки Сить, Ситня, Сытня, Ситинка и пр.). Примечательно, что «сита» и производные от него топонимы распространены на севере и северо-западе славянских территорий и связаны с ареалом расселения кривичей.

Археологическая карта Дубны и Дубненского края

Первую сводку археологических находок, сделанных на территории, вошедшей позднее в состав современной Дубны, опубликовал в 1903 году тверской археолог и краевед В.А. Плетнев. Им же был поддержан вывод, сделанный еще в последней четверти XIX в. Р.Н. Никулиным, о том, что городище, расположенное при устье реки Дубны на стрелке Волги, представляет собой остатки древнерусского города Дубна.

В 1935 году археологическую карту Верхней Волги, охватывающую территорию Дубны, опубликовал известный советский археолог О.Н. Бадер. При подготовке этой карты были сведены результаты исследований, осуществленных в 1932-1933 гг. археологической экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры им. Н.Я. Марра по трассе канала Москва-Волга. Развернутую публикацию материалов раскопок тех лет О.Н. Бадер выполнил в 1950 г.

В 1962-1965 гг. отряд археологической экспедиции Государственного Исторического музея под руководством А.В. Успенской проводит раскопки на Ратминском поселении (городище Дубна) и Пекуновском селище (поселение Крева 1), а также выполняет небольшие разведывательные работы.

В 1986 г. разведочные исследования в окрестностях устья Дубны осуществляет отряд сотрудников Института археологии РАН С.В. Белецкого и А.С. Фролова при участии дубненского краеведа Е.Ю. Крымова.

В 1995 г. сводка результатов археологических исследований на территории Дубны издана Институтом археологии РАН во второй части «Археологической карты Московской области», в составе раздела, посвященного памятникам Талдомского района и подготовленного Т.Д. Николаенко. В этом издании на территории города указывается семь археологических памятников.

В 1997 г. археологическую карту Дубны и ее окрестностей публикует дубненский краевед Е.Ю. Крымов в соавторстве с преподавателем Международного университета «Дубна» Т.Е. Строковской. Эта публикация вводит в научный оборот результаты многолетних исследований дубненских краеведов. Дополнения к этой карте содержатся в совместной монографии И.Б. Даченкова и Е.Ю. Крымова, изданной в 1998 г.

В 2009 г. археологические карты города Дубны и Дубненского края публикует Фонд «Наследие».

Материалы по археологическому картированию территории города входят в состав городского генплана, принятого Советом депутатов г. Дубны в 2010 г.

Всего на настоящий момент известно о четырнадцати археологических памятниках на территории города Дубны: четырех стоянках, шести поселениях и селищах, одном местонахождении фатьяновской культуры, одном курганном могильнике, одном городище раннего железного века и одним древнерусском городище. Сохранность памятников разная, некоторые из них к настоящему мо-

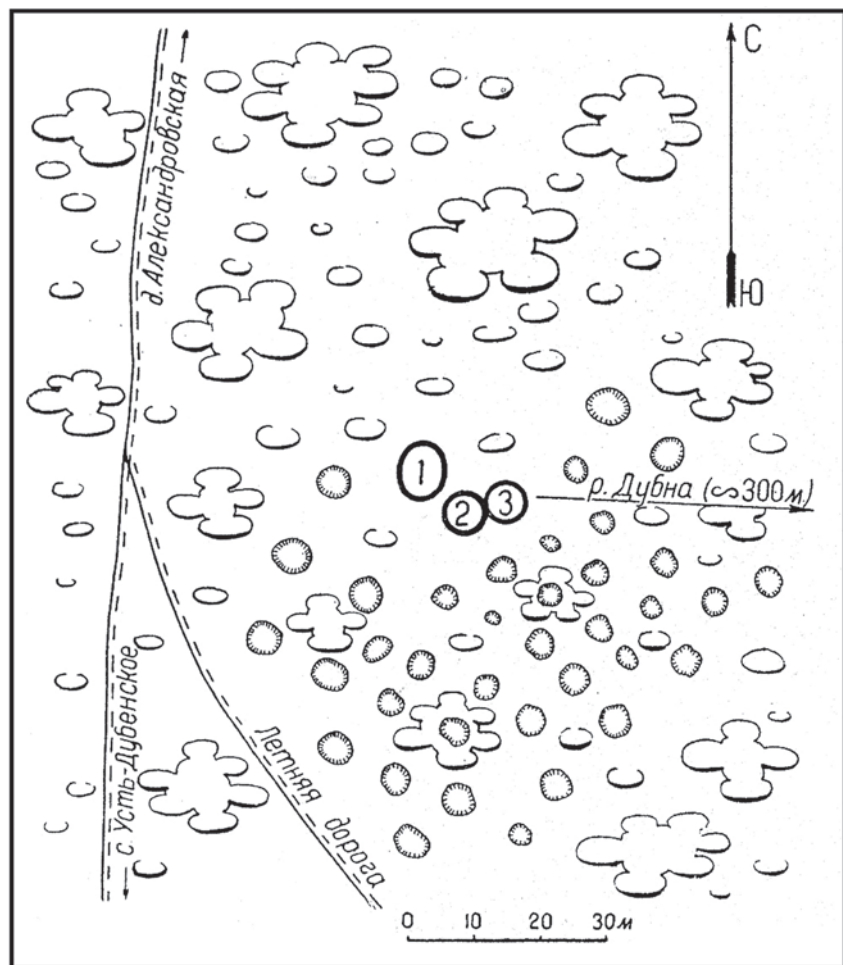

Археологическая карта города Дубны и его окрестностей

менту полностью уничтожены в результате природных и антропогенных процессов. Описания памятников:

1. Стоянка Дубна 1. Расположена на правом берегу Волги, на территории институтской части городского округа Дубна Московской области. Ранний слой стоянки датируется эпохой неолита и относится к льяловской культуре; поздний слой датируется эпохой энеолита и ранней бронзы и относится к волосовской культуре.

2. Стоянка Дубна 2. Расположена на левом берегу реки Дубна, к западу от микрорайона Александровка, на территории городского округа Дубна Московской области. С площадки памятника известны находки каменных предметов эпохи неолита.

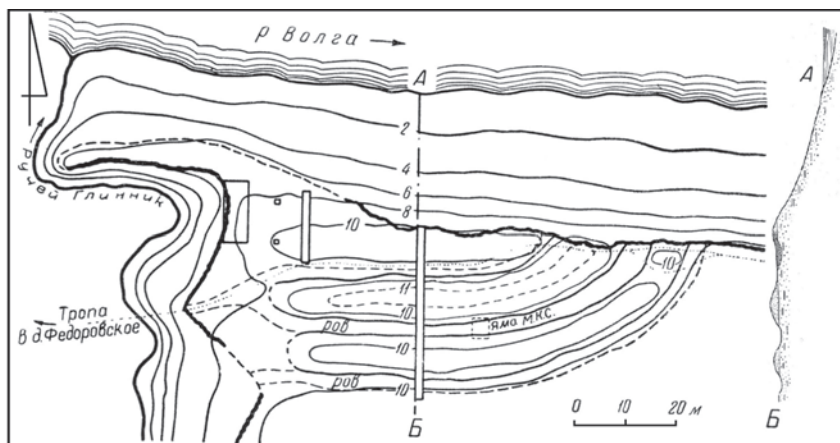

Курганный могильник Дубна. План памятника (Бадер О.Н. и др., 1935)

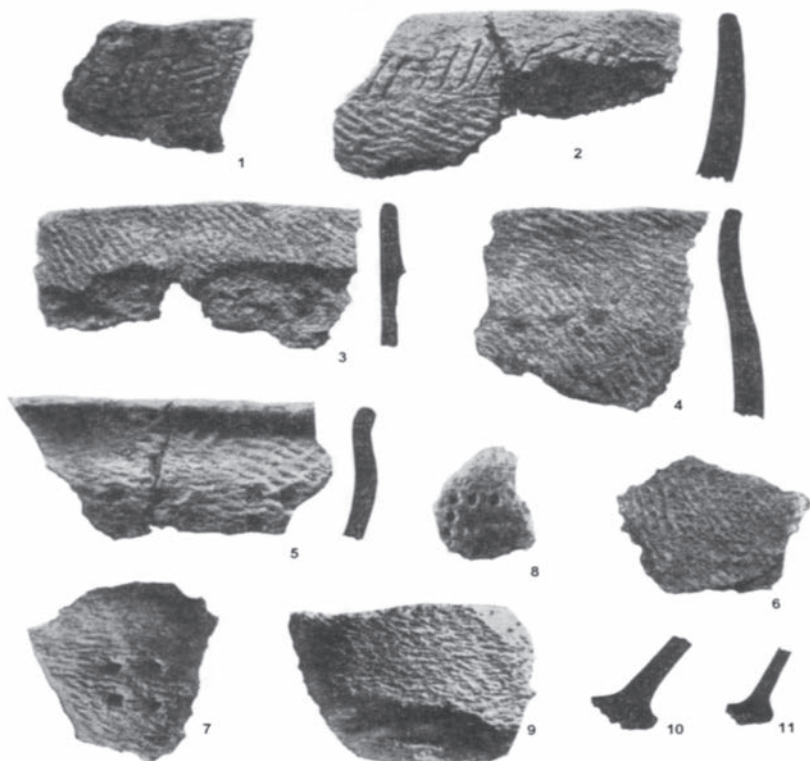
3. Стоянка Дубна 3. Расположена на правом берегу Волги, непосредственно у устья реки Дубны, по ее левому берегу, на территории городского округа Дубна. Первые находки со стоянки описаны В.А. Плетнёвым. Из культурного слоя стоянки, находящегося под слоем городища Дубна, происходят многочисленные отщепы и орудия на отщепах, датирующиеся эпохой неолита.

4. Стоянка Ратмино. Расположена на левом берегу реки Дубна, непосредственно к юго-западу от селища Старое Ратмино, на территории городского округа Дубна Московской области. Из культурного слоя происходят каменные орудия, относящиеся к бутовской культуре эпохи мезолита.

5. Местонахождение Дубна. Расположено на правом берегу Волги, непосредственно у устья реки Дубны, по ее левому берегу, на территории городского

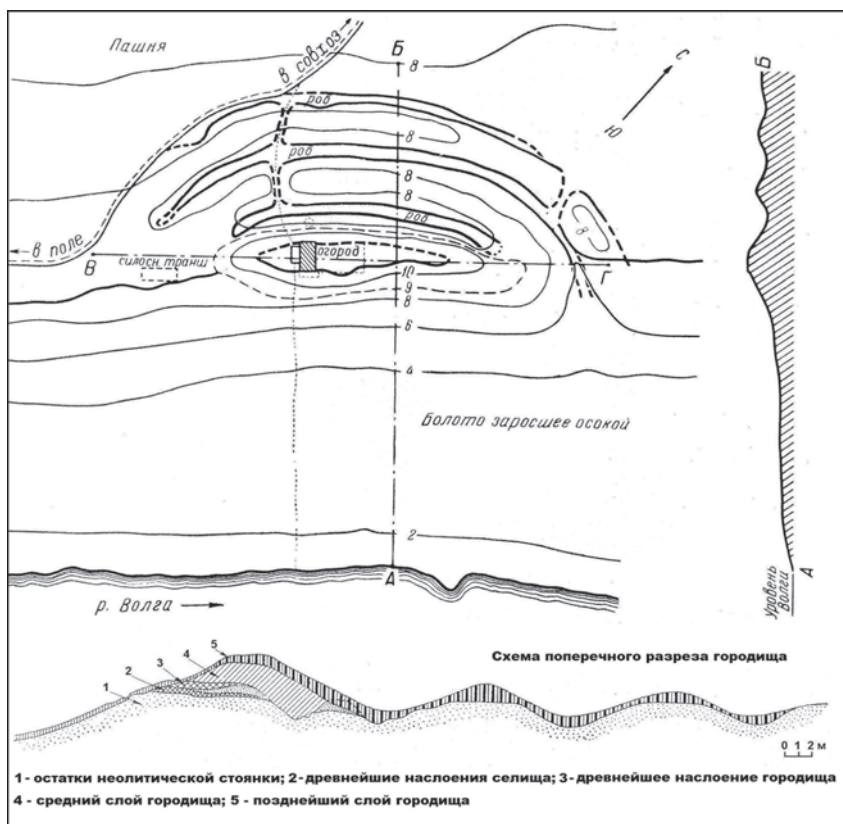
Иваньковское городище. План памятника (Бадер О.Н., 1950)

Иваньковское городище. Фрагменты керамических сосудов (Бадер О.Н., 1950)

Городище Крева под снегом. Современный снимок из космоса

Городище Крева. План памятника (Бадер О.Н., 1950)

Городище Крева. Раскоп 1932-1933 гг.
на оборонительных сооружениях
(Бадер О.Н., 1950)

паду от устья реки Дубны. С площадки памятника известны отдельные находки XI-XIII вв., а также достаточно многочисленные предметы XV-XVI вв.

9. Селище Старое Ратмино (Усть-Дубенское). Расположено на левом берегу реки Дубна, к юго-юго-западу от улицы Ратмино, на территории городского округа Дубна. Обнаружено отрядом О.Н. Бадера. Из культурного слоя памятника происходят находки, датирующиеся начиная с XI-XIII вв. Возможно, представляло собой удаленный посад древнерусского города Дубна. С XV по XIX вв. на этом месте существовала деревня Ратмино.

10. Селище Черная речка. Расположено на правом берегу Волги, на территории городского округа Дубна, между железной дорогой и берегом реки. По данным схемы историко-архитектурного опорного плана, входящего в состав генплана г. Дубны, селище содержит материалы, начиная с XI века.

11. Селище Южная Канава (Подберезье 2). Расположено на левом берегу Волги, на территории городского округа Дубна, у устья Южной Канавы по ее правому борту. Практически полностью уничтожено современными строительными работами. Материалы из культурного слоя селища датируются IX-XI вв. и относятся, вероятно, к культуре меря.

12. Курганный могильник Дубна («у деревни Александровка»). Расположен на левом берегу реки Дубна, к северо-западу от микрорайона Александровка, на территории городского округа Дубна. О.Н. Бадер зафиксировал здесь три курганные насыпи. Судя по всему, к настоящему времени могильник не сохранился.

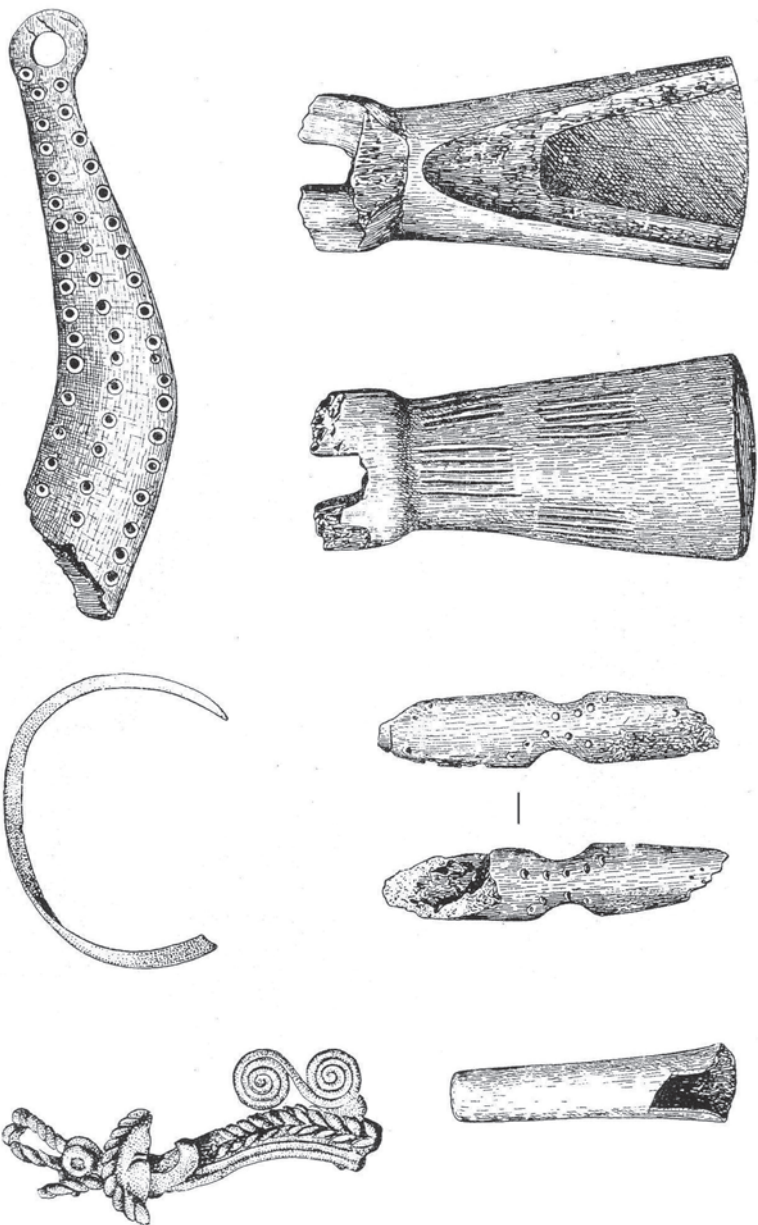
13. Городище Ивановское. Расположено на правом берегу Волги, на территории городского округа Дубна Московской области, в районе бывшей пристани «Большая Волга». Открыто О.Н. Бадером в 1930 г. с борта парохода, исследовано

округа Дубна. Здесь обнаружен обломок обушковой части каменного сверленого топора, датирующегося эпохой бронзы и относящегося к фатьяновской культуре.

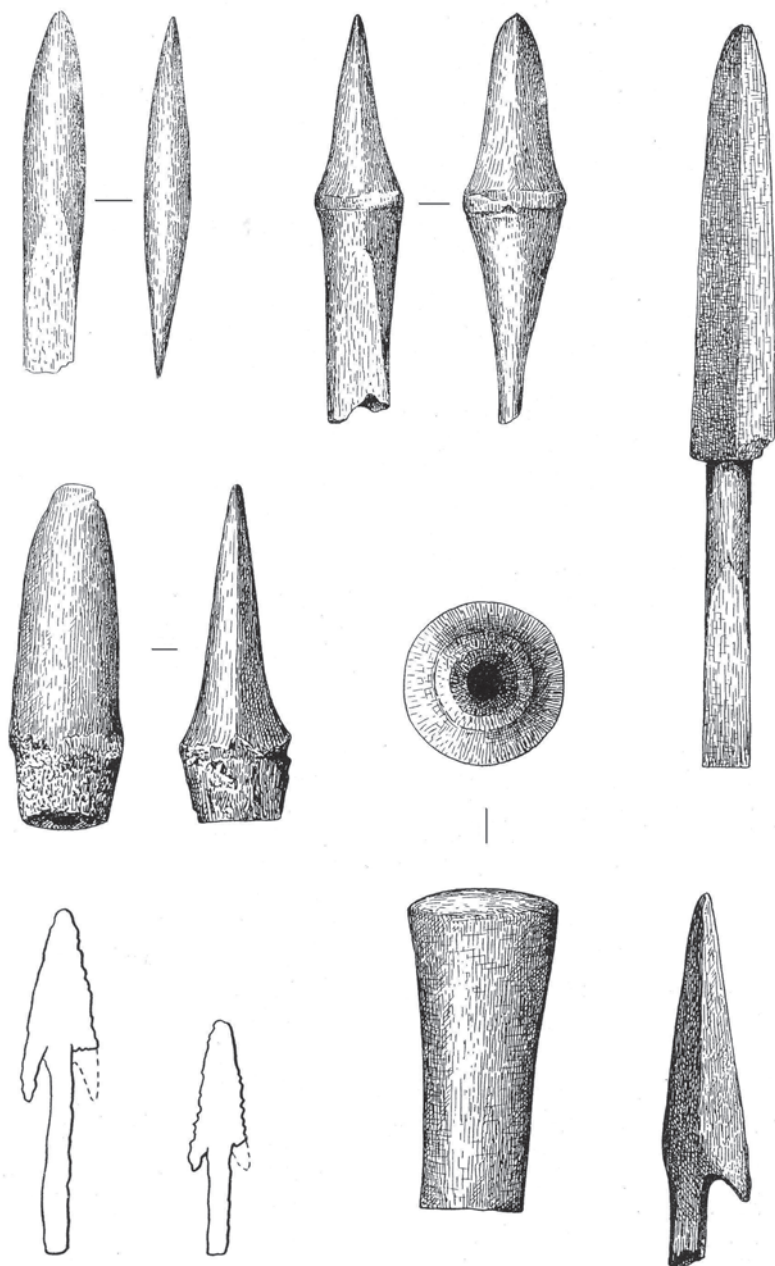
6. Поселение Ивановское. Расположено на правом берегу Волги, на территории городского округа Дубна, между железной дорогой и берегом реки. С площадки памятника происходят материалы XV-XVI вв.

7. Селище Подберезье 1. Расположено на левом берегу Волги, на территории городского округа Дубна, на площадке Особой экономической зоны. По данным схемы историко-архитектурного опорного плана, входящего в состав генплана г. Дубны, селище содержит материалы, начиная с XI века.

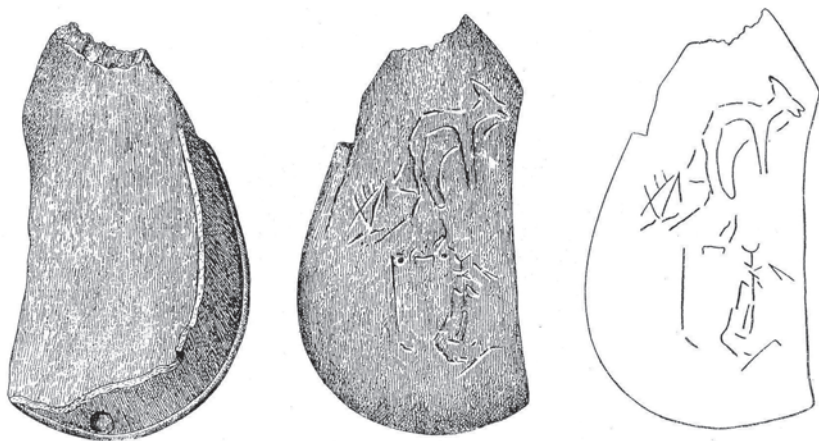
8. Селище Полив. Расположено на правом берегу Волги, на территории городского округа Дубна, к юго-западу от устья реки Дубны.

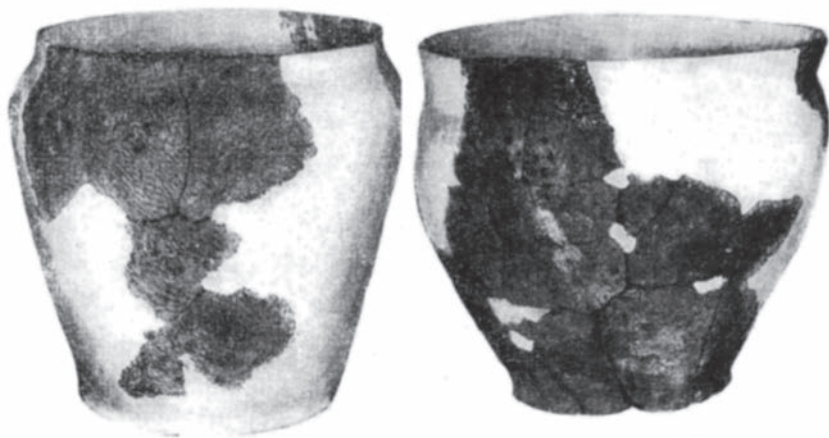
Городище Крева. Изделия из бронзы и кости (Бадер О.Н., 1950)

Городище Крева. Наконечники стрел из кости и железа (Бадер О.Н., 1950)

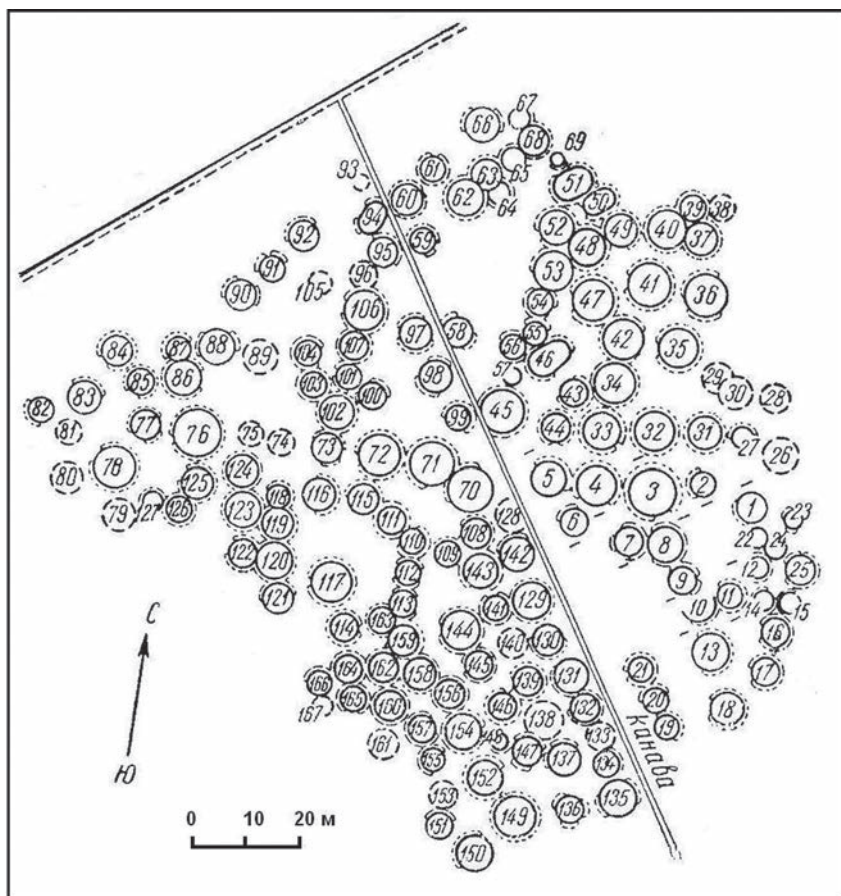
Городище Крева. Роговая коробочка с изображением животного (Бадер О.Н., 1950)

Городище Крева. Реконструированные сосуды (Бадер О.Н., 1950)

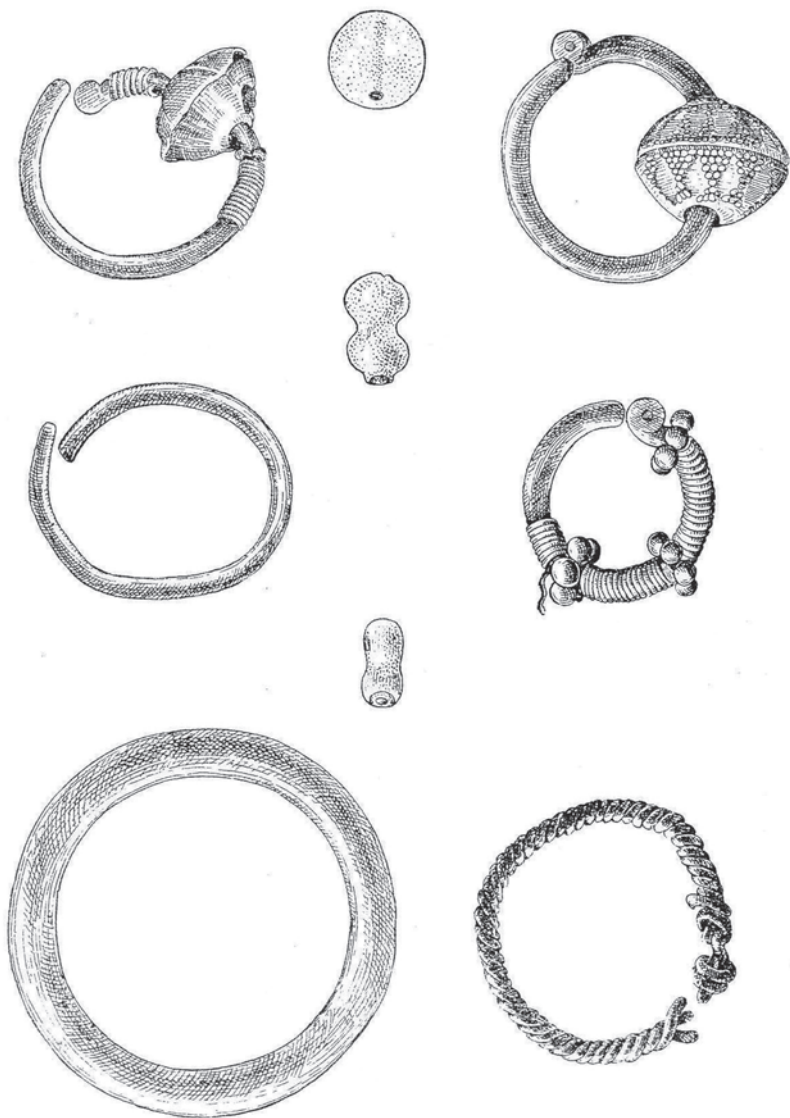
раскопом под его руководством в 1932 г., вскрыто 116 м², изучены фортификационные конструкции и, частично, жилая площадка. Датируется первой половиной I тыс. н.э., относится к дьяковской культуре. По свидетельству О.Н. Бадера, у местного населения городище было известно под названием «Городок», а его происхождение связывалось с легендами о Степане Разине. К настоящему времени, судя по всему, полностью уничтожено.

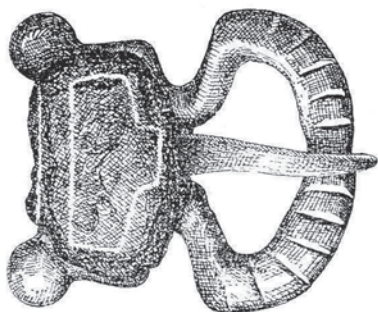
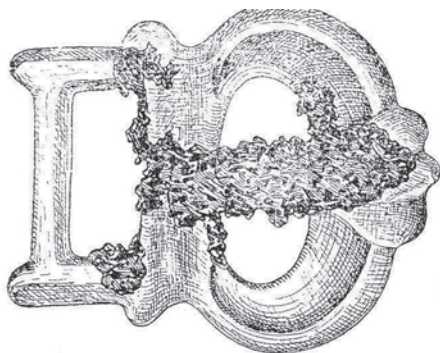
14. Городище Дубна (Ратминское поселение), самый крупный археологический памятник на территории города. Расположено на правом берегу Волги, непосредственно у устья реки Дубны, по ее левому берегу, на территории городского округа Дубна, к северу от храма Похвалы Пресвятой Богородицы. Подробное описание городища приводится в следующих разделах.

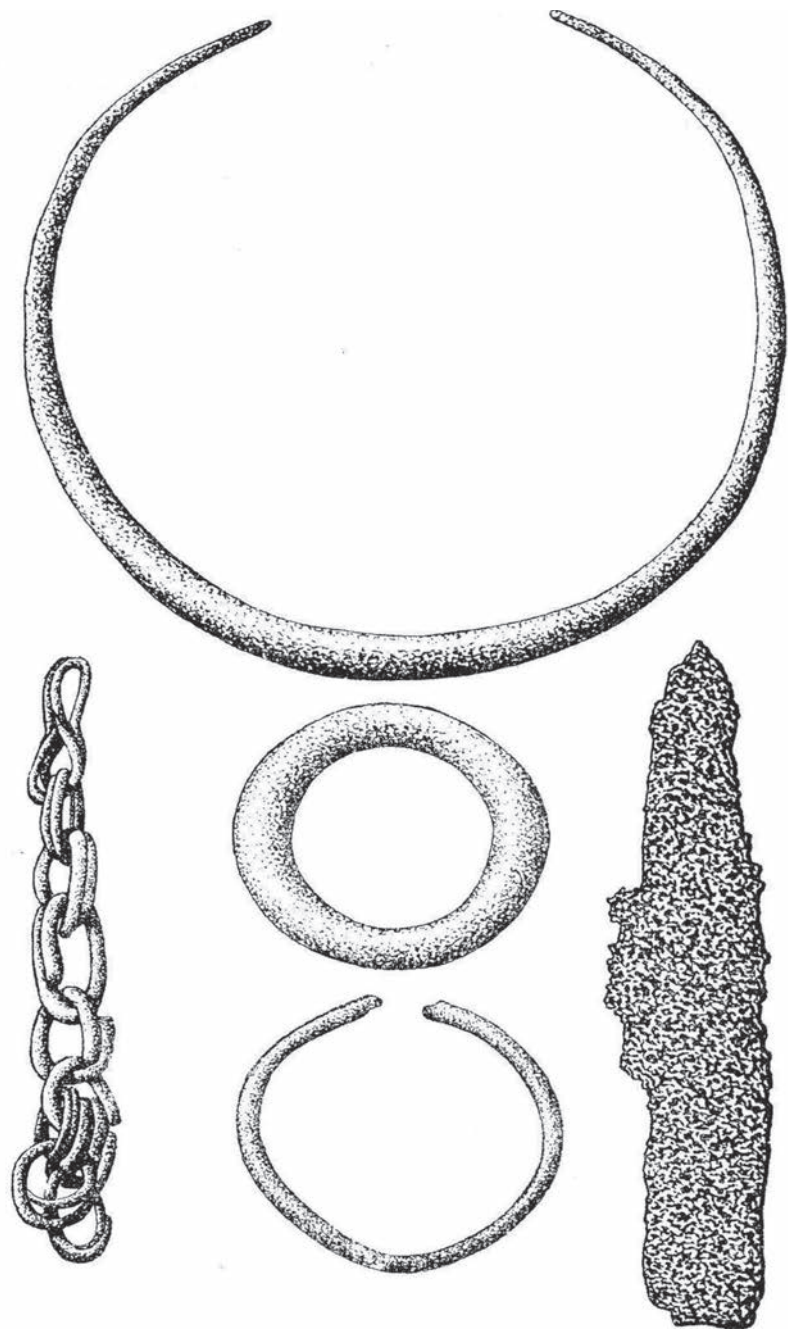

Курганный могильник Крева 2. План памятника (Милонов Н.П., 1950)

Кроме того, в непосредственной близости от современной границы города, на территории Тверской и Московской областей располагаются еще одиннадцать археологических памятников: три стоянки эпохи мезолита-неолита: Крева 1 (Пекуновская), Крева 2 (Пекуново 2) и Притыкино; стоянка волосовской культуры Усть-Дубенская; поселение эпохи бронзы Крева 2; древнерусское селище домонгольского времени Притыкино 1; селище удельного периода Усть-Стрелка; многослойный поселенческий памятник с материалами эпохи мезолита-неолита, раннего железного века, второй половины I тыс. до н.э. и древнерусского времени – поселение Крева 1 (оно же - Пекуновское селище или поселение Пекуново 2); два курганных могильника: Крева 1 (Пекуново 1), Крева 2 (Пекуново 2); и дьяковское городище Крева (Пекуновское). На пяти из этих памятников (поселение Крева 1, селище Притыкино 1, могильники Крева 1 и Крева 2, городище Крева) в разные годы проводились археологические раскопки.

Курганный могильник Крева 2. Предметы из погребений (Милонов Н.П., 1950)

История древнерусской Дубны: XII-XIII вв.

В настоящее время на правом берегу Волги, при впадении в нее реки Дубны, находится улица Ратмино города Дубны Московской области. В середине XX века на этом месте располагалось село Ратмино, получившее свое название от наименования колхоза, существовавшего здесь с 1930-х годов. В свою очередь, колхоз был назван по имени деревни, располагавшейся выше по течению Дубны и переселенной на новое место во второй половине XIX века князем Александром Вяземским (сейчас это микрорайон Александровка). А село, находившееся в устье Дубны, на протяжении нескольких сотен лет, по крайней мере – с начала XVII века (а, вероятно, и раньше), именовалось «село Городище на Дубенском устье» (или в некоторых случаях – «Устье Дубны», или даже просто «Дубна»). В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона говорится, что расположенное при устье Дубны село Дубна (Городище) «в старину было городом» (Энциклопедический словарь, 1893).

В основе понятия «городище» лежит морфема «город», от которой, в свою очередь, являются производными глаголы «городить», «огораживать». В первоначальном смысле городом называли «огороженное» место или оборонительное укрепление. Формант «ище» в старославянском и древнерусском языке (сравните – селище, городище, торжище и т.д.) указывает на прошедшее время, точнее - на привязку к старому месту. В исторической литературе общеизвестно, что с течением времени города по тем или иным причинам могли утрачивать свое значение, население их покидало, укрепления разрушались. Такие места, где некогда были города, называются городище. Кроме того, возникающие на этих местах новые селения получают названия «Городище». В Московской области таких селений свыше десяти, что подтверждает сведения о былом распространении городов (городков). Например, село Микулино Городище (Лотошинский район) находится на месте города, упоминаемого в летописи под XIV веком, от которого хорошо сохранились земляные валы. Недалеко от Твери есть село Городня – бывший центр удельного княжества с одноименным названием. Таким образом, название поселения на дубненском устье указывает на существование здесь некогда стоявшего поселения – древнего города.

Древнерусская Дубна.
Графическая реконструкция Александра Биркле

Впервые название «Дубна» встречается в Новгородской Первой летописи Старшего извода: «...ходи Всеволодъ с новгородъци, хотя брата своего посадити в Суждали, и воротиться на Дубне опять». В ней рассказывается о походе новгородских дружин под командованием князя Всеволода Мстиславовича на Суздаль. Летопись отмечает, что этот поход новгородцы осуществили осенью 1134 года и «воротиться на Дубне». Первоначально историки считали, что речь здесь идет о реке Дубне (т.е. гидрониме), а не о поселении (топониме). Однако результаты историко-археологических исследований, проведенных многими российскими историками в течение второй половины XX – начала XXI вв., убедительно свидетельствуют, что здесь, в устье реки Дубны, в 1132-1134 гг. ростово-суздальским князем Юрием Долгоруким был основан древнерусский город Дубна и летописное упоминание 1134 г. вполне может относиться именно к этому городу.

Дмитрий Иванович Рихтер – географ, автор статьи о Дубне в энциклопедии Брокгауза и Ефрона

Знаменитый русский историк второй половины XIX – начала XX вв. В.О. Ключевский писал о разных основополагающих путях возникновения древнерусских городов: один – торговый, характерный для южной (Киевской) Руси; другой – оборонительный, город-крепость, характерный для Северо-Восточной Руси. Именно ко второму типу относится древнерусская Дубна.

Вот что пишет по поводу истории ростово-суздальского княжества М.Н. Тихомиров (1982): «...Утверждение Юрия Долгорукого в Москве было только частью его обширной деятельности по освоению западных окраин Суздальского княжества. Нетрудно заметить и некоторое общее направление строительной деятельности Юрия Долгорукого – его стремление закрепить важные стратегические и торговые пункты... Дмитров возник там, где начинается судоходный путь по Яхроме, откуда можно было речным путем добраться до Волги».

По распоряжению Юрия Долгорукого в Суздальской земле возводятся такие города, как Звенигород, Москва (1147), Дмитров (1154), Переяславль-Залесский (1152), Юрьев-Польский (1152), Стародуб, Ярополчич, Гороховец, Кострома (1152), Галич Мерский и многие другие. Причем большинство из них отстраивались на месте ранее существовавших неукрепленных поселений. Перечисленные города оформили южную и восточную границу княжества.

Необходимо отметить, что задача по укреплению западной границы с Новгородской землей возникла раньше, чем необходимость укрепления остальных рубежей княжества. Именно на западной границе в течение 1130-х годов Юрий Долгорукий основывает такие города, как Тверь (ок. 1135), Шоша, Дубна (1132-1134), Кснятин (1134-1135), Угличе Поле (первое летописное упоминание – 1148), которые выполняют функцию «пограничных столбов» княжеских владений. Почему внимание князя было приковано в первую очередь к западным владениям? Потому что именно западная граница была политически нестабильной, географически наиболее уязвимой, а значит, самой опасной с точки зрения

НОВГОРОДСКАЯ ПЕРВАЯ ЛЕТОПИСЬ СТАРШЕГО И МЛАДШЕГО ИЗВОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

Въ лѣто 6642. Почаша мѣлвити о Суждальстѣи воинѣ новъгородци и у|биша мужъ свои² и съвѣргоша и съ моста въ субботу Пянтикостъную. Томъ же лѣтѣ погорѣ Търговый полъ, от ручья Плѣтъницънаго до конца Хѣлма, якоже и преже бѣше погорѣлъ; а церквии цстѣныхъ 10 съгорѣ, августа въ 4. Томъ же лѣтѣ ходи Всѣволодъ съ новгородъци, хотя брата своего посадити Суждали, и воротишася на Дубнѣ опять; и на томъ же пути отяша посадництво у Петрила и даша Иванку Павловицю. А Изяславъ иде Киеву; и разлѣрся вся земля Русьская.

Новгородская первая летопись о событиях 6642 (1134) года

военного вторжения, и посему нуждалась в оперативной защите.

Многие исследователи полагают, что фиксирование западной границы росто-во-суздальских владений произошло после освобождения княжества из-под опеки Южной (Киевской) Руси. Случилось это после 1132 года, после смерти великого киевского князя Мстислава Великого. С этого момента Юрий Долгорукий становится самостоятельным князем северо-восточных земель.

Именно 1132 год хрестоматийно в отечественной историографии считается отправной точкой феодальной раздробленности на Руси, сопровождающейся княжескими усамицами, взаимными грабительскими военными кампаниями, ослаблением политической централизации русской земли.

И именно в 1132 году на западной границе росто-во-суздальского княжества происходит первый серьезный конфликт. Новгородский князь Всеволод Мстиславович попытался захватить княжеский стол в Переяславле Русском. Юрий

Установка памятного камня в Ратмино. 2004 год

Завершение установки памятного камня. 2004 год

НОВГОРОДСКАЯ ПЕРВАЯ ЛЕТОПИСЬ СТАРШЕГО И МЛАДШЕГО ИЗВОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

Въ лѣто 6724. Мѣсяца марта в 1 день, въ вторник по чистѣи недѣли, поиде князь Мъсти|славъ на зять свои² Ярослава с новгородци, а въ четвърток³ побѣгоша къ Ярославу прѣступници кресту: человали бо бяху хрестъ честыни къ Мъстиславу съ всѣми новгородци, яко всѣмъ одинакымъ быти, Володиславъ Завидиць, Гаврила Игоревиць, Гюрги Ольсиниць, Гаврильць Милятиниць, и съ женами и съ дѣтьми. Мъсти-славъ же поиде Серегеремъ, и вниде въ свою волость, и рече новго-родъцемъ: «идете въ зажития, толико головъ не емлете». Идоша, испол-нишася кърма, и сами и кони, и быша върху Вълзъ; ослѣ Святослав Ръжевку, городьць Мъстиславль, съ пълкы въ 10 тысящ. Мъстиславъ же съ Володимиромъ съ Пльсковскымъ || поиде бързѣхъ въ 5 сътъ: толико бо всехъ вой башеть; и пригони, оли побегли прочъ; а Ярунъ бѣше затворилъся въ градъ въ 100 и отбися ихъ. И поиде Мъстиславъ и възъя Зубъчевъ, и быша на Возузѣ; и приде Володимиръ Рюриковиць съ смольняны, идоша по Волзѣ, воююче; и рекоша ему: «княже, поиди къ Торожкѣ». Рече же Мъстиславъ и Володимиръ: «поидемъ къ Переяслау; естъ у наю третии другъ». И не бы вести, кде Ярославъ, въ Торожѣ ли, въ Тъхвѣри ли. И наехаша на Яруна сторожи за Тъхверью Ярославли; и пособи богъ Яруну, и многы побиа, а иныхъ измаша, а нини убежаша въ Тъхвѣрь. И бы вѣсть у тѣхъ на Ярослава, и поидоша по Волзе, || воююче; и пожгоша Шешю, и Дубну, и Къснятинь, и все Поволожье. И устрѣте Еремеи от князя Костянтина съ любовью и съ поклономъ; поидоша къ Переяслау, воююче. И быша на Городищи на рѣцѣ Саррѣ, у святѣ Маринѣ, въ великую субботу, мѣсяца априля въ 9; приде князь Костянтинъ съ ростовци, хрестъ цѣловаша. Ярославъ же поиде съ Торо-

л. 83 об.

л. 84

л. 84 об.

Новгородская первая летопись о событиях 6724 (1216) года

Долгорукий воспрепятствовал этому, что привело к вражде между князьями. Она спровоцировала, по мнению многих историков, строительство пограничных крепостей на суздальско-новгородском рубеже, что стало ответной реакцией Юрия Долгорукого на эту ссору.

Анализ большого количества исторических и археологических источников позволяет уверенно полагать, что в 1132-1134 гг. на правом берегу Волги, в

устье реки Дубны, на границе ростовских и новгородских земель князь Юрий Долгорукий основал город-крепость Дубну. Скорее всего, к этому времени на месте основания города уже существовало русское поселение. Ряд археологических материалов позволяют предполагать это достаточно уверенно, хотя предложенная А.В. Успенской датировка времени начала существования такого поселения концом X – началом XI вв. (Успенская А.В., 1966) представляется, всё же, чрезмерно ранней и не подтверждается анализом археологического материала (Белецкий С.В., 1986).

Древнерусский город Дубна впервые упоминается в летописи под 1134 годом, на 13 лет раньше первого летописного упоминания Москвы. Осенью этого года Дубна пережила боевое крещение: войско новгородского князя Всеволода Мстиславича, шедшего походом на Суздаль, встретило на своем пути, в устье реки Дубны, новую крепость с сильным гарнизоном и было вынуждено повернуть обратно.

В последующие годы воинский гарнизон Дубны продолжал ратный труд на границе Ростово-Суздальских, затем – Владимиро-Суздальских земель, в составе Переяславского княжества. Часто войска, подходившие под ее стены, многократно превосходили численностью защитников. В 1149 г. древнерусская Дубна была разрушена князем Изяславом Мстиславичем. Город выстроили заново, но в 1216 г. его взяло штурмом и сожгло новгородское войско во главе с князем Мстиславом Удатным. И, наконец, в феврале 1238 г. Дубна вместе с другими русскими городами Верхневолжья пала под ударом монгольских туменов хана Батые – и больше уже не возродилась.

Всех, кто приезжает сегодня в Ратмино, встречает памятный знак – десяти-тонный камень с надписью «Отсюда Дубна стала есть. 1134. Основана Юрием Долгоруким», установленный на площадке перед храмом Похвалы Пресвятой Богородицы 1827 года постройки. Этот камень установил Фонд «Наследие» в 2004 году. Он является одной из ярких городских достопримечательностей и постоянно напоминает жителям и гостям Дубны – наш город ядерных физиков и инженеров-конструкторов также укоренен в историческом ландшафте, как и другие города Центральной России.

Городище Дубна: остатки древнерусского города

Городище Дубна (оно же – Ратминское поселение) расположено на правом берегу р. Волги (Угличского водохранилища), при впадении в нее реки Дубны, по левому берегу последней, непосредственно к северу от храма Похвалы Пресвятой Богородицы (1827 года постройки), на территории города Дубны Московской области.

Культурный слой городища Дубна вытянут вдоль берега Волги вверх по ее течению от оконечности Ратминской стрелки – мыса, образованного при устье реки Дубны, – на 510 м, имеет ширину до 105 м. Площадь памятника – 38 000 м².

Памятник занимает относительно ровную площадку высокой поймы реки Волги, на высоте 2,0-2,5 м над уровнем воды в Волге.

Поверхность основной части памятника относительно ровная. В южной части памятника с запада – юго-запада на восток – северо-восток проходит русло запруженного ручья длиной около 270 м и шириной до 7-8 м. Самая оконечность мыса приподнята над окружающей поверхностью на 0,2-0,3 м. Приподнятый участок отделен от остальной части памятника понижением дневной поверхности, вытянутым с северо-запада на юго-восток, шириной от 4 м до 6,5 м, глубиной до 0,3 м. Результаты проведенных исследований позволяют предполагать, что это понижение представляет собой заплывший ров дубненской крепости. Повышение на самой оконечности мыса может быть связано, в свою очередь, с остатками крепостной стены.

В юго-восточной части оконечности мыса указанные поднятие и понижение пересекает заплывшая траншея времен Великой Отечественной войны. Она вытянута с северо-востока на юго-запад на расстояние около 16 м, имеет ширину до 1,5 м и глубину до 0,4-0,5 м.

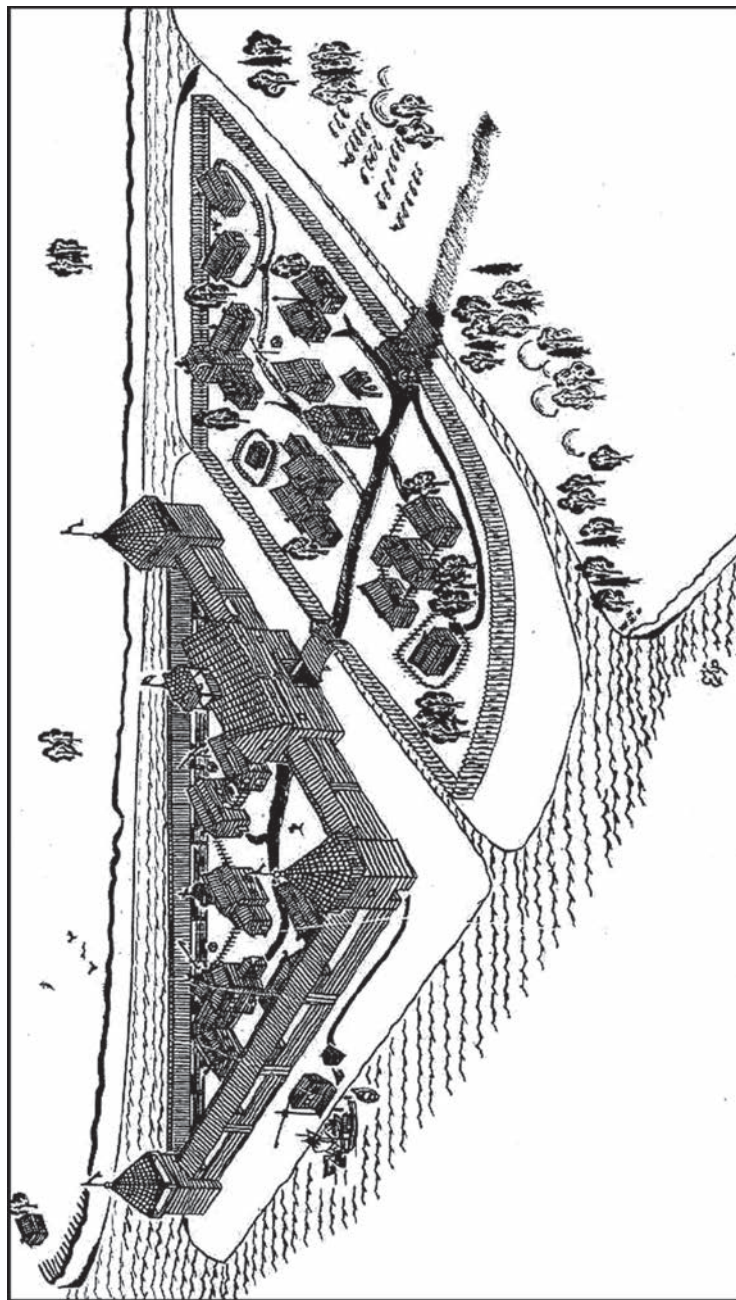
Береговой обрыв Волги, по которому проходит северная граница памятника, на большей части своего протяжения засажен ивняком и в настоящее время практически не размывается. Единственный участок берегового обрыва, на котором идут достаточно активные оползневые процессы – это самая оконечность мыса в северо-восточной части памятника. Здесь культурный слой постоянно подмывается водой и обрушивается в реку.

Берег Дубны, по которому проходит восточная граница памятника, относительно пологий, зарос густым кустарником и высокой травой. Эрозионных процессов здесь не наблюдается.

Южный берег запруженного ручья, по которому проходит южная граница памятника, порос кустарником и лиственными деревьями. Берега ручья поросли камышами и высокой травой.

Площадка памятника, за исключением берегового обрыва реки Волги, хорошо задернована и поросла луговой растительностью.

Юго-восточная часть городища находится за металлическим забором, входит в состав земельного участка храма Похвалы Пресвятой Богородицы и в на-

Один из возможных обликов древнерусской Дубны по версии Е.Ю. Крымова (1987)

стоящее время в хозяйственном отношении не используется. Остальная часть памятника спорадически используется как пастбище.

К настоящему времени значительная часть памятника размыта реками Волгой и Дубной. Процесс размывания берегового обрыва приостановлен благодаря посадкам ивняка, однако на самой оконечности мыса он продолжается.

Природно-географические условия

Городище Дубна находится на территории Волго-Дубненской низины, входящей в Верхневолжскую низменность. В морфологии района выделяются пойма, первая и вторая надпойменные террасы. Городище расположено на высокой пойменной террасе. Она приурочена к отметкам 114-115 м над уровнем моря. Ее отложения распространены в районе Ратминской стрелки по правому борту реки Волги и по левому – реки Дубны.

Поверхность высокой поймы ровная, частично заболочена, субгоризонтальная, местами наблюдается небольшой наклон в сторону реки. Бровка террасы четко очерчена. Высота уступа поймы составляет 2,5 м. Высокая пойма прилежится к поверхности первой надпойменной террасы. Поверхность этой террасы неровная, в районе Ратмино на ней наблюдаются песчаные дюны.

Почвенный покров района характеризуется большой пестротой по степени оподзоленности, развитию дернового процесса, уровням смывости и намытости, оторфованности и признакам залужения. Почвообразующие породы представлены четвертичными отложениями различного генезиса и состава, главным образом водно-ледниковыми и древнеаллювиальными.

Растительный покров района разнообразен и представлен различными типами хвойных, хвойно-широколиственных и мелколиственных лесов, пойменных и суходольных лугов, низинных и верховых болот. Вблизи городища Дубна располагается Ратминский бор, имеющий статус памятника природы муниципального значения.

Климат района умеренно-континентальный. По количеству атмосферных осадков район относится к зоне повышенного увлажнения: среднегодовая сумма осадков составляет 783 мм.

История изучения древнерусской Дубны

Городище Дубна известно в литературе также как Ратминское поселение. Впервые оно упоминается в 1861 г. в книге И.С. Белюстина «Археологические, исторические и практические сведения, относящиеся до России» (книга II, Калачева, 1861). В 1873 г. информацию И.С. Белюстина о городище Дубна цитирует Д.Я. Самоквасов в своем обобщающем труде «Древние города России»: «По исследованиям г. Белюстина оказывается «от Твери почти вплоть до Ярославля, по обоим берегам Волги, столько городищ! Так, при устье р. Дубны городище, теперь село Дубенское Городище; против него остатки вала, окопов, которые доселе называют городищем» (Самоквасов Д.Я., 1873. С. 119).

В том же 1873 г. Р.Н. Никулин высказывает мнение о том, что село Городище на Дубенском устье «это древний городок Дубна» (цит. по: Плетнев В.А., 1903. С. 257). Именно это мнение Р.Н. Никулина является первой попыткой определить расположение летописной Дубны.

В 11-м томе энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, изданном в 1893 году, в статье о реке Дубне говорится, что расположенное при устье Дубны село Дубна (Городище) «в старину было городом» (Энциклопедический словарь, 1893).

В 1903 г. археолог и краевед В.А. Плетнев приводит следующую справку об «остатках древности и старины» в районе села Городище (Дубенское устье): «По исследованиям покойного Белюстина, при устье реки Дубны, против села Дубенского Городища, находятся остатки вала, окопов, которые досель называются Городищем. В произведенном Тверским губернским статистическим комитетом исследовании о географических названиях упоминается о кургане «Городок» в этом селе. Р.Н. Никулин говорит, что село это — древний городок Дубна. В Тверском Музее хранятся две, по-видимому, недоделанные каменные стрелы, найденные в с. Дубна или Дубенском Городище, и обгорелые остатки компаса, найденного на берегу Волги близ села» (Плетнев В.А., 1903. С. 257).

В 1932-33 гг. по берегам Верхней Волги и по трассе канала Москва-Волга работает отряд археологической экспедиции Государственной академии истории материальной культуры под руководством О.Н. Бадера. Он фиксирует целый ряд археологических памятников, находящихся на территории современного города Дубны и его окрестностей (Бадер О.Н. и др., 1935. С. 49-51), составляет первый вариант археологической карты этого района (Бадер О.Н., 1950. С. 9. Рис. 1). Однако, к сожалению, городище Дубна не было им обнаружено.

Тот факт, что крупный археологический памятник, представляющий собой остатки древнерусского города, не был обследован экспедиционным отрядом О.Н. Бадера, связан, вероятно, как с чрезвычайно поспешным характером данного исследования, охватывавшего очень большую территорию, которая вскоре должна была уйти под воду, так и с тем, что культурный слой древнерусской Дубны перекрыт мощными наносами аллювиального происхождения – слоем суглинка толщиной до 1 м. Этот суглинок практически полностью сnivelировал

В. А. ПЛЕТНЕВЪ.

**ОБЪ ОСТАТКАХЪ
ДРЕВНОСТИ И СТАРИНЫ
ВЪ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.
Къ археологической картѣ губерніи.**

Посвящается второму Областному Археологическому Съезду въ Твери.

Т В Е Р Ъ.

Типографія Губернскаго Правленія.

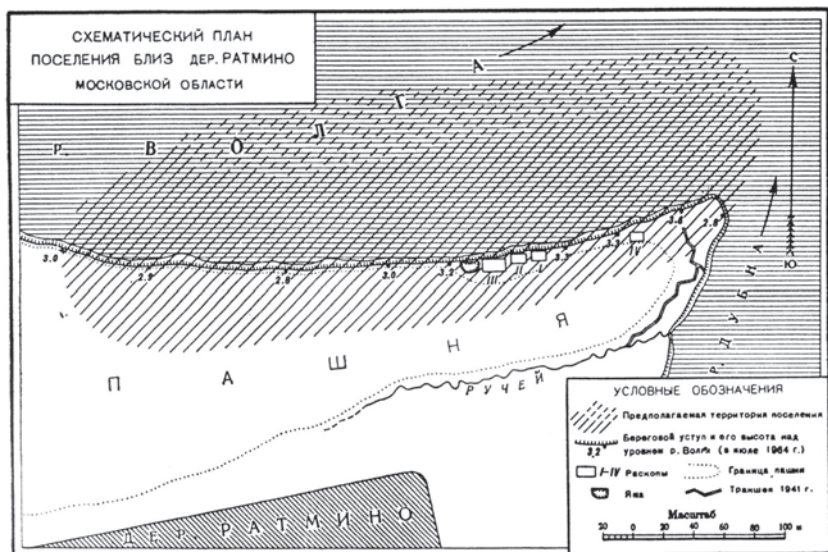
1903.

11. ГОРОДИЩЕ (ДУБЕНСКОЕ УСТЬЕ).

По изслѣдованіямъ покойнаго Белюстина, при устьи рѣки Дубны, противъ села *Дубенскаго Городища* находятся остатки вала, окоповъ, которые доселѣ называются *Городищемъ*. Въ произведенномъ Тв. губ. статист. комитетомъ изслѣдованіи о географическихъ названіяхъ упоминается о курганѣ „*Городки*“ въ этомъ селѣ. Р. Н. Никулинъ говоритъ, что село это—древній городокъ Дубна. Въ Тверскомъ Музеѣ хранятся *два*, повидимому, *недодѣланныя каменные стрѣлы*, найденныя въ с. Дубнѣ или Дубенскомъ Городищѣ, и обгорѣлые остатки компаса, найденнаго на берегу Волги близъ села.

антропогенные элементы рельефа древнерусского городища, культурный слой которого проявляется практически только в обрывистом берегу реки Волги. Активное размывание этого берега началось в 1939 г. после создания Угличского водохранилища, существенно поднявшего уровень Волги в районе впадения в нее реки Дубны.

В начале 1960-х годов первые подъемные сборы с разрушающегося участка городища Дубна (Ратминского поселения) сделал научный сотрудник Объединенного института ядерных исследований, физик из Чехословакии Владимир Кноблех (работал в ОИЯИ с 1960 по 1964 гг.). В 1962 году его коллекция была дополнена сборами, выполненными с этого же места учителями дубненской школы рабочей молодёжи И.З. Ососковой и Ю.Ф. Ивановой. В числе их находок

План городища Дубна (Ратминского поселения) по А.В. Успенской (1966)

были орнаментированные фрагменты керамики, костяной гребень, глиняные бусины, каменные диски и др.

Сделанные находки И.З. Ососкова и Ю.Ф. Иванова показали Т.Б. Поповой, руководителю полевого отряда археологической экспедиции Государственного Исторического музея, осуществлявшего раскопки на берегу Дубны около деревни Сущево (Осокова И., Иванова Ю., 1962. С. 2), а также отвезли в Москву, в Исторический музей.

Осенью 1962 года отряд экспедиции Государственного Исторического музея в составе сотрудников музея Т.Б. Поповой, В.М. Раушенбах, А.В. Успенской, и учителей истории из дубненских школ И.З. Ососковой и З.Г. Козловой, проводит первое археологическое обследование городища Дубна. В отчете об этих работах, хранящемся в научном архиве Института археологии РАН, А.В. Успенская отмечает, что «по свидетельству местных жителей, за последние 5-6 лет правый берег Волги, в обрыве которого обнаружены остатки поселения, разрушен на 10-15 метров» (Успенская А.В., 1963. С. 1).

В 1963 г. отряд археологической экспедиции Государственного Исторического музея под руководством А.В. Успенской начинает раскопки городища Дубна (Ратминского поселения). На раскопе работают учащиеся школы № 4 г. Дубны во главе с учительницей З.Г. Козловой. За этот полевой сезон на памятнике было вскрыто два раскопа общей площадью 120 м², в них изучены остатки трех жилищ и двух хозяйственных построек древнерусского времени (Успенская А.В., 1963).

В 1964 г. исследования продолжаются. Помимо руководителя работ, в них участвуют научные сотрудники Государственного Исторического музея В.А. Мальм и М.В. Фехнер, на раскопе продолжают работать учащиеся школы №4. В

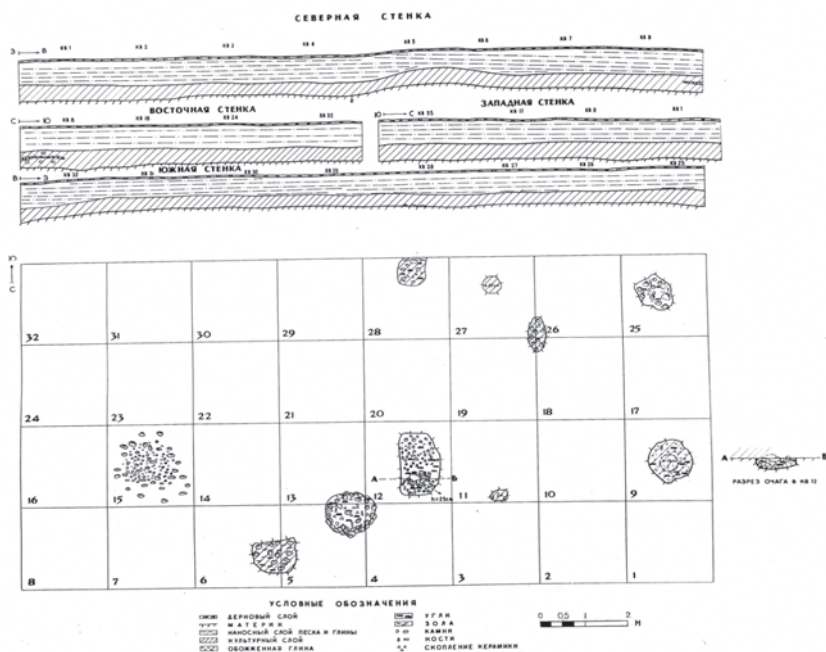

Городище Дубна. Исследования под руководством А.В. Успенской, 1964 год. Раскоп III

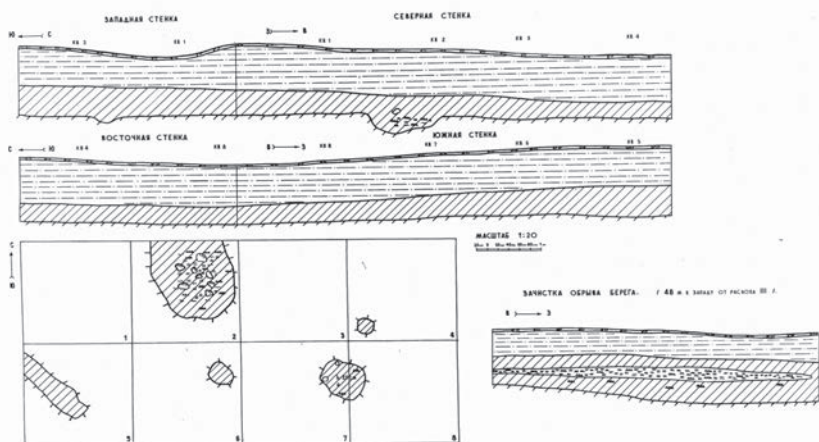
Городище Дубна. Исследования под руководством А.В. Успенской, 1964 год. Раскоп IV

РАТМИНО 1964 г. РАСКОП III. ПЛАН И ПРОФИЛИ (ГЛУБИНА 80-90 см)

Городище Дубна. Из отчета А.В. Успенской 1964 года. С. 2

РАТМИНО 1964 г. РАСКОП IV. ПЛАН И ПРОФИЛИ (ГЛУБИНА 1,20-1,30 м)

Городище Дубна. Из отчета А.В. Успенской 1964 года. С. 3

Городище Дубна. Орудия труда, украшения, образцы профилей и орнамента керамики. Из раскопок А.В. Успенской, по данным статьи 1966 года

этом году было вскрыто два раскопа общей площадью 140 м² (Успенская А.В., 1964).

В 1965 г. отрядом А.В. Успенской вскрыто еще два раскопа общей площадью 150 м², на раскопках работают фотограф В.Р. Климачёв, учащиеся дубненских средних школ и участники школьного археологического кружка при Государственном Историческом музее (Успенская А.В., 1965).

Всего за три года раскопок под руководством А.В. Успенской было заложено шесть раскопов (все они непосредственно примыкали к размываемому береговому обрыву), вскрыто 410 м², изучены остатки девяти древнерусских жилищ, фиксировавшихся, главным образом, по развалинам глинобитных печей, подпольным и столбовым ямам (Успенская А.В., 1965).

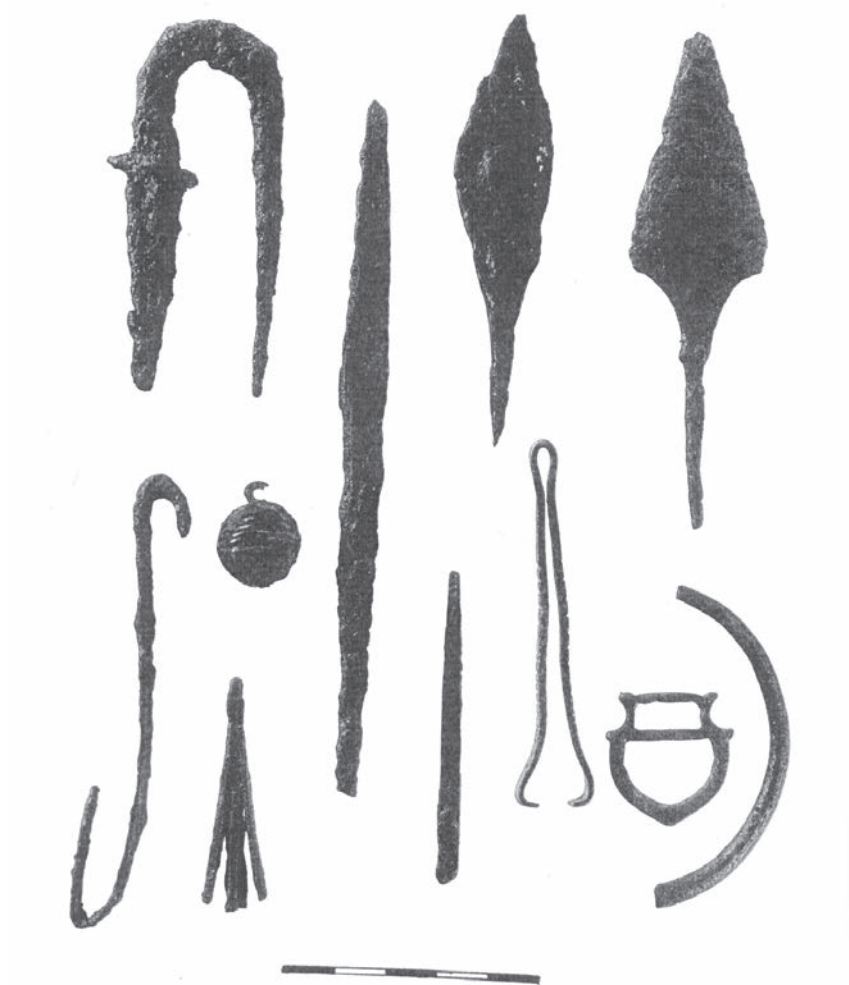
В ходе раскопок в культурном слое городища были найдены многочисленные артефакты домонгольского времени, свидетельствующие о существовании здесь рыболовецких промыслов, железоделательного производства, гончарства, ткачества и ювелирного дела; остатки вооружения и воинского снаряжения. Полученная коллекция поступила в Государственный Исторический музей под

Городище Дубна.

Орудия труда, предметы быта и украшения. Из раскопок А.В. Успенской, по данным статьи 1966 года номером 98400.

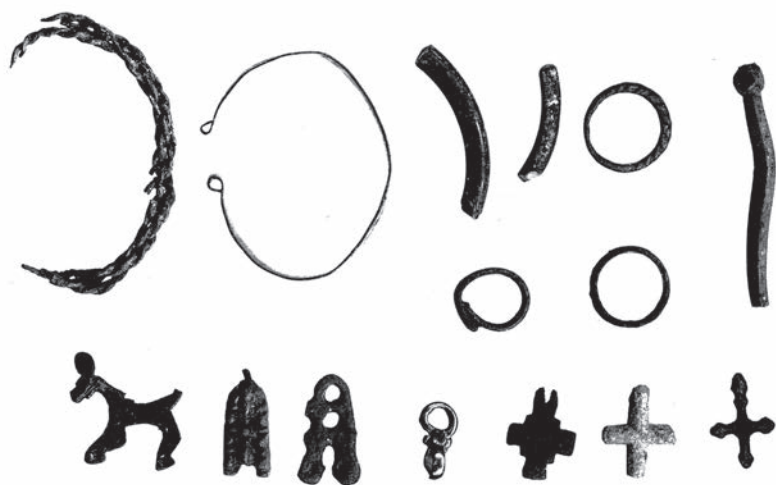
В 1966 г. А.В. Успенская опубликовала обобщающую статью по материалам исследований Ратминского поселения (Успенская А.В., 1966). В этой статье она отмечает, что исследованный археологический памятник представляет собой остатки древнерусского поселения Дубна, упомянутого в Новгородской первой летописи старшего извода под 1216 г. в связи с походом новгородского войска под предводительством князя Мстислава Удатного на Владимиро-Суздальское княжество. Начальную дату существования поселения автор определяет концом

Городище Дубна. Орудия и оружие. Из раскопок А.В. Успенской. Отчет 1964 года

X – началом XI вв. По ее мнению, «поселение здесь просуществовало более двух столетий, причем за это время оно не раз подвергалось сильным опустошениям, о чем свидетельствуют следы пожарищ в культурном слое памятника. Летописные данные о разгроме и сожжении поселения Дубна в 1216 г. новгородским войском подтверждаются материалами раскопок» (Успенская А.В., 1966. С. 111).

После окончания раскопок А.В. Успенской изучение городища Дубна профессиональными археологами не производится на протяжении двух десятков лет. На этом этапе к исследованиям подключаются краеведы-любители из числа

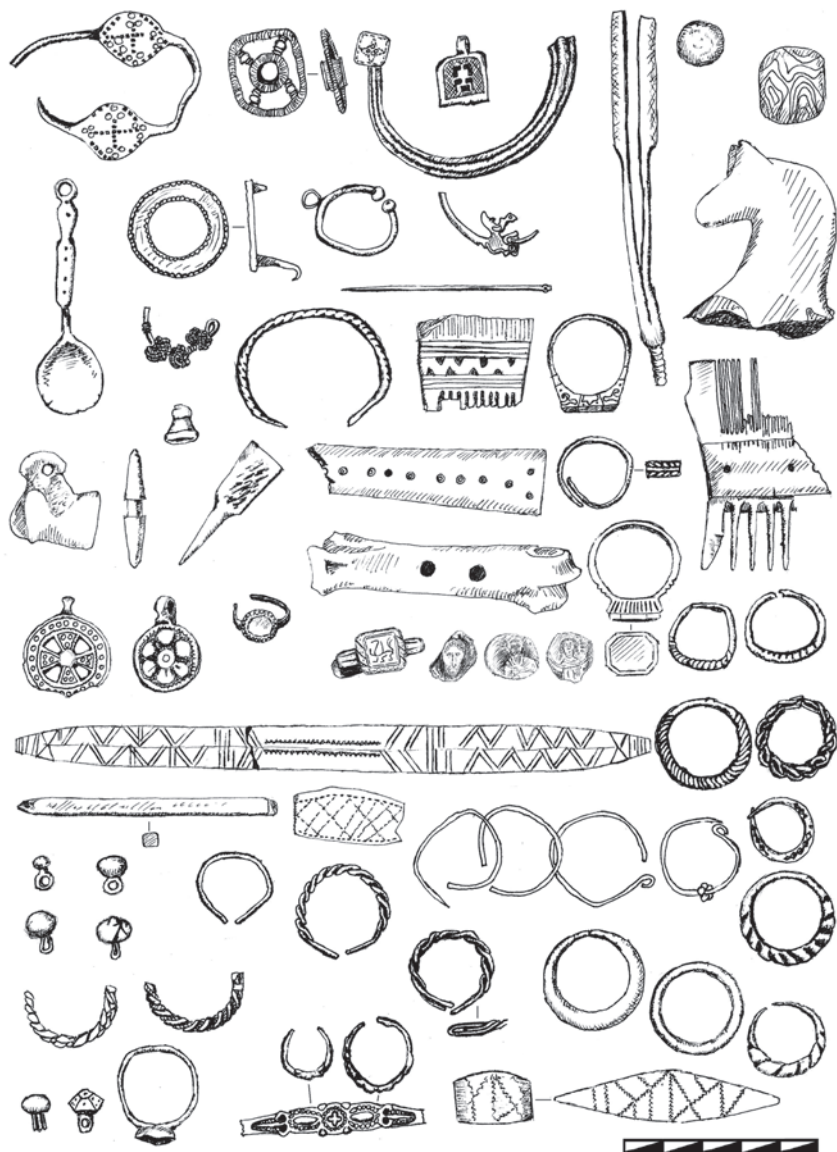
Городище Дубна. Нательные кресты и украшения. Из раскопок А.В. Успенской. Отчет 1964 года

жителей Дубны, интересующихся историей родного края. Они собирают археологические материалы, в большом количестве вымываемые из культурного слоя по ходу ежегодного разрушения берегового обрыва. Наиболее крупную коллекцию к середине 1980-х гг. собирает Е.Ю. Крымов, сотрудник отдела контрольно-измерительных приборов и аппаратуры ОИЯИ. В 1985 г. он обращается в редакцию журнала «Советская археология» с письмом, к которому прилагает прорисовки сфрагистических находок, сделанных им на городище – актовых печатей и торговых пломб (Белецкий С.В., 1986).

В 1986 г. для осмотра коллекции Е.Ю. Крымова и изучения состояния археологического памятника в Дубну выезжают сотрудники Института археологии РАН: кандидат исторических наук С.В. Белецкий и младший научный сотрудник А.С. Фролов. Они проводят разведочное обследование городища Дубна (Ратминского поселения) и изучают коллекцию Е.Ю. Крымова (Белецкий, 1986, Белецкий С.В., Крымов Е.Ю., Фролов А.С., 1988).

В результате этих исследований С.В. Белецкий делает ряд принципиальных выводов о хронологии и социально-политическом статусе древнерусского поселения, расположенного на Ратминской стрелке. В 1987-1990 гг. в целом ряде научных публикаций он приводит убедительные доказательства того, что это поселение представляет собой остатки летописного города Дубна, основанного в 1132-1134 г. и погибшего в 1216 г. (Белецкий С.В., 1987; Белецкий С.В., Крымов Е.Ю., Фролов А.С., 1988; Белецкий С.В., Крымов Е.Ю., 1990; Крымов Е.Ю., Белецкий С.В., 1994).

Е.Ю. Крымов передает свою коллекцию городу Дубне и становится директором Музея археологии и краеведения, созданного в марте 1990 г. Он публикует в городских газетах ряд научно-популярных статей о древнерусской Дубне и других археологических памятниках, расположенных на территории и в окрест-

Городище Дубна. Материалы коллекций, собранных в размываемом береговом обрыве.
Подборка и прорисовка предметов – Игорь Зинин

ностях города (Крымов Е.Ю., 1989, 1992 и др.); а также участвует в издании двух монографий по истории Дубны в соавторстве с двумя профессиональными дубненскими историками: И.Б. Даченковым и Т.Е. Строковской (Крымов Е.Ю., Строковская Т.Е., 1997; Даченков И.Б., Крымов Е.Ю., 1998).

В 1990-е гг. сбор материалов с размываемой части городища продолжается, в городской музей археологии и краеведения поступает ряд ярких артефактов, обнаруженных дубненскими краеведами-любителями – например, предмет, интерпретируемый как закладной камень древней церкви, переданный в музей И.А. Зининым (Крымов Е.Ю., 1992).

В 1995 г. выходит из печати вторая часть «Археологической карты Московской области». В статье Т.Д. Николаенко дается подробное описание памятника, за которым с этого времени закрепляется наименование «городище Дубна», вместо использовавшегося ранее названия «Ратминское поселение». На базе обобщения материалов исследований А.В. Успенской и С.В. Белецкого городище характеризуется как остатки летописного города Дубна (Николаенко Т.Д., 1995).

В 2001 г. создается Дубненский общественный фонд историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие», начинает выходить регулярное печатное издание фонда – газета «Дубненское наследие». Основным инициатором создания фонда и его руководителем становится выпускник Московского историко-архивного института И.Б. Даченков, занимавшийся проблемами истории Дубны и ее окрестностей уже в 1990-е годы (Даченков И.Б., Крымов Е.Ю., 1998). В своих новых работах он продолжает исследования роли и значения древнерусской Дубны в истории Северо-Восточной Руси (Даченков И.Б., 2004, 2006, 2008; Даченков И.Б., Петров Ф.Н., 2009). В 2009 г. к фонду присоединяется историк и археолог Ф.Н. Петров, фонд создает археологическую экспедицию, которая приступает к новому этапу исследований древнерусской Дубны.

Исследования Дубненской археологической экспедиции

Археологические исследования городища Дубна проводились в 2009 году экспедицией Фонда «Наследие». Работы велись на основании Открытого листа № 879 по форме № 2, выданного Институтом археологии РАН 3 июля 2009 г. и зарегистрированного в Управлении государственной охраны объектов культурного наследия Министерства культуры Московской области 24 августа 2009 г. за № 67/09.

Целью работ было уточнение сведений об археологическом памятнике, в том числе уточнение границ распространения культурного слоя, и подготовка предложений по обеспечению сохранности городища в муниципальные и государственные органы власти.

В полевых исследованиях участвовали сотрудники Фонда «Наследие» и волонтеры из числа жителей г. Дубны. Наиболее активное участие в исследованиях приняли И.А. Зинин и Л.В. Пантелеева. На вскрытии шурфов и зачисток также работали А.Ф. Анохин, Д.А. Буланцов, И.А. Вяземский, С.А. Гурьянов, М.Н. Карачаров, П.Ф. Муравицкий, А.В. Никитин, Е. Пономарева, Р. Тарабрин, Л. Хохлов.

В ходе исследований 2009 г. на береговом обрыве реки Волги, вдоль которой вытянут культурный слой городища Дубна, было выполнено восемь зачисток: четыре зачистки шириной 1 м, три зачистки шириной 2 м и одна зачистка шириной 4 м. На площадке памятника было заложено два шурфа, площадью 5 м² и 10 м².

Шурфы были сориентированы по сторонам света. Снятие верхнего, балластного слоя грунта осуществлялось горизонтами по 20 см. Снятие культурного слоя осуществлялось горизонтами по 10 см. Отработанный грунт после просмотра отбрасывался на борта шурфов. После завершения работ отвалы были использованы для рекультивации шурфов.

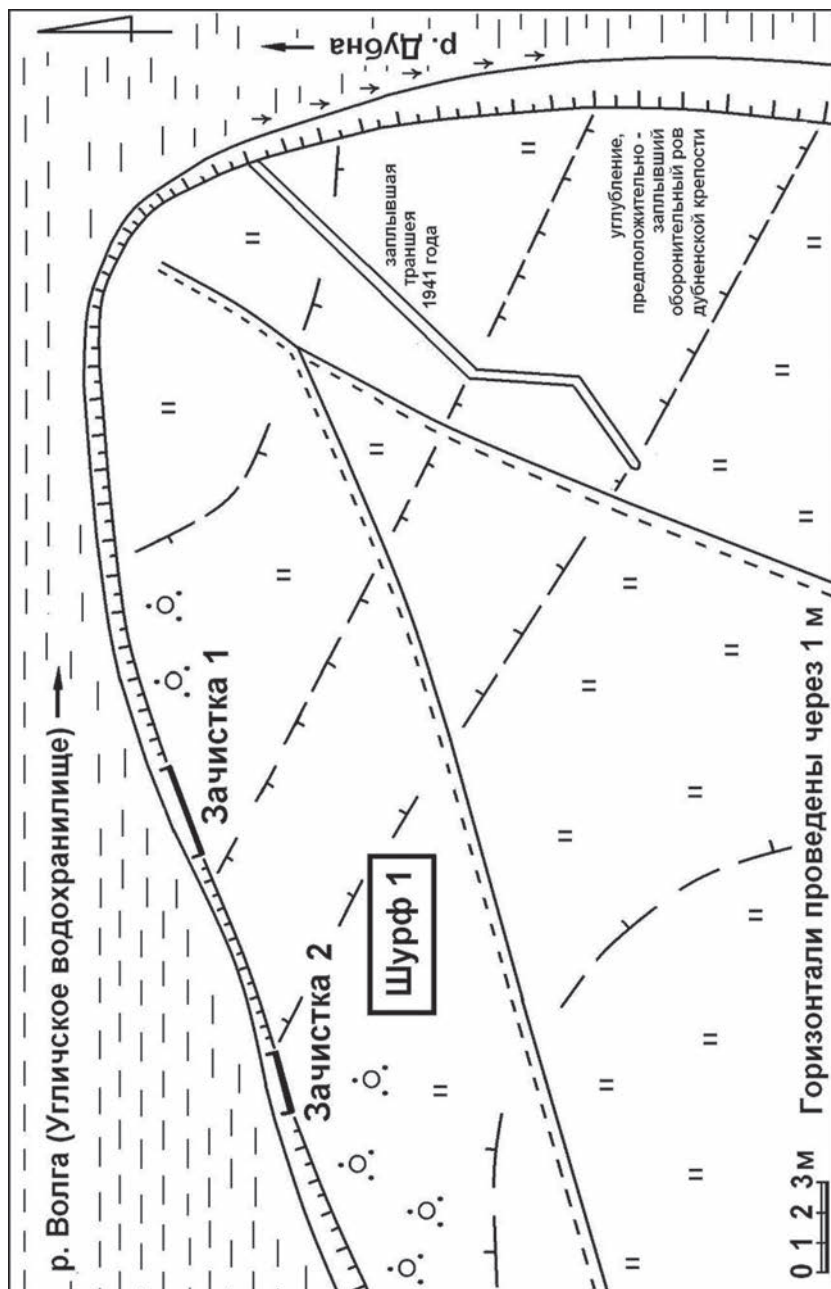
Профили всех зачисток были сориентированы по линии берегового обрыва и, таким образом, вытянуты в широтном либо субширотном направлении: запад – восток либо запад – юго-запад – восток – северо-восток. Нумерация зачисток осуществлялась от оконечности мыса – Ратминской стрелки.

Наиболее интересные результаты были получены при изучении зачисток берегового обрыва, расположенных в восточной части городища Дубна. Так, например, в профиле **зачистки 1**, восточный край которой находится в 18 м к западу от оконечности Ратминской стрелки, предположительно зафиксирован внутренний край крепостного рва. В заполнении рва выявлен культурный слой (темная гумусированная супесь) мощностью до 50 см и две песчаные прослойки. Культурный слой перекрыт сверху слоем желто-коричневого слабо гумусированного суглинка аллювиального происхождения мощностью до 90 см и слоем дерна. Основной участок рва находится ниже уровня воды в реке, поскольку после затопления Угличского водохранилища уровень Волги в этих местах повысился на три метра.

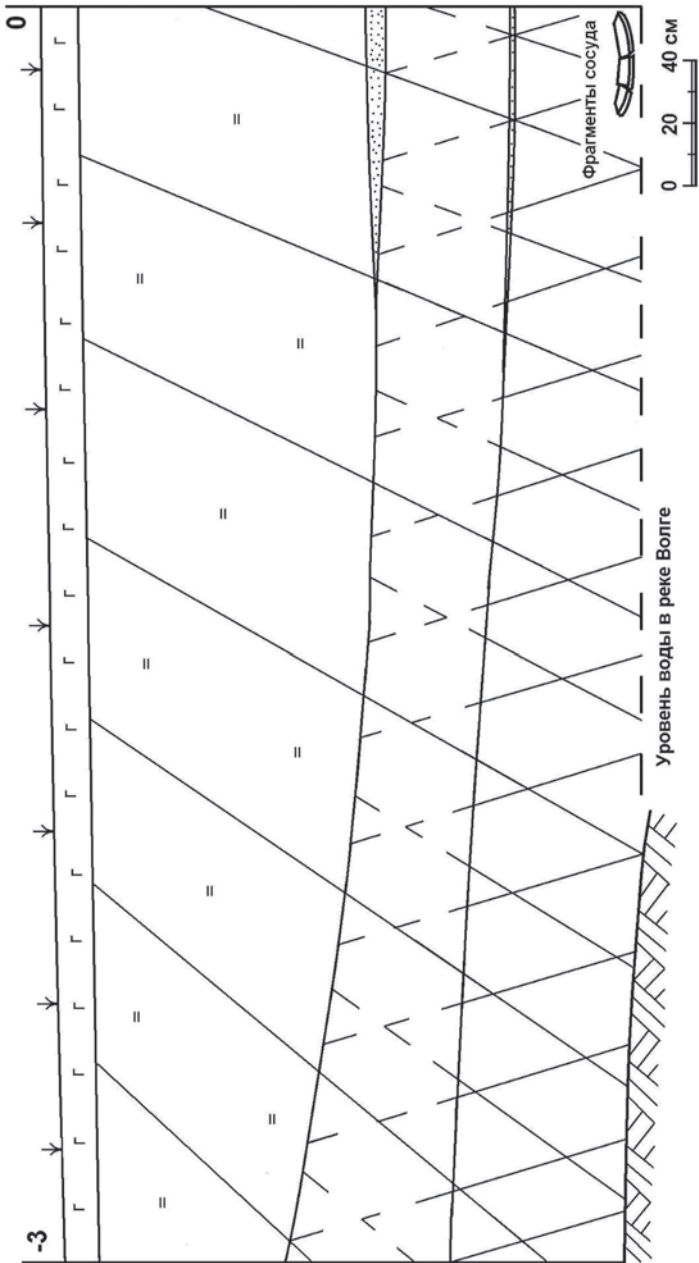
	— горизонталь		— капитальное строение
	— полугоризонталь		— граница распространения культурного слоя
	— береговой обрыв		— граница шурфа, репер
	— река		— столбовая ямка
	— лиственные деревья		— слой дёрна
	— ряды плодовых деревьев		— жёлто-коричневый слабо гумусированный суглинок
	— кустарник		— коричневая слабо гумусированная супесь
	— камыш		— тёмная сильно гумусированная супесь
	— высокая трава		— песок
	— луговая растительность		— материковая глина
	— полевая дорога		— прокаленный грунт
	— забор, ограда		— древесный уголь
	— православное кладбище		— развал сосуда

Условные обозначения

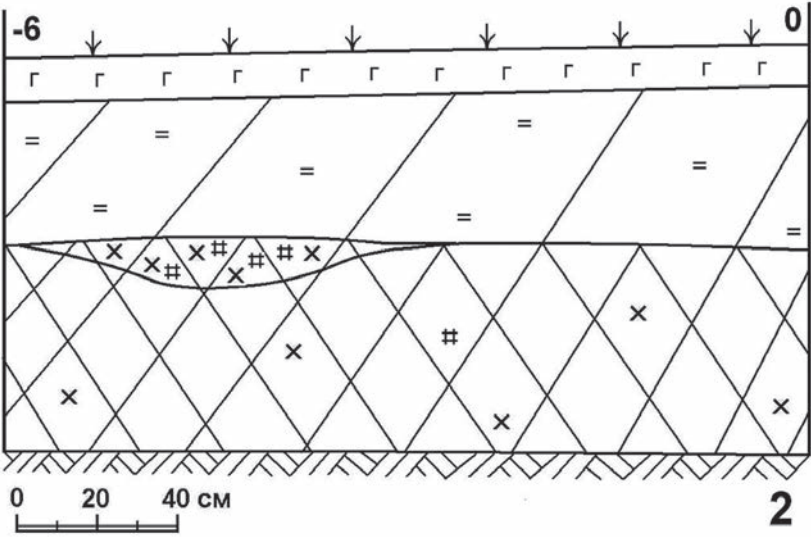
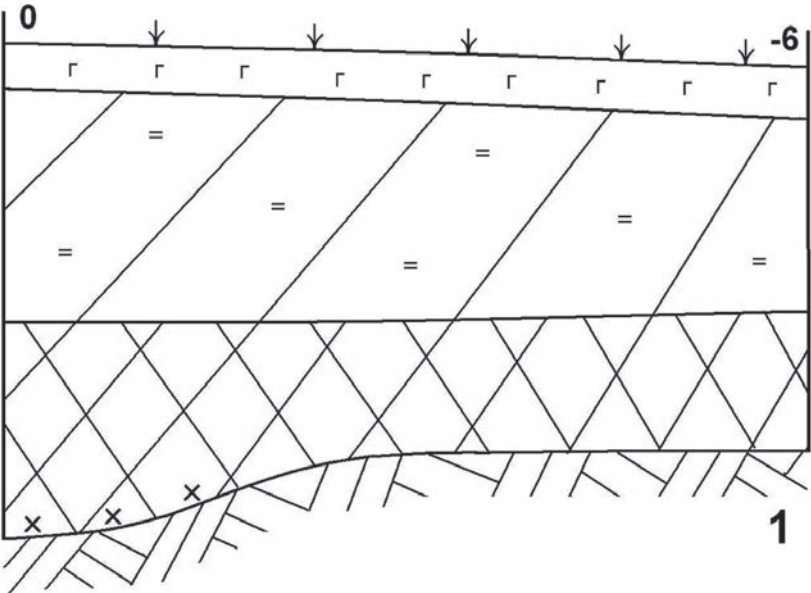
В профиле **зачистки 2**, восточный край которой находится в 28 м к западу–юго-западу от оконечности Ратминской стрелки, выявлен культурный слой мощностью до 50 см, перекрытый сверху слоем суглинка мощностью до 60 см и слоем дерна. Можно предположить, что в нижней части профиля зафиксирован внешний край крепостного рва, внутренний край которого обнаружен в профиле зачистки 1. Если это предположение соответствует действительности, то

Городище Дубна. Оконечность мыса. Исследования 2009 года. Шурф 1, зачистки 1 и 2

Городище Дубна. Исследования 2009 года. Профиль зачистки 1

Городище Дубна. Исследования 2009 года. 1 - профиль зачистки 2; 2 -профиль зачистки 4

Городище Дубна. Исследования 2009 года. Участники школьного отряда у шурфа 1

ширина рва по его верхнему краю составляет около 9 м.

В профиле **зачистки 3**, восточный край которой находится в 65 м к западу – юго-западу от оконечности Ратминской стрелки, выявлен культурный слой мощностью до 60 см, перекрытый слоем суглинка мощностью до 40 см и слоем дерна.

В профиле **зачистки 4**, восточный край находится в 121 м к западу – юго-западу от оконечности Ратминской стрелки, выявлен культурный слой мощностью до 50 см, в котором присутствуют вкрапления углей и прокаленного грунта. В верхней части этого слоя фиксируется прослойка мощностью до 13 см, содержащая особо большое количество углей и кусков прокаленного грунта. Перекрывающий ее слой суглинка имеет мощность до 40 см.

В профиле **зачистки 5**, восточный край которой находится в 196 м к западу – юго-западу от оконечности Ратминской стрелки, зафиксирован культурный слой мощностью до 30 см, перекрытый слоем суглинка мощностью около 40 см.

В **зачистках 6, 7 и 8**, восточные края которых находятся, соответственно, в 305, 365 и 466 м к западу – юго-западу от оконечности Ратминской стрелки, под слоем суглинка аллювиального происхождения фиксируется слабовыраженная гумусированная прослойка мощностью не более 10 см, представляющая собой периферийную часть культурного слоя.

Шурф 1 был заложен в северо-восточной части городища. Восточный край шурфа находится в 22 м к западу – юго-западу от оконечности Ратминской стрелки, северный край – в 3,5 м к югу от берегового обрыва реки Волги. Шурф

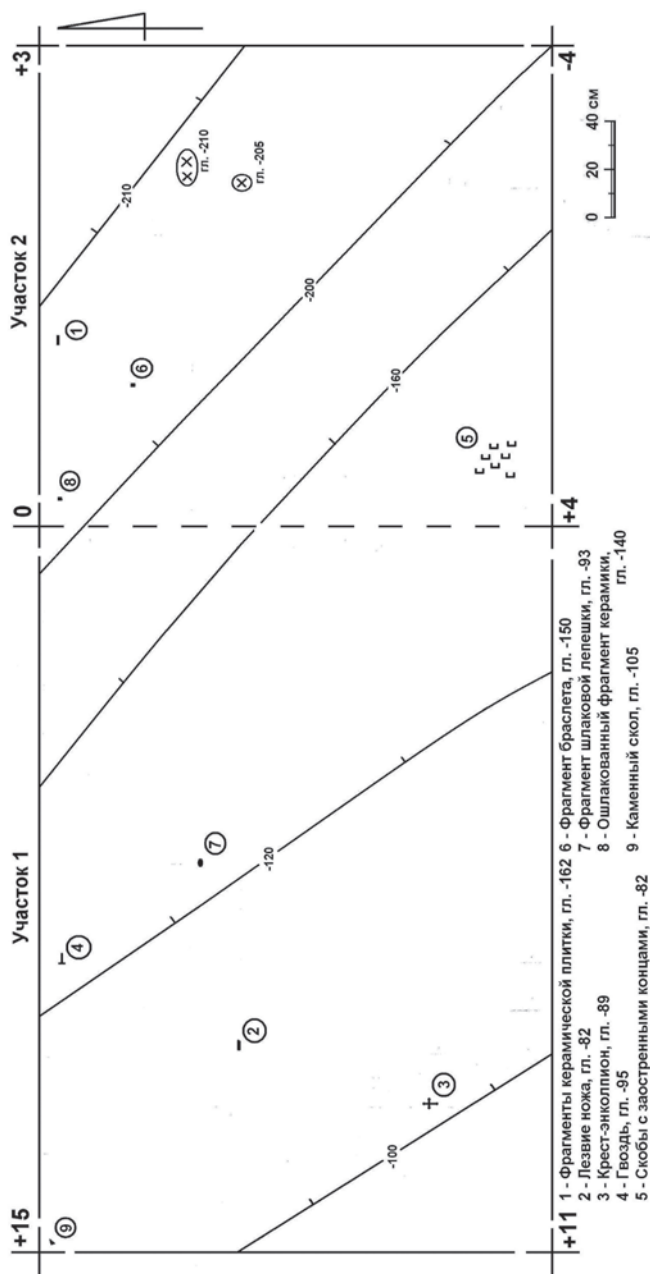

Городище Дубна. Исследования 2009 года. Шурф 1. Вид с юго-запада

находится у юго-западного края слабовыраженного углубления шириной до 6,5 м, пересекающего мыс по направлению с северо-запада на юго-восток и, предположительно, представляющего собой заплывший крепостной ров. Имеет прямоугольную форму, сориентирован по сторонам света, вытянут по направлению запад – восток. Размеры шурфа – 5 х 2 м, площадь – 10 м².

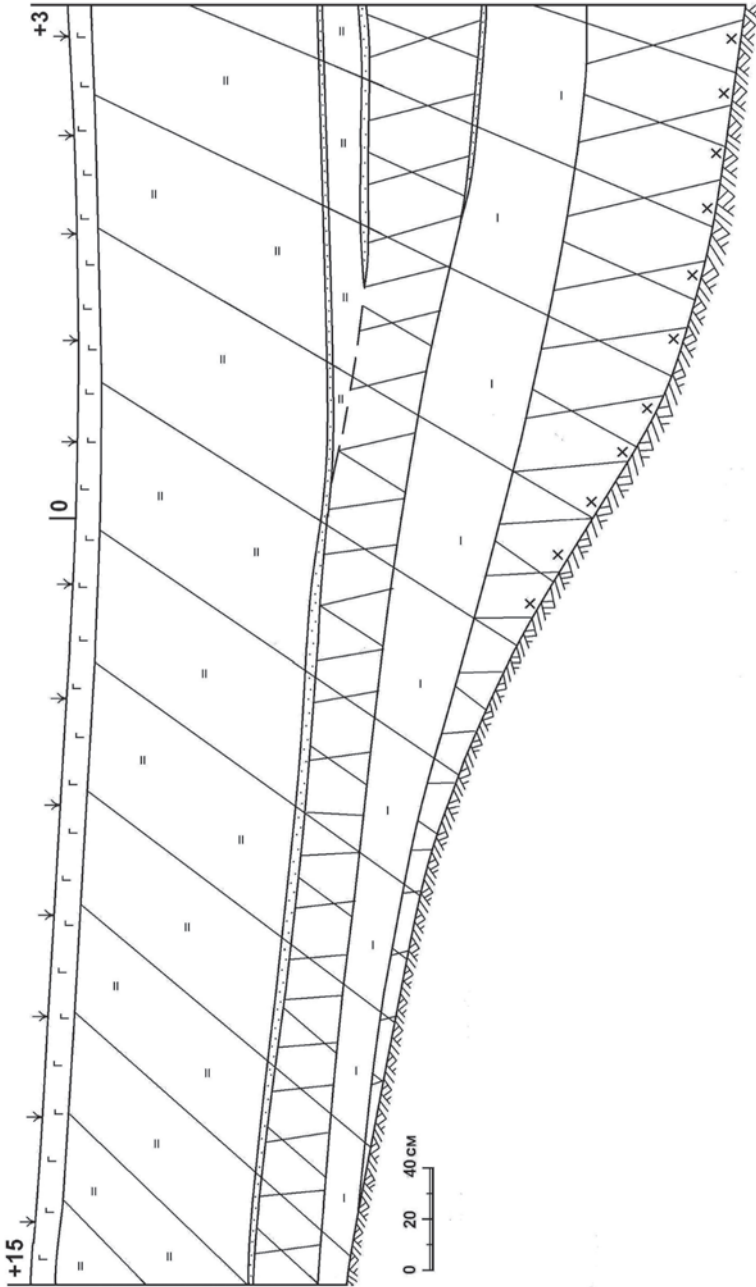
Дневная поверхность в месте закладки шурфа имеет небольшое понижение к северо-востоку, к внешней стороне углубления, предположительно являющегося крепостным рвом. Поверхность хорошо задернована, поросла луговой растительностью. В ходе проведения работ шурф был разделен на два участка – западный (участок 1) размером 3 х 2 м и восточный (участок 2) размером 2 х 2 м. Первоначально был вскрыт участок 1, зафиксирован его восточный профиль, после чего был вскрыт участок 2, проведена общая зачистка шурфа по уровню материка, зафиксированы профили всех стенок.

В шурфе вскрыт слой грунта толщиной от 108 до 260 см. Толщина составляющих его слоев варьируется в достаточно широких пределах. В верхней части фиксируется слой дерна, под ним – слой желто-коричневого слабо гумусированного суглинки, имеющего, судя по всему, намывное происхождение. Под ним располагается песчаная прослойка, происхождение которой также связано, вероятно, с разливами рек Дубна и Волга. Под ней в западной части шурфа залегает слой темной, сильно гумусированной супеси, представляющей собой культурный слой городища, а ниже – слой коричневой, слабо гумусированной супеси – возможно, являющейся погребенной почвой, а под ней – материковая глина желтого цвета. Более сложная стратиграфическая ситуация наблюдается в центральной и западной частях шурфа – там, где шурфом был вскрыт край большого углубления в материковой глине, предположительно представляющий собой наружный край крепостного рва. На этих участках прослеживается до трех

Городище Дубна. Исследования 2009 года.

Шурф 1. Сводный план. Расположение индивидуальных находок, рельеф материка

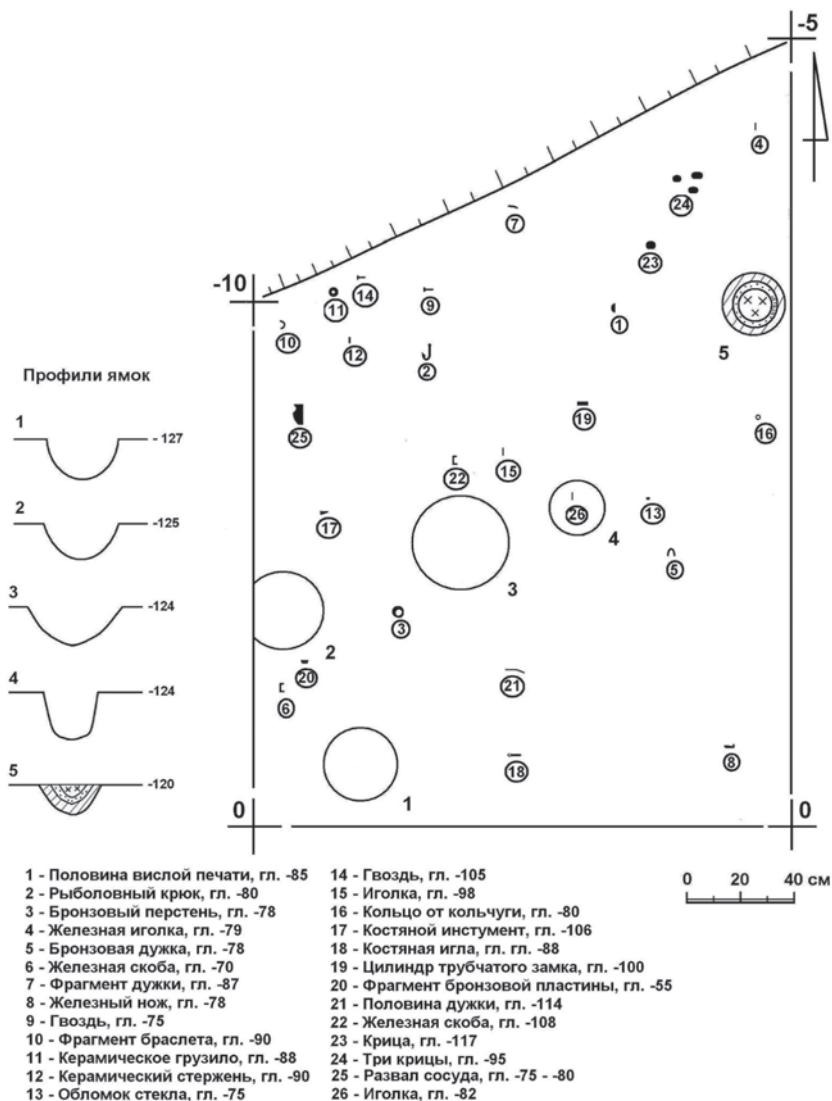
Городище Дубна. Исследования 2009 года. Шурф 1. Профиль северной стенки

Городище Дубна. Исследования 2009 года. Шурф 1. Восточная стенка

песчаных прослоек – вероятно, связанных с намытым заполнением рва, и два разделенных слоя темной, сильно гумусированной супеси – вероятно, отражающих разные хронологические этапы функционирования памятника. В нижней части нижнего культурного слоя встречены многочисленные остатки древесного угля, возможно, связанные со сгоревшими и обрушившимися конструкциями крепости. Окончательная трактовка зафиксированной сложной стратиграфической ситуации без проведения дальнейших работ затруднительна.

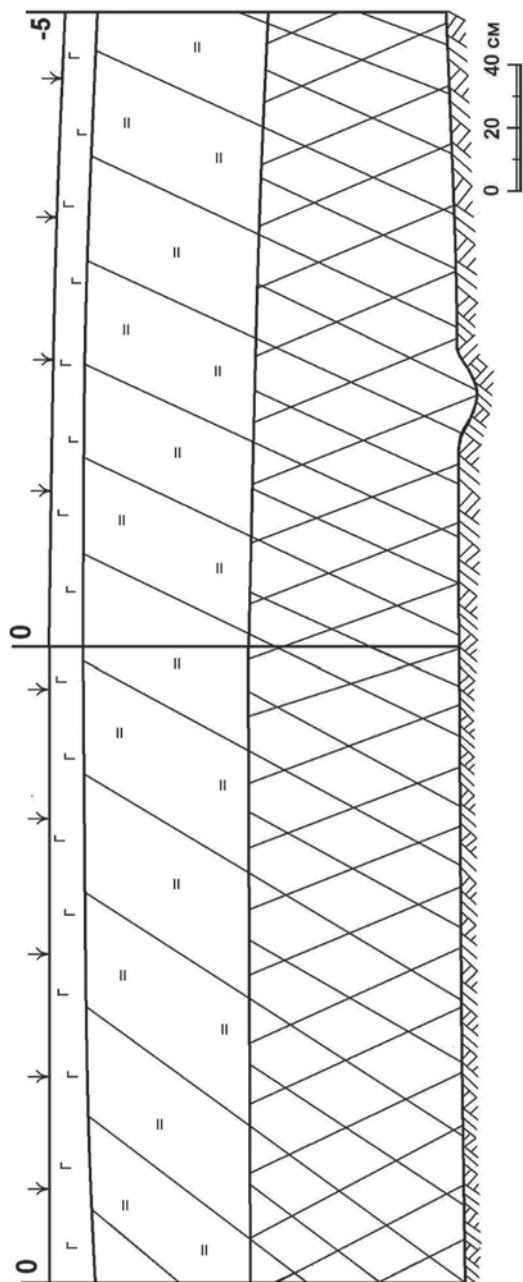
В шурфе было отмечено общее понижение уровня материка на глубину до 150 см. Зафиксированный в шурфе относительно равномерный наклон мате-

Городище Дубна. Исследования 2009 года. Шурф 2. Сводный план. Расположение индивидуальных находок, рельеф материка, профили ямок

риковой поверхности к северо-востоку позволяет предполагать, что шурфом вскрыт участок внешнего склона крепостного рва.

В культурном слое, исследованном в шурфе 1, обнаружены многочисленные кости животных и фрагменты керамических сосудов, а также несколько индивидуальных находок, в том числе фрагмент бронзового браслета, железные ско-

Городище Дубна. Исследования 2009 года. Шурф 2. Профили южной и западной стенок

Городище Дубна. Исследования 2009 года. Шурф 2. Вскрытие культурного слоя

бы, гвоздь и лезвие ножа, а также наиболее яркая находка – бронзовый крест-энколпион. Большинство найденных артефактов датируется XII-XIII вв.

Шурф 2 был заложен в северо-восточной части городища. Восточный край шурфа находится в 88 м к западу – юго-западу от оконечности Ратминской стрелки, северный край примыкает к береговому обрыву реки Волги.

Шурф имеет прямоугольную форму, сориентирован по сторонам света, вытянут по направлению север – юг. Размеры шурфа – 2-3 х 2 м, площадь – 5 м² (поскольку шурф примыкает к обрыву, верхняя кромка которого тянется в направлении с востока – северо-востока на запад – юго-запад, восточный край шурфа имеет длину 3 м, а западный – 2 м).

Дневная поверхность в месте закладки шурфа имеет небольшое понижение к северу, в сторону берегового обрыва. Поверхность хорошо задернована, поросла луговой растительностью.

Шурфом 2 вскрыт слой грунта толщиной от 120 до 128 см. Толщина составляющих его слоев варьируется незначительно. В верхней части фиксируется слой дерна толщиной 10-15 см. Под ним – слой желто-коричневого слабо гумусированного суглинка толщиной около 50 см, имеющего, судя по всему, намывное происхождение. Ниже располагается слой темной, сильно гумусированной супеси мощностью до 64 см, представляющей собой культурный слой городища, а под ней – материковая глина желтого цвета.

Шурф был посажен на материк на всей площади. Материковая поверхность ровная. В ней было обнаружено пять столбовых ямок диаметром от 19 до 33 см и глубиной от 13 до 18 см. Четкой системы в расположении ямок не просле-

живается, однако можно предположить, что они расположены в один или два ряда вдоль берега Волги. Заполнение четырех ямок представляет собой темную, сильно гумусированную супесь, в заполнении ямки 5 зафиксирована линза песчаного грунта и крупные фрагменты угля.

В культурном слое, исследованном в шурфе 2, обнаружены многочисленные кости животных и фрагменты керамических сосудов, а также значительное количество индивидуальных находок, в том числе половина свинцовой актовой печати, целые и фрагментированные бронзовые украшения, различные железные и костяные предметы. Большинство найденных артефактов датируется XII-XIII вв.

Находки, сделанные на городище Дубна в 2009 году

В ходе разведочных исследований городища Дубна, проведенных в 2009 г., была получена коллекция, состоящая, главным образом, из обломков керамических сосудов и костей животных, включающая ряд металлических и костяных предметов. Общее число находок, учтенных в коллекционной описи (без остеологических остатков) – 107 предметов. Вся полученная в ходе работ коллекция сдана в постоянное пользование в музей государственного учреждения высшего профессионального образования Московской области Международного университета природы, общества и человека «Дубна».

Наиболее яркими находками, сделанными в ходе археологических исследований, являются бронзовый крест-энколпион и половина моливдовула – свинцовой актовой печати (ее описание приводится в следующей статье «Новый памятник актовой сфрагистики из древнерусской Дубны»).

Бронзовый крест-энколпион, состоящий из двух створок, был обнаружен в шурфе 1, на глубине (-89) см, в верхней части культурного слоя (здесь и далее в круглых скобках указываются значения глубины залегания объекта, измеренные относительно условного «0»).

Крест находится в хорошем состоянии, внешние поверхности покрыты благородной патиной. Оглавье энколпиона не сохранилось. Внутренние поверхности створок энколпиона практически не патенизированы. На внутренней поверхности лицевой створки фиксируются остатки смолы.

Каждая створка креста-энколпиона имеет размеры 65 x 57 мм, с учетом «ушек» 85 x 57 мм, толщина каждой створки 3,5-4,5 мм, общая толщина энколпиона в сложенном виде 7-8 мм.

Крест имеет закругленные концы, на которых располагаются четко оформленные медальоны с изображениями святых и выраженные капельки металла в местах соединения медальонов с ветвями креста. Каждая створка креста имеет рельефную пятичастную композицию с центральным изображением в рост и четырьмя поясными изображениями в медальонах.

В центре лицевой створки креста-энколпиона находится изображение Распятия Христова, по сторонам от него – предстоящие изображения Богоматери и Иоанна Богослова, в верхнем и нижнем медальонах – изображения святителей Николая Чудотворца и Григория Богослова.

В центре оборотной створки энколпиона находится изображение Богоматери с ладонями, раскрытыми перед грудью – данный образ известен в иконографии как Богоматерь Ассунта, «Вознесенная». В медальонах по ее сторонам расположены изображения святых Козьмы, Демьяна, Петра и Василия. На створках энколпиона находятся зеркальные славянские надписи и обращение «Святая Богородица помогай».

Городище Дубна. Исследования 2009 года. Бронзовые изделия. 1, 2 - крест-энколпион; наружные поверхности створок; 3 - фрагмент браслета, шурф 1, уч. 2, гл. (-150) см; 4 - перстень, шурф 2, гл. (-78) см

Энколпион отлит из бронзы. Судя по всему, отливка была сделана в глиняной форме, изготовленной по восковой модели, выполненной по слепку, снятому с оригинального креста, отлитого в каменной форме. Во всяком случае, на левом медальоне оборотной створки отчетливо видны следы деформации восковой модели. Эта створка креста, с которого делался слепок, была уже в некоторой степени затерта от длительного ношения, что и объясняет, вероятно, более низкое качество отливки этой стороны.

По классификации Г.Ф. Корзухиной, анализируемый энколпион относится к группе VII «кресты с мелкими рельефными изображениями», типу 1 «кресты с Распятием и Богоматерью с ладонями перед грудью и четырьмя медальонами вокруг каждого из них, с закругленными концами» (Корзухина, Пескова, 2003. С. 23-24). Оригинальные кресты-энколпионы данного типа изготавливались в Киеве – скорее всего, мы имеем дело с достаточно качественным повторением киевского изделия.

Как правило, у большинства энколпионов на лицевой створке сверху и снизу делалось по одному ушку, а на обратной – по два. Однако у данного энколпиона,

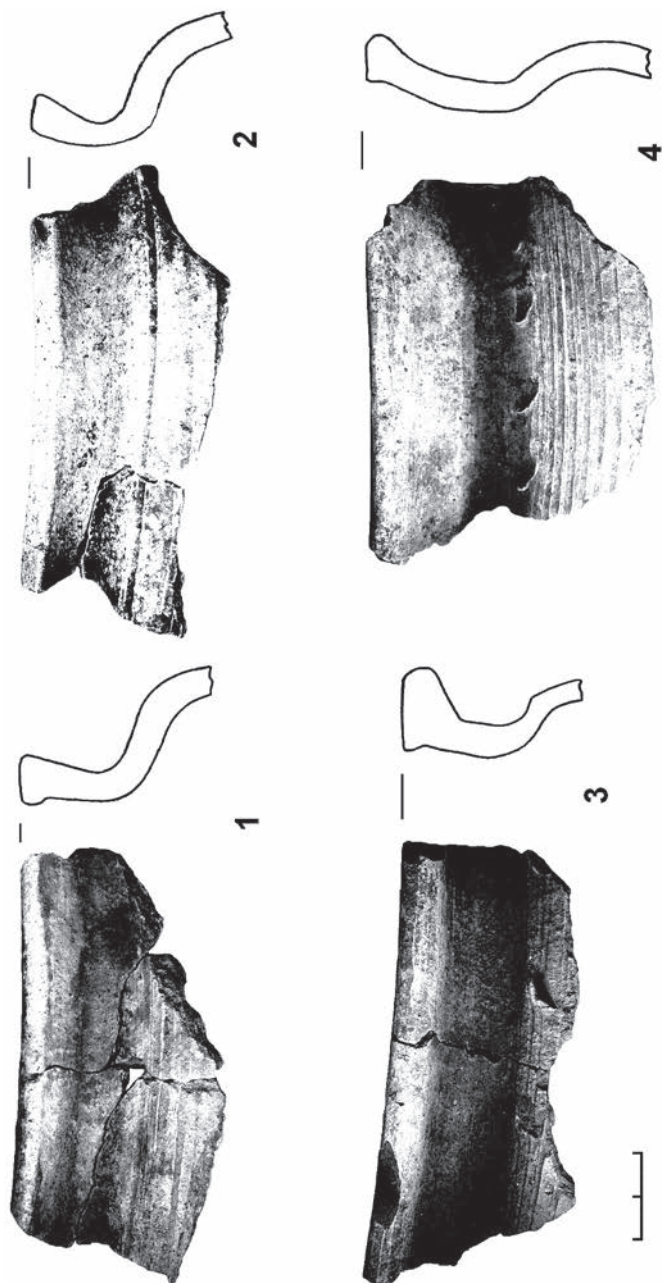
Городище Дубна. Исследования 2009 года. 1, 4, 6-10 – железо; 2, 5 – бронза; 3 – кость. 1 – крюк, шурф 2, гл. (-80) см; 2 – дужка, шурф 2, гл. (-78) см; 3 – игла, шурф 2, гл. (-88) см; 4 – скоба, шурф 2, гл. (-108) см; 5 – фрагмент браслета, шурф 2, гл. (-90) см; 6, 7 – иглы, шурф 2, гл. (-82) см и шурф 2, гл. (-98) см; 8-10 – гвозди, шурф 1, уч. 1, гл. (-95) см, шурф 2, гл. (-75) см и шурф 2, гл. (-100) см.

как и у других крестов этого типа, ушки размещены наоборот, как будто створка с центральным изображением Богоматери была задумана как лицевая.

Кресты-энколпионы данного типа датируются, как правило, первой половиной XIII века. Наибольшее распространение они получили непосредственно перед началом монголо-татарского нашествия (Корзухина, Пескова, 2003. С. 24, 194). Датировка дубненского креста-энколпиона этим временем позволяет обоснованно предполагать, что после того, как город Дубна был сожжен новгородским войском в 1216 году, он был восстановлен, а погиб уже только в 1238 году во время монголо-татарского нашествия. Кроме того, находка креста-энколпиона в культурном слое городища Дубна подтверждает проживание здесь лиц высокого социального статуса.

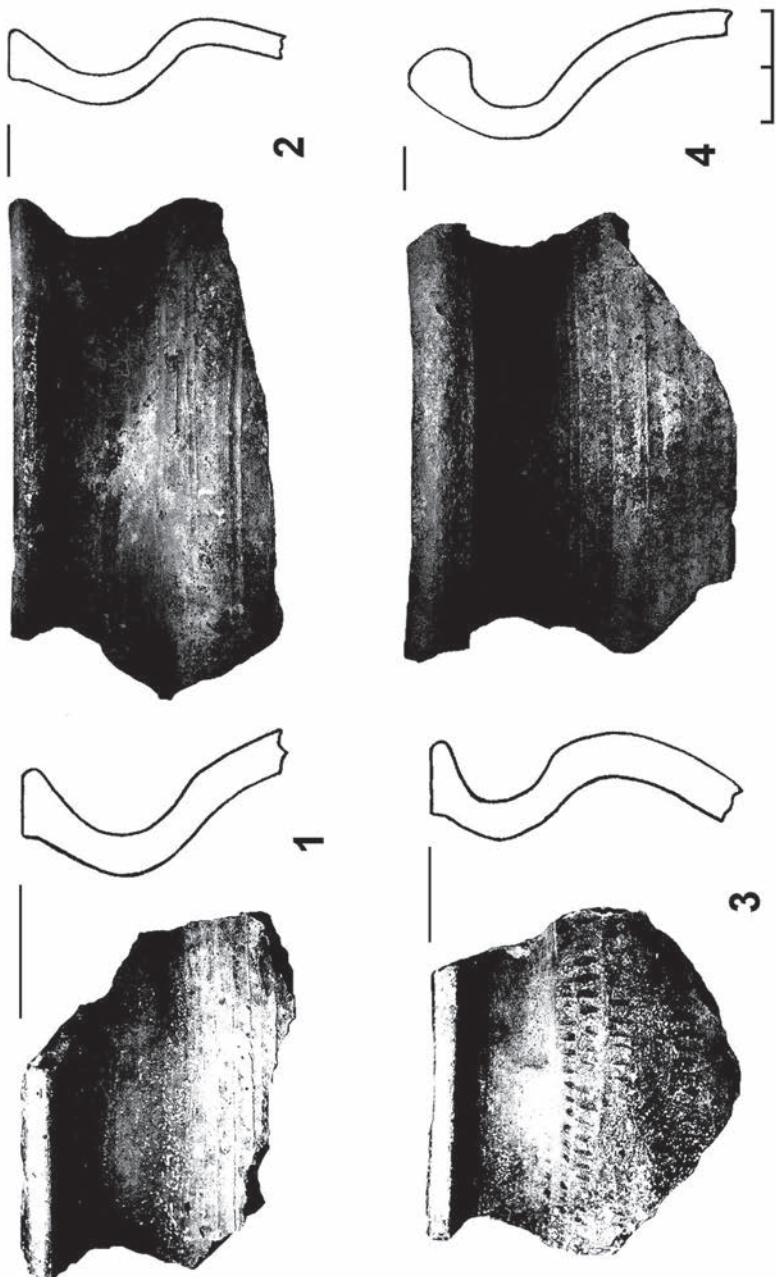
Бронзовые изделия. В шурфе 2 на глубине (-80) см найден бронзовый лжевитой перстень. Наружный диаметр перстня 24,5-25,5 мм, внутренний – 20 мм, сохранность хорошая, поверхность патинизирована незначительно.

Также в шурфе 2 на глубине (-90) см был обнаружен большой фрагмент бронзового браслета в растительной оплетке. Он имеет длину по окружности 7,4 см, внутренний диаметр 5,0 см, покрыт толстым слоем окислов и обломан с обоих концов.

Городище Дубна. Исследования 2009 года.

Фрагменты сосудов. 1, 2 – зачистка 1, гл. (-175) см; 3, 4 – шурф 1, уч. 1, гл. 100-120 см

Городище Дубна. Исследования 2009 года. Фрагменты сосудов. Шурф 2, гл. 70-80 см

В шурфе 1, на участке 2, на глубине (-150) см обнаружен фрагмент бронзового браслета, орнаментированного косыми крестами, нанесенными на него чеканкой. Фрагмент имеет размеры 20 x 15 мм, толщину 0,3 мм, патенизирован, отрублен от остальной части браслета, края разрубов ровные.

Кроме того, в шурфе 2 обнаружен достаточно крупный фрагмент бронзовой пластины и бронзовая дужка, вероятно, от замка.

Железные предметы. В шурфе 2, на глубине (-80) см был найден крупный железный рыболовный крюк, размером 5,7 x 3,4 см, с округлым расширением в верхней части. Предмет покрыт ржавчиной и известковым налетом.

Также в шурфах было найдено два обломанных лезвия железных ножей, три гвоздя, две иголки с подквадратным сечением, кольцо от кольчуги, цилиндр трубчатого замка, два фрагмента железных дужек, девять железных скоб. В шурфе 2 были обнаружены четыре железных крицы.

Костяные предметы. В шурфе 2, на глубине (-88) см, была обнаружена крупная костяная игла с ушком, длиной 6,6 см, с сечением 6 x 3 мм и диаметром отверстия 3 мм. Кончик иглы обломан. Вероятно, она относится к типу игл, предназначенных для плетения сетей. В том же шурфе был обнаружен костяной инструмент конической формы.

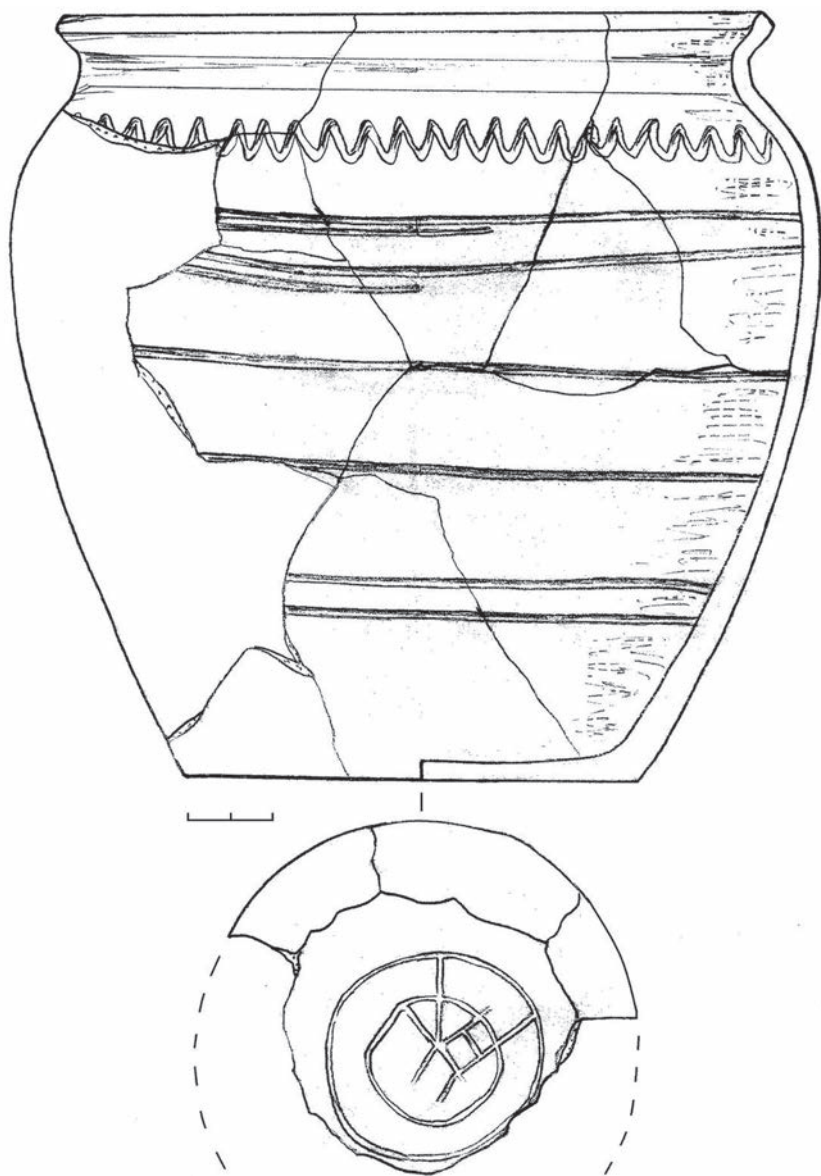
Подавляющее большинство бронзовых, железных и костяных предметов, обнаруженных в ходе проведенных исследований, были извлечены из слоя темной, сильно гумусированной супеси. По типологическим особенностям практически все они могут быть датированы XII-XIII вв., хотя некоторые артефакты могут датироваться в весьма широких пределах. Достаточно однозначно, на наш взгляд, к XVI-XVIII вв. можно отнести семь железных скоб с плоской, округлой серединой.

Керамика. Из 107 находок, зафиксированных в коллекционной описи, 63 являются фрагментами керамических сосудов (поскольку фрагменты гончарной посуды имеют стандартный характер, в коллекционную опись включались только достаточно информативные фрагменты, а также все фрагменты от зафиксированного развала сосуда). В основной они были обнаружены в слое темной, сильно гумусированной супеси. Более половины фрагментов (35 штук) происходят из этого слоя из шурфа 2, в котором культурный слой вообще существенно более насыщен артефактами, чем в шурфе 1.

Все найденные фрагменты принадлежат сосудам, изготовленным на гончарном круге, с выраженной профилировкой верхней части сосуда. Венчики уплощенные. В качестве примесей в тесте фиксируется песок и, в некоторых случаях, измельченная глина. Орнамент достаточно бедный – как правило, это или параллельные ряды прочерченных горизонтальных линий, либо одиночные ряды ямочных вдавлений. Часто эти способы орнаментации сочетаются.

По цвету и качеству изготовления можно выделить три основные группы сосудов. Первая – сосуды с темным цветом поверхности, с относительно рыхлой структурой теста на изломе. Эта керамика является типичной для культурных слоев русских поселений XII-XIII вв. на Верхней Волге.

Вторая группа – сосуды с белым или светло-желтым цветом поверхности, с плотной структурой теста на изломе. Эти сосуды относятся к группе южно-русской керамики и также могут быть датированы XII-XIII вв. Проникновение южнорусской керамики в домонгольское время на территорию Волго-Окского

Городище Дубна. Исследования 2009 года. Реконструированный сосуд. Шурф 2, гл. (-75) – (-80) см

междуречья уже неоднократно отмечалось в ходе археологических исследований древнерусских памятников Московской области (Хижняков, 2008. С. 12-13).

Третья группа – глазурованные сосуды красно-коричневого цвета, с плотным тестом. Датируются в широких пределах от XVI в. до начала XX в. Несколько фрагментов найдены в суглинке, перекрывающем древнерусский культурный слой, и связаны с функционированием Дубенского мыта и села Городище на Дубенском устье.

Несколько крупных фрагментов от верхней части одного или двух сосудов второй группы были найдены в зачистке 1, в заполнении рва, на глубине (-175) см.

В северо-западном углу шурфа 2, на глубине (-75) см – (-80) см, в слое темной, сильно гумусированной супеси, было обнаружено несколько крупных фрагментов одного сосуда, которые удалось подклеить друг к другу и, таким образом, реконструировать сосуд на полную высоту. Этот сосуд относится к первой группе керамики.

Диаметр венчика сосуда 16,7 см, диаметр по наибольшему расширению тулова 18,8 см, диаметр днища 10,6 см. Высота верхней части сосуда (до уровня наибольшего расширения тулова) 5,5 см, высота тулова сосуда 12,5 см, общая высота сосуда 18,0 см. Форма сосуда – горшечная, профилировка плавная, шейка сильно отогнутая. Сосуд изготовлен на гончарном круге, достаточно грубо и не всегда ровно, заглаживание поверхности довольно грубое, цвет внешней поверхности от оранжево-коричневого до черного, внутренней – от темно-серого до черного, цвет излома – от коричневого до черного, в тесте сосуда фиксируются примеси песка и слюды. В верхней части сосуда на наружной и внутренней поверхностях фиксируется черный нагар. Плечо сосуда украшено зигзагообразным орнаментом, прочерченным без отрыва орнамента от поверхности сосуда. Тулово сосуда орнаментировано тремя группами по две небрежно нанесенные параллельные горизонтальные линии. На днище сосуда присутствует достаточно отчетливый отпечаток клейма, состоящего из двух вписанных друг в друга окружностей и нескольких взаимопересекающихся линий.

Кроме фрагментов керамических сосудов, на городище также были найдены обломанный керамический стержень и керамическое грузило для сети цилиндрической формы.

Также в шурфе 2 был обнаружен обломок мутного стекла с характерным перламутровым блеском.

Остеологические остатки. В шурфах и зачистках на городище Дубна было обнаружено более трехсот остеологических остатков. Определение остатков профессиональным палеозоологом планируется, но еще не проводилось. Судя по всему, среди остеологических остатков преобладают кости domesticированных копытных: лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Также обнаружены кости птиц, чешуя рыб, клык молодого кабана.

Печати и пломбы древнерусской Дубны

Печати и пломбы (сфрагистические памятники) древнерусской Дубны имеют достаточно большое значение при анализе комплекса актовых материалов домонгольской Руси. Находка древнерусской свинцовой актовой печати – моливдовула, сделанная Дубненской археологической экспедицией в 2009 году, пополняет обширную сфрагистическую коллекцию, которая была собрана здесь из размываемого берега Волги в 1970-80-е гг. Е.Ю. Крымовым и проанализирована в середине – второй половине 1980-х гг. С.В. Белецким (Белецкий С.В., 1986). Это коллекция включает в себя три актовые печати второй половины XII – начала XIII вв., две заготовки для печатей, 35 торговых пломб и 9 заготовок для пломб. Кроме того, в различных частных коллекциях известно еще не менее 10 торговых пломб, происходящих с городища Дубна (Крымов Е.Ю., Белецкий С.В., 1992). В 1986 г. С.В. Белецкий отмечает, что найденная в Дубне коллекция торговых пломб является третьей по численности на территории Руси – после Дрогичина и Новгорода (Белецкий С.В., 1986. С. 40).

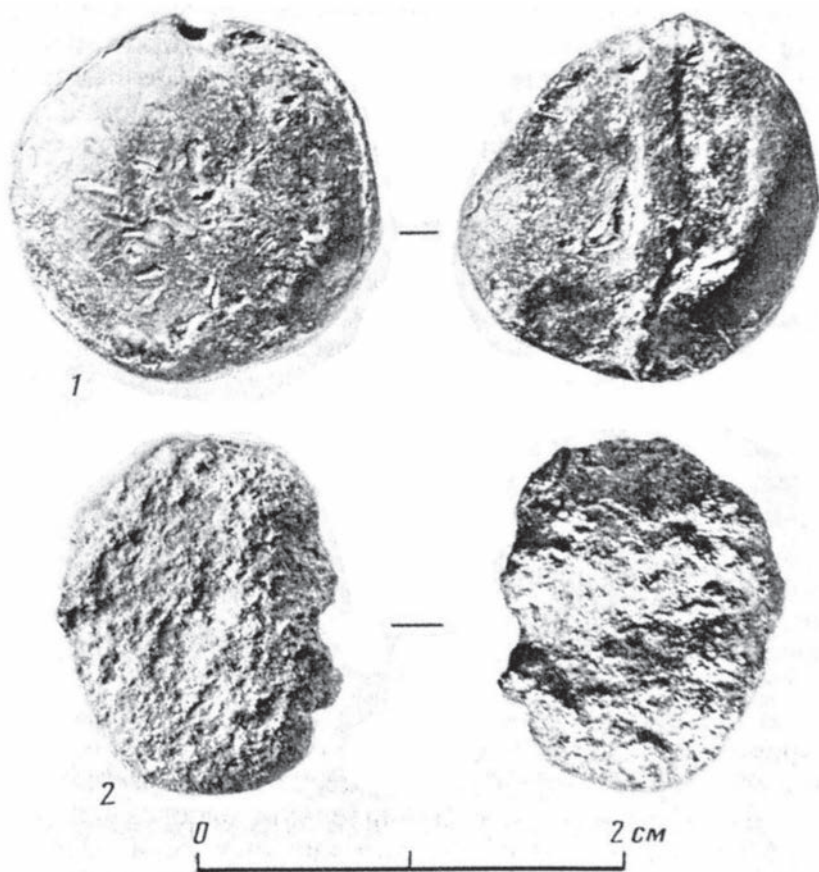
Городище Дубна. Половина печати новгородского посадника середины XII в. (Даченков И.Б., Крымов Е.Ю., 1998. С. 35)

На аверсе первой актовой печати С.В. Белецким и Е.Ю. Крымовым была определена композиция «Вседержитель на престоле», а на реверсе – изображение Св. Федора в композиции «Чудо о змие». Установлено, что эта печать оттиснута матрицами № 368 Корпуса актовых печатей древней Руси. По мнению авторов, она принадлежала переяславскому князю Ярославу Всеволодичу и датируется в пределах первых десятилетий XIII в. Печать находится очень плохом состоянии (Белецкий С.В., Крымов Е.Ю., 1990. С. 233-237).

На фрагменте второй печати на аверсе присутствует двузубец прямоугольных очертаний, а на реверсе – погрудное изображение Св. Георгия с копьем в правой руке и фрагмент надписи «Ге(оргий)». По мнению авторов, она может быть оттиснута матрицами № 286 Корпуса актовых печатей древней Руси, атрибутируемыми как принадлежавшие новгородскому посаднику Судиле (Георгию) Иванковичу в период отправления им должности степенного при князе Святополке Мстиславиче (1142-1144 или 1147-1148 гг.), однако, крайне плохая сохранность объекта не позволяет установить это однозначно. С.В. Белецкий и Е.Ю. Крымов считают возможным достаточно уверенно отнести данный моливдовул к числу печатей новгородских посадников и датировать его временем не позднее середины XII в. (Белецкий С.В., Крымов Е.Ю., 1990. С. 237-244).

Фрагмент третьей печати не содержит изображений, точной датировке и атрибуции не подлежит (Белецкий С.В., Крымов Е.Ю., 1990. С. 244).

Кроме того, авторы описывают две найденные на городище Дубна заготовки

Городище Дубна. Заготовки для актовых печатей. (Белецкий С.В., Крымов Е.Ю., 1990. Рис. 6)

для печатей. Одна из этих заготовок является бракованной: канал для шнура у нее не сквозной, а заплавленный более чем наполовину с одной из сторон. Авторы отмечают это как весьма существенный факт – поскольку «бракованную заготовку вряд ли была необходимость везти на значительное расстояние, и, следовательно, изготовление свинцовых заготовок для актовых печатей было налажено на месте, т.е. в предметах такого рода имела постоянная необходимость» (Белецкий С.В., Крымов Е.Ю., 1990. С. 244). Этот факт, по мнению С.В. Белецкого и Е.Ю. Крымова, позволяет утверждать, что «в древнерусской Дубне, по крайней мере, в какой-то период существования города, имела канцелярия (возможно, в лице конкретного чиновника), обладавшая правом скрепления документов актовой печатью» (Белецкий С.В., Крымов Е.Ю., 1990. С. 244).

С.В. Белецкий и Е.Ю. Крымов отмечают, что среди княжеских знаков на торговых пломбах с городища Дубна «представлены тамги Всеволода Мстиславича,

Городище Дубна. Торговые пломбы. (Даченков И.Б., Крымов Е.Ю., 1998)

княжившего в Новгороде и Пскове; Святополка Мстиславича, занимавшего столы в Полоцкой земле, Пскове, Берестье, Новгороде и Владимире Волынском; а также знаки, относящиеся к ветви развития тамги, характерной для потомков Юрия Долгорукова. Четыре пломбы с изображением креста на аверсе и святого на реверсе, оттиснутые одной парой матриц, соответствуют пломбе, происходящей из Пскова. Можно считать, что большинство пломб происходит либо из Новгорода Великого, либо из Низовских земель» (Крымов Е.Ю., Белецкий С.В., 1992).

В отчете 1986 года С.В. Белецкий пишет, что «все найденные на памятнике

заготовки цельнолитые, внешне имеют вид чечевичного зерна, через центр которого проходит сквозной круглый в сечении канал диаметром 1,1 – 1,5 мм. Несколько заготовок, судя по всему, отлиты в одной форме <...> Несколько plomb были оттиснуты на заготовках, свернутых из свинцовой пластинки <...> Линейные размеры plomb сильно варьируют: от 5-9 мм до 13-16 мм. <...> Преобладают plomb с размерами от 7-9 до 10-13 мм» (Белецкий С.В., 1986. С. 38-39).

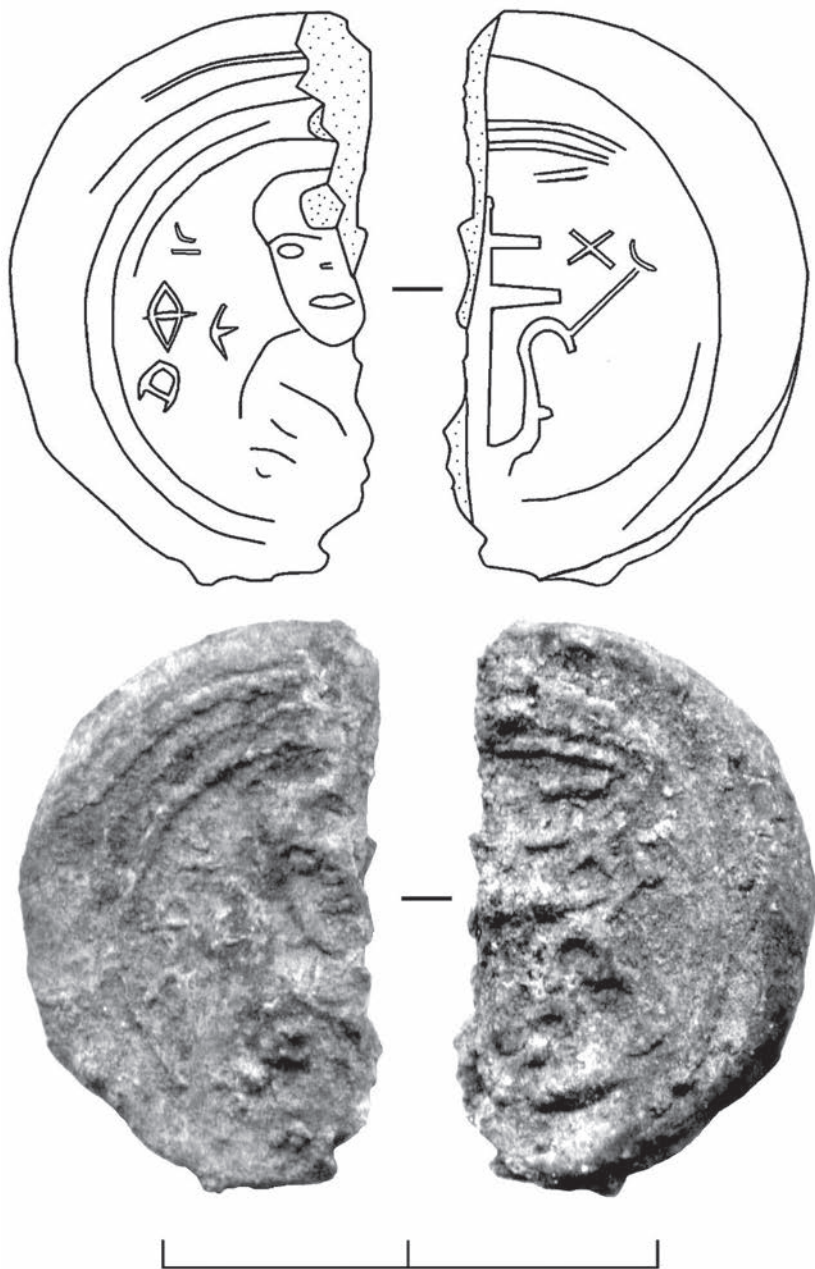
В завершение этого раздела отчета С.В. Белецкий отмечает: «Поскольку подавляющее большинство найденных на Ратминском поселении plomb происходят, по-видимому, из других городов, а не из самой Дубны (таковы функции plomb!), сопоставлять найденные заготовки с plombами и пытаться на этом основании устанавливать, какие из plomb могли быть привешены непосредственно в самой Дубне – занятие, на мой взгляд, достаточно рискованное.

Во всяком случае, имеющаяся серия plomb, хотя и является количественно третьей на Руси (после Дрогичина и Новгорода), но все-таки недостаточна для подобных исследований. Отмечу только, что найденные на Ратминском поселении заготовки по своей массивности соответствуют plombам, имеющим наименьший вес. Эти plomb могли быть оттиснуты на заготовках, подобных найденным. Значительная серия заготовок, происходящая с Ратминского поселения, и разнообразие самих plomb свидетельствуют о том, что в этом городе было налажено опломбирование товара, а также снимались plomb с товара, поступавшего извне. Вероятно, по крайней мере часть найденных на Ратминском поселении заготовок могла быть изготовлена на месте, что свидетельствует о постоянной потребности в такого рода изделиях» (Белецкий С.В., 1986. С. 40).

Рассмотрев обширные материалы коллекции Е.Ю. Крымова и проанализировав сделанные в Ратмино находки актовых печатей, торговых plomb и их заготовок, С.В. Белецкий приходит к выводу о том, что «Ратминское поселение, судя по имеющемуся материалу, предстает перед нами как достаточно типичный древнерусский город, существовавший в XII-XIII вв.» (Белецкий С.В., 1986. С. 4). В заключительной части своего отчета он пишет:

«Дубна предстает перед нами важным центром в системе городов Верхневолжья. Уже в начальный период своей истории город, возведенный на западной границе Ростовского княжества, оказался в сфере интересов новгородского республиканского правительства, привлекая к себе повышенное внимание высших боярских магистратов. И по крайней мере в период расцвета – конец XII – начало XIII вв. в городе находился постоянно действующий административный пункт, чиновники которого располагали правом скреплять документы актовой печатью.

Значение города при впадении Дубны в Волгу среди других городов Ростовской земли (а позднее – Переяславского княжества) определяется самим местом его в пределах административных границ этих территориально-политических образований. Располагаясь на пограничье с владениями Новгорода Великого, город Дубна в то же время находился на оживленном торговом пути, связывающем Новгород с Низовскими землями. И вряд ли будет большой натяжкой предполагать, что в Дубне размещался один из таможенных пунктов, через которые проходил хлеб, направленный из Низовских земель в Новгород Великий. Не случайно именно города Верхневолжья были стерты с лица земли в войне 1216 г., начавшейся сразу же вслед за попыткой переяславского князя

Городище Дубна. Исследования 2009 года. Половина свинцовой актовой печати. Шурф 2, гл. (-85) см

объявить Новгороду торговую блокаду.

Об этом же свидетельствуют находки домонгольских товарных пломб и серия заготовок для пломб, позволяющих утверждать, что в Дубне происходило пересвидетельствование товаров, транзитом следовавших в Новгород и из Новгорода» (Белецкий С.В., 1986. С. 40-41).

В статье 1994 г. С.В. Белецкий и Е.Ю. Крымов пишут: «Среди княжеских знаков на пломбах представлены тамги Всеволода Мстиславича, княжившего в Новгороде и Пскове, Святополка Мстиславича, занимавшего столы в Полоцкой земле, Пскове, Берестье, Новгороде и Владимире Волынском». Как известно, Всеволод Мстиславич скончался в 1138 г., а Святополк Мстиславич – в 1154 г. Указанные пломбы не могли быть поставлены позднее времени смерти этих князей. Таким образом, на основании сфрагистических материалов мы можем быть уверены, что в древнерусскую Дубну приходили товары, опломбированные не позднее 1138 и 1154 годов, а Юрий Долгорукий, как известно, прожил до 1157 года. Таким образом, эти пломбы однозначно доказывают, что древнерусская Дубна уже существовала при Юрии Долгоруком, более того – датировка первой из них (1117-1138, годы княжения Всеволода Мстиславича) охватывает хронологический интервал, на основании целого комплекса данных определяемый как время основания древнерусской Дубны (1132-1134 гг.).

Именно С.В. Белецким была впервые обоснована дата возникновения древнерусской Дубны: 1132-1134 гг. (Белецкий С.В., 1987). В 2004 г. эта дата была увековечена Фондом «Наследие», установившим в Ратмино памятный знак – камень весом более 10 тонн с надписью «Отсюда Дубна стала есть. 1134. Основана Юрием Долгоруким».

В ходе исследований 2009 года нам удалось пополнить коллекцию сфрагистических памятников городища Дубна. В шурфе 2, расположенном на правом берегу Волги, в 88 м от оконечности Ратминской стрелки, на глубине 85 см, в культурном слое XII – начала XIII вв. нами была найдена половина моливдовула удовлетворительной сохранности (Петров Ф.Н., Зинин И.А., 2010).

Диаметр обнаруженной нами печати 22,0 мм, толщина – от 1,0 до 2,2 мм. На аверсе печати размещено изображение процветшего шестиконечного креста и литеры «ХС», вокруг – ободок. На реверсе размещено поясное изображение Св. Федора, слева от него – колончатая надпись «Фед(ор)», вокруг также ободок.

Согласно классификации В.Л. Янина и П.Г. Гайдукова, найденный нами моливдовул относится к типу «печати с изображением Христа или его символов» и может быть датирован в пределах последних десятилетий XII в. или первых десятилетий XIII в. (Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 2004; Гайдуков П.Г., Янин В.Л., 2008). Матрица, которой был оттиснут моливдовул, в Корпусе актовых печатей древней Руси отсутствует.

В целях уточнения атрибуции найденной печати и включения ее в состав ежегодно пополняемого «Свода средневековых актовых печатей» мы передали ее для исследования чл.-корр. РАН П.Г. Гайдукову. Согласно его заключению, печать можно датировать второй половиной XII в.; вероятнее всего, она принадлежала кому-то из деятелей Православной Церкви.

Результаты археологических исследований 2009 года

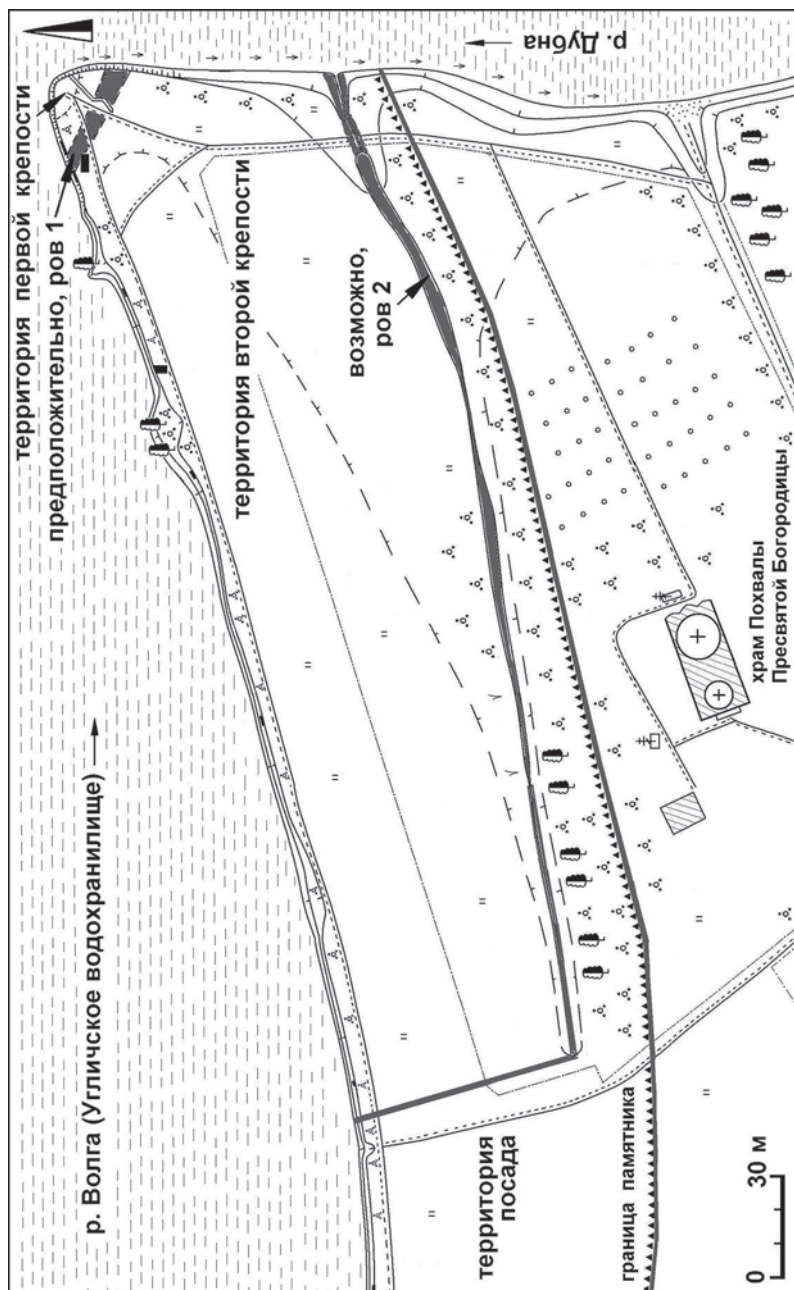
В результате проведенных в 2009 году исследований, на основании особенностей стратиграфии, зафиксированной в восьми зачистках, было установлено, что культурный слой городища Дубна тянется вдоль берега Волги от самой оконечности мыса – Ратминской стрелки – на расстояние 510 м. Ширина распространения культурного слоя достигает 105 м. Общая площадь памятника составляет 38 000 м².

В нижней части культурного городища Дубна были обнаружены отдельные отщепы и орудия на отщепах. Эти находки относятся к неолитической стоянке Дубна 3, которая также расположена на территории городища. Четко локализовать стоянку и выделить относящийся к ней культурный слой в настоящее время не представляется возможным.

Культурный слой городища имеет мощность от 0,1 м на периферии памятника до 0,6–0,7 м в его северо-восточной части и представляет собой темную, сильно гумусированную супесь с включениями прокаленного грунта и углистыми прослойками. Основная часть культурного слоя сформировалась, судя по всему, в течение XII – первой трети XIII вв. и представляет собой остатки древнерусского города Дубна, известного по упоминаниям в Новгородской первой летописи. Многочисленные углистые остатки, присутствующие как в нижних, так и в верхних частях слоя, свидетельствуют о неоднократных пожарах, с которыми было связано существование древнерусской Дубны.

Можно предположить, что на мысу, непосредственно в районе впадения Дубны в Волгу, сохранились остатки оборонительного рва первой крепости, построенной на этом месте, судя по всему, в первой половине XII века (вероятно – в 1132–1134 гг.) и вскоре после сооружения погибшей в результате пожара (вероятно – в ходе событий 1149 г.). Заплывшие остатки рва прослеживаются на уровне дневной поверхности в виде слабопрофилированного углубления шириной от 4 м до 6,5 м и глубиной до 0,3–0,4 м, пересекающего самую оконечность мыса. Небольшой участок внешнего склона рва был исследован в шурфе 1, кроме того, края рва отмечены в зачистках 1 и 2. От территории, предположительно огороженной в древности этим рвом, сохранился участок площадью около 150 м².

Также можно выдвинуть осторожное предположение, что оборонительный ров второй крепости, построенной, вероятно, в середине – второй половине XII века, представляет собой в настоящее время запруженный ручей, находящийся в ограде храма Похвалы Пресвятой Богородицы. Если это предположение соответствует действительности, то, вероятно, участок второго рва, соединявший сохранившееся до настоящего времени углубление с рекой Волгой, был засыпан и сnivelирован по уровню дневной поверхности. Площадь сохранившегося

Городище Дубна. Основные части памятника по материалам исследований 2009 года

ся участка, предположительно ограниченного остатками рва второй крепости – около 19 000 м². Однако данное предположение носит пока чисто гипотетический характер.

Сверху культурный слой городища и селища перекрыт слоем суглинка толщиной от 0,5 до 0,9 м. Данный слой имеет, судя по всему, намывное происхождение, его формирование связано с особенностями гидрологического режима в месте впадения Дубны в Волгу. В данном слое встречаются отдельные находки, связанные с функционированием селища «Дубенское мыто» в XV-XVI вв. и села Городище на Дубенском устье – начиная с XVII в. К началу XX в. это село получило название Ратмино, перешедшее к нему от соседней деревни, прекратившей свое существование, и в настоящее время представляет собой улицу Ратмино в составе города Дубны, проходящую к югу от археологического памятника и практически полностью застроенную современными коттеджами – за исключением двух деревянных домов постройки конца XIX – начала XX вв. и храма Похвалы Пресвятой Богородицы 1827 года постройки.

Городище Дубна находится в настоящее время в удовлетворительном состоянии. Потенциальную угрозу его сохранности составляют существующие планы строительства спортивных и рекреационных сооружений на земельном участке, принадлежащем Московской области, в границах которого находится западная часть культурного слоя памятника. Для предотвращения разрушения памятника в случае начала такого строительства необходимо его незамедлительное включение в государственный реестр охраняемых памятников истории и культуры.

Продолжается разрушение культурного слоя городища в его северо-восточной части, на самой оконечности Ратминской стрелки. Волга, уровень которой существенно поднят Угличским водохранилищем, подмывает берег в этом месте, и участки культурного слоя регулярно обрушиваются в реку. Значение разрушения этой части памятника весьма велико в силу того, что только здесь, на самой оконечности мыса, сохранились, судя по всему, остатки крепостных сооружений домонгольского времени. В случае дальнейшего продолжения процессов разрушения берега эти остатки окажутся утраченными для науки. Целесообразно проведение на этом месте охранных археологических раскопок с дальнейшим укреплением береговой линии долговечными конструкциями.

Система обоснования существования древнерусской Дубны в 1134 г.

В последнее время в городской прессе возникла дискуссия о времени основания древнерусской Дубны. В этой связи мы систематизировали все аргументы, обосновывающие существование древнерусской Дубны в 1134 году.

1. Непосредственное упоминание в письменных источниках под 1134 годом. Фрагмент текста Новгородской первой летописи старшего извода: «...ходи Всеволодь с новгородьци, хотя брата своего посадити в Суждали, и воротишася на Дубне опять».

2. Сравнительно-текстологический анализ письменных источников: сравнение текстовых фрагментов с упоминанием Дубны в Лаврентьевской и Новгородской первой летописях. Лаврентьевская летопись сообщает, что новгородцы «на Волзе воротишася». Новгородская первая летопись старшего извода уточняет, что новгородцы «воротишася на Дубне». Почему в двух разных сводах один и тот же факт интерпретируется по-разному? По всей видимости, речь идет о политической подоплеке текста в Новгородской летописи. Новгородская первая летопись старшего извода, по мнению специалистов, была независимым, самостоятельным и менее ангажированным источником, который создавался на Архиепископском дворе Новгорода, в отличие от младшего извода, на который оказали влияние летописные своды из других княжеств. Автору-летописцу из Новгорода, который воевал с Ростовом, было важно показать, что речь идет не о естественной преграде на пути у войска – реке (тогда бы он указал на более крупный и очевидный объект – реку Волга по аналогии с Лаврентьевской летописью), а об искусственном рубеже – крепости Дубна, которая стала препятствием для войска новгородцев. Безусловно, какой смысл акцентировать внимание на Дубне – небольшом притоке Волге, если проще указать на Волгу? Исходя из этого, факт «воротишася на Дубне» получил более конкретную, уточняющую привязку к местности, т.е. городку Дубна. Более того, заслуживает внимания, что упоминание «воротишася на Дубне» можно интерпретировать не как упоминание о реке, а как о реке, на которой расположена крепость. Т.е. буквально река-крепость. В период средневековья наиболее четкими ориентирами для названия населенных пунктов, особенно недавно заложенных и имеющих оборонительное значение, служили реки. Гидронимы давали основу и для названия пограничных крепостей Юрия Долгорукого. Это была весьма распространенная практика. Поэтому вполне возможна версия «два в одном»: река-крепость.

3. Общеисторический (контекстный) анализ ситуации возникновения древнерусского города Дубна: начало феодальной раздробленности на Руси с 1132 года; начавшаяся война 1130-х годов между Новгородом и Ростово-Суздальской землей и необходимость укрепления западной границы владений Юрия Долгорукого.

4. Сравнительно-исторический анализ условий возникновения древнерусской Дубны: сравнение с хронологией и условиями возникновения соседних с Дубной древнерусских городов-крепостей, основанных князем Юрием Долгоруким. 1134-1135 годы – время основания Кснятина, упоминание в Никоновской летописи. Кснятин прикрывал направление в глубь ростово-суздальских владений со стороны реки Нерли. 1135 год – дата основания Твери. В 2005 году тверское научное и краеведческое сообщество официально отметило 870-летие города Твери, который берет свое начало от крепости, основанной ростово-суздальским князем Юрием Долгоруким в устье реки Тверцы при впадении в Волгу.

5. Данные исторической географии: пограничный характер территории в районе современной Дубны в начале XII века; статус устья реки Дубны как важного стратегического и географического пункта, открывающего путь в глубь ростово-суздальских владений, и необходимость его оперативного укрепления на данном историческом отрезке времени; возникновение городов-крепостей в устьях рек – притоков Волги с оборонительными и таможенными функциями в начале 1130-х годов – Тверь, Шоша, Дубна, Кснятин, Молога, Углич, Поле и др.; маршрут и обстоятельства проведения военных походов 1134 и 1135 годов.

6. Данные сфрагистики: среди находок в Ратмино достоверно зафиксирована одна актовая печать и две торговые пломбы, относящиеся к периоду правления Юрия Долгорукого, одна из них чётко датируется не позднее 1138 г.

7. Данные археологии: многочисленные археологические материалы, уверенно датируемые XII веком – серебряные колты и височные кольца с зерновыми бусинами, обломки стеклянных браслетов, бляшки от поясных и уздечных наборов, керамика.

8. Историография: научные публикации А.В. Успенской, В.А. Кучкина, С.В. Белецкого, И.Я. Шимова, В.Л. Егорова, Е.В. Пчелова, Е.Ю. Крымова, И.Б. Даченкова, Ф.Н. Петрова, И.А. Зинина; материалы Большой советской энциклопедии и энциклопедии «Москва».

9. Данные открытых источников (информационное поле России): более 5000 упоминаний об основании древнерусской Дубны Юрием Долгоруким в открытых источниках, включая базы данных, каталоги, тематические сайты и порталы RUNETA.

День памяти древнерусской Дубны

«ВЪ ЛѢТО 6724. МѢСЯЦЯ МАРТА В 1 ДЕНЬ, ВЪ ВѢТОРНИК ПО ЧИСТѢИ
НЕДѢЛИ, ПОИДЕ КНЯЗЬ МЪСТИСЛАВЪ НА ЗЯТЬ СВОИ ЯРОСЛАВА С
НОВГОРОДЦИ... И НАЕХАША НА ЯРУНА СТОРОЖИ ЗА ТЪХВЕРЬЮ
ЯРОСЛАВИ; И ПОСОБИ БОГЪ ЯРУНУ, И МНОГЫ ПОБИША, А ИНЫХЪ
ИЗМАША, А ИНИИ УБЕЖАША ВЪ ТЪХВѢРЬ. И БЫ ВѢСТЬ У ТѢХЪ НА
ЯРОСЛАВА, И ПОИДОША ПО ВОЛЗЕ, ВОЮЮЧЕ; И ПОЖЬГОША ШЕШЮ,
И ДУБНУ, И КЪСНЯТИНЬ, И ВСЕ ПОВОЛЖЬЕ.»

Новгородская первая летопись старшего извода

Одним из ключевых элементов формирования полноценного имиджа нашего города является концепт его укорененности в пространстве российской истории и в культурном ландшафте Верхней Волги. Важным средством социальной интродукции этого концепта является памятная дата, семантически связанная с ключевыми этапами исторического развития Дубны.

В последнее воскресенье июля в Дубне традиционно празднуется День города. Это праздник в честь современного города, он связан с получением институтской Дубной городского статуса 24 июля 1956 года. Основной месседж этого праздника – идея гармоничного развития науки и культуры в нашем молодом и прекрасном городе. Фонд «Наследие» ежегодно организует к этому дню выставки, рассказывающие об истории древней и современной Дубны, издает специальный выпуск историко-краеведческой газеты «Дубненское наследие». Однако в общей концепции данного праздничного дня обращение к историческому прошлому Дубны составляет далеко не самый главный семантически значимый элемент.

Поэтому мы считаем важным существование общегородского памятного дня, посвященного историческому предшественнику современного наукограда – древнерусскому городу Дубна.

День памяти древнерусской Дубны отмечается по инициативе Фонда «Наследие» в начале апреля. В 2010 году это было 7 апреля, в 2011 году – 9 апреля, суббота. Это время выбрано потому, что является единственной относительно точно известной нам датой из истории древнерусского предшественника современного наукограда. Историческая дата связана со следующими событиями, зафиксированными в древнерусских летописях.

В 1216 году произошла одна из самых крупных междоусобных войн домонгольской Руси, порожденная длительным социально-экономическим конфликтом между Новгородской и Владимиро-Суздальской землями и усобицей между самими владимиرو-суздальскими князьями, сыновьями великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо. Древнерусский город Дубна оказался практически «перемолот» в жерновах этой войны.

День памяти древнерусской Дубны. Выступление исторических реконструкторов на льду реки Дубны.

В начале XIII века Дубна входила в состав Переяславского княжества. В самом начале апреля 1216 года к Дубне по льду еще не вскрывшейся Волги подошло новгородское войско, во главе которого стоял князь Мстислав Удатный. Численность этого войска, по оценкам историков, достигала пяти тысяч человек. Противостоять столь огромной по тем временам силе дубненская крепость не смогла, она была взята штурмом и сожжена, а новгородские войска двинулись дальше, на город Кснятин. «...и поидоша по Волзе, воююще; и пожгоша Шешю, и Дубну, и Ксьнятинъ, и все Поволожье» – повествует о походе Мстислава Удатного Новгородская первая летопись старшего извода.

Календарное время взятия древнерусской Дубны определяется следующим образом. Известно, что 25 марта 1216 г. войско Мстислава было под Тверью, где состоялся бой с передовой заставой переяславского князя Ярослава Всеволодовича. А 9 апреля Мстислав с войском был уже под Ростовом, в городище на р. Саре. По расчетам скорости и маршрута пути день штурма Дубны определяется историками как 31 марта либо 1 апреля. Введя поправку на произошедший переход с юлианского на григорианский календарь, которая для XIII века составляет 7 дней, получаем, что 31 марта 1216 г. соответствует 7 апреля в современном летоисчислении.

Это трагический день в истории древнерусского предшественника нашего города. Крепость Дубна была взята штурмом и сожжена. Позднее, однако, она была отстроена заново и просуществовала до февраля 1238 г., когда вместе с остальными городами Верхней Волги была уничтожена монгольскими туменами хана Бату, внука Чингисхана.

День памяти древнерусской Дубны. Выступление исторических реконструкторов.
Фото Александра Плотникова.

Выбор именно такой даты определяется следующими соображениями. Во-первых, это единственная дата из истории древнерусского городка Дубны, которая известна нам достаточно достоверно. Во-вторых, эта дата вполне соответствует концепции данного памятного дня – дня памяти древнерусского городка, который прекратил свое существование в результате трагических событий первой половины XIII века – междоусобных войн и монголо-татарского нашествия.

Дубненский край в XIV веке

XIV столетие традиционно рассматривается отечественными историками как сложный, насыщенный политическими и военными событиями период. В это время Русь переживала состояние внутривнутриполитической раздробленности. На территории восточно-европейской равнины, от Карпат на западе до Средней Волги на востоке, а также от Беломорья на севере до Великой степи на юге, располагалось более сотни удельных русских княжеств. Многие из них входили в состав более крупных государственных образований. Факторы развития городов как центров политической, экономической и культурной жизни, формирование устойчивых экономических связей (торговля) между отдельными регионами способствовали объединению разрозненной территории, росту национального самосознания. Именно в этот период начинает отчетливо проявляться тенденция консолидации земель под эгидой одного центра. В данном контексте «пальму политического первенства» на Руси оспаривали Тверь, Москва, Новгород и Литва.

Середина – вторая половина XIV века проходили в основном под знаком политического противостояния двух великих княжеств русского Северо-востока: Московского и Тверского.

После трагической гибели в Золотой Орде великого князя Михаила Тверского, прославленного позднее в лике святых, к 1322 году единая территория Тверского княжества была поделена между его сыновьями на четыре автономных образования. Были образованы Зубцовский, Кашинский, Клинский и собственно Тверской уделы. В дальнейшем, к середине XIV века, в рамках Тверского Великого княжения продолжилось как дробление вышеуказанных, так и образование новых удельных княжеств (Микулинское, Городенское, Холмское и др.). Основной причиной «лоскутообразования» было разрастание княжеской семьи и, соответственно, деление великокняжеского домена: сыновья, будучи наследниками, получали в управление от отца часть земельных владений.

Территория современной Дубны и ее окрестностей входила в это время в состав Клинского и Кашинского уделов. Причем правобережье современного города находилось под юрисдикцией Клина, а левый берег Волги входил в территорию кашинских владений.

Впервые Клин упоминается в летописи под 1234 годом. Интересна этимология данного топонима. Большинство исследователей полагает, что это название образовано народным географическим термином «клин» – земельный надел, лесная полоса, граница. Очевидно, для применения термина имела значение форма земельного надела, участка, границы, которые должны были вклиниваться в другую территорию. Известный специалист А.М. Селищев рассматривал название как «клин у границы другой области», что подтверждал примером из летописи под 1408 годом: «и воеваша до клина Тверского рубежа». Можно говорить о клине на месте первоначального расположения города: он возник в начале XIII века как укрепление на крутом и высоком холме, с трех сторон

омываемом рекой Сестрой, т.е. холм вклинивался в излучину реки.

Детальный анализ исторических источников позволяет сделать любопытные наблюдения. В контексте общей тенденции феодального сепаратизма, единая территория Клинского удела ориентировочно в середине 1340-х годов распадается на два самостоятельных в политическом отношении образования: Североклинский и Южноклинский. Князьями Северного и Южного княжества становятся сыновья бывшего великого князя тверского Константина Михайловича – Семен и Еремей Константиновичи. По всей видимости, естественной границей между княжествами являлась река Сестра. Таким образом, территория современного Клинского района Московской области и часть Конаковского района Тверской области составляли владения Южного Клинского удела. А земли от устья реки Сестры при впадении в Дубну и далее на север, по правому берегу Волги, вплоть до Белого городка (часть Кимрского района Тверской области) относились к Северному Клинскому уделу.

С 1340-50-х годов в Тверском княжестве усиливается борьба за великокняжеский престол. Основная причина – дальнейший распад территории великого княжения в результате образования новых уделов. Удельные князья Тверского княжеского дома Холмские и Кашинские ведут усобицы, что приводит к их фактически полной независимости от Твери.

В 1365 году внезапно умирает князь Семен Константинович. Североклинское княжество остается без «хозяина». Ситуацией мгновенно воспользовался князь Микулинский, который де-факто включил североклинские владения в орбиту своего влияния. Необходимо отметить, что именно в этом году борьба за обладание великокняжеской территорией в системе тверских уделов завершилась полной победой Михаила Александровича Микулинского. Михаил Александрович сумел сосредоточить в своих руках власть над собственно тверскими землями, Зубцовским и Микулинским удельными княжествами и, как уже отмечалось, над половиной Клинского удела, став Великим князем Тверским. Однако на «выморочную» территорию стали претендовать Василий Кашинский и брат умершего Симеона Еремей Константинович. Так Североклинское княжество, в составе которого был Дубненский край, стало своеобразным яблоком раздора тверского княжеского дома и предопределило дальнейшее развитие событий.

Любопытно, что начавшееся «нелюбие» тверских князей Михаила Александровича с одной стороны и Василия Кашинского и Еремея Константиновича Клинского с другой из-за второй половины Клинского удела князя Семена вскоре переросло в затяжной военный конфликт, в который оказались втянуты все князья Северо-восточной Руси, князь Смоленский, Литва и Золотая Орда. Московский великий князь Дмитрий Иванович (будущий Донской) вмешался в тверские дела, поддерживая удельных князей. Тверской князь Михаил обратился за помощью к литовскому князю Ольгерду, с которым состоял в родственных отношениях. Пока Михаил находился в Литве, удельный князь Василий Кашинский с сыном Михаилом, племянником Еремеем Полуклинским (характерное прозвище указано в летописи) и московской ратью пошли на Тверь. Попытка штурма и взятия города не удалась. Жители в упорной борьбе сумели отстоять столицу. В свою очередь, вернувшийся из Литвы Михаил, собрав войско, совершил поход на Кашин. Василий Кашинский запросил мира, а Еремей уехал в Москву к Дмитрию Ивановичу с жалобами на Михаила. В связи с этим великий князь москов-

ский Дмитрий, митрополит Алексей и бояре вызывают Михаила Александровича тверского в Москву на суд. Приехавший Михаил не проявил сговорчивости и был арестован. Однако вмешательство Орды, заинтересованной в сохранении политического противовеса все более усиливающейся Москве, заставило будущего героя Куликовской битвы отпустить тверского князя, который сразу уезжает в Литву.

Неизбежность столкновения Литвы и Москвы становится очевидной. В 1368 году Ольгерд во главе литовских, тверских и смоленских полков разбивает московское войско на реке Тростне. Примечательно, что из Москвы возвращается в Тверь Еремей Полуклинский, который с этого момента перестает действовать против тверского Великого князя Михаила Александровича. В 1370 и 1372 годах союзник Твери литовский князь Ольгерд совершает новые походы на Москву.

Конец 1360-х – начало 70-х годов было ознаменовано фактически последним усилением политической роли и значения Твери на Руси. Данный период характеризуется активной военной политикой Тверского княжества, стремлением подавить сепаратизм удельных князей в собственных владениях, попытками расширения сферы влияния на соседние регионы. Так, в 1372 году Михаил Тверской «повоевал» Торжок, Бежецк, Мологу, Угличе Поле и посадил в этих городах своих наместников. В этом же году Михаил «взял окуп» с Кисмы, Дмитрова, Переяславля, Кашина. Кашинского князя Михаила Васильевича тверской князь «приневолил свою волю и крестным целованием утвердил».

Вот так Тверь вышла из конфликта за северные земли Клинского княжества победителем и сумела, хоть и ненадолго, усилить свои позиции на Руси.

Кроме того, необходимо отметить еще один интересный момент. Анализ событий наводит на мысль, что известный ныне поселок Кимрского района Белый Городок являлся столицей Североклинского удельного княжества.

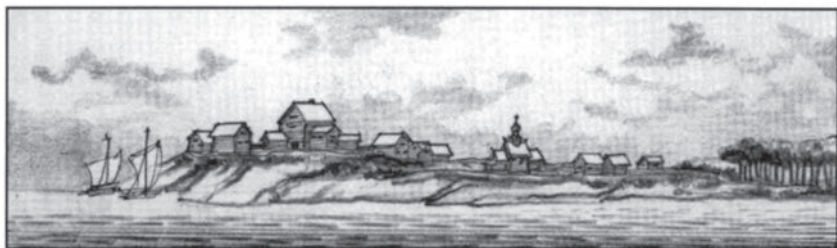
Эту гипотезу подтверждают материалы исторической географии. Из всех сколько-нибудь значимых поселений в границах северной части Клинского удела XIV века можно назвать только Белый Городок.

Косвенным доказательством гипотезы может служить следующий факт. В 1375 году практически все князья Северо-восточной Руси вместе с удельным кашинским князем выступают в военном походе против Твери. По свидетельству летописи, во время похода было разорено поселение Белый Городок. Выступление кашинского князя на стороне Дмитрия Ивановича Московского означает только одно – Белый Городок не входил в состав кашинских владений, а, скорее всего, являлся стратегическим форпостом сначала североклинских, а затем (с присоединением части Клинского удела к тверской территории) и собственно тверских земель.

Следовательно, Белый Городок вполне мог выполнять функции столичного города небольшого княжества. Ввиду своего статуса он и подвергся нападению объединенной княжеской рати.

История сложилась таким образом, что спор за крошечную территорию Североклинского княжества, на которой в будущем возник современный город Дубна, стал катализатором средневековых процессов общенационального и международного масштаба. Так, на первый взгляд «местечковые» события, связанные с родным краем, могут определить дальнейший ход российской истории.

«Дубенское мыто»: XV-XVI вв.

Предполагаемый облик Дубенского мыта. Художник Александр Биркле

Сопоставление данных археологических и других исторических источников позволяет сделать вывод, что поселение на мысу при впадении Дубны в Волгу, на месте разрушенного древнерусского города, продолжило свое существование в последующие века. Здесь располагался таможенный пост, известный как «Дубенское мыто». Его возникновение и существование связано как с ландшафтно-географическими условиями региона, так и с природно-климатическими особенностями соответствующего периода времени.

На рубеже XIV-XV веков на территории Восточно-Европейской равнины происходит резкое изменение природно-климатических условий, вследствие которого значительно повышается уровень воды больших и малых рек, в частности Волги и ее притоков. Это, безусловно, имело огромное значение для формирования и развития водных и торговых коммуникаций в Северо-восточной Руси и, как следствие, служило предпосылкой для активизации хозяйственной жизни и налаживания экономических связей между отдельными регионами. В свою очередь, экономические региональные контакты требовали организации соответствующей торговой инфраструктуры на водных путях.

С начала XV столетия в Волго-Окском регионе резко возрастает экономическая и политическая роль города Дмитрова. Он являлся столицей самостоятельного удельного Дмитровского княжества, входившего в состав Великого княжества Московского. В 1363 г. Дмитров был присоединен к Москве в качестве особой политической территориальной единицы, хотя впоследствии еще несколько раз вновь становился самостоятельным удельным княжеством.

От Дмитрова начинался судовой ход по реке Яхроме до ее впадения в реку Сестру и далее по Сестре в реку Дубну и Дубной в Волгу. Взаимное слияние трех малых рек – Яхромы, Сестры и Дубны – обусловило положение Дмитрова, который был соединен с Волгой непрерывной водной дорогой и являлся ближайшей московской пристанью на верхнем течении Волги, что во многом способствовало усилению его экономической роли и превращению в достаточно крупный региональный центр торговли.

Монеты, найденные на месте Дубенского мыта (Даченков И.Б., Крымов Е.Ю., 1998. С. 87): 1. – медное пуло Московского княжества; 2. – медное пуло удельного Кашинского княжества; 3. – медное пуло Тверского княжества; 4. – серебряная денга Тверского князя Бориса Александровича

От устья реки Дубны водный путь шел в обе стороны по Волге. Налево можно было подняться к Твери. Другой путь в этом направлении шел на Устюжну, Тихвин до Ладожского озера и Орешка, в обход Новгорода до побережья Балтийского моря. Направо от дубненского устья по Волге можно было достичь устья рек Мологи и Шексны, откуда начинались большие водные дороги в глубь новгородских владений, направляющиеся к Устюжне Железнопольской и Белоозеру, и далее на Двину и Холмогоры; либо попасть после продолжительного путешествия в Каспийское море.

«Такое удобное расположение рек представляет большие выгоды купцам, которые без большого труда ввозят товары из Каспийского моря по Волге в различные страны и даже в самую Москву», – писал иноземец Герберштейн.

По всему этому водному пути выстроился ряд городов, сел и монастырей. Водная дорога была отмечена рядом таможенных застав – «мытов», где собирались пошлины с провозимых товаров. Мыты были устроены в Дмитрове, на устье реки Дубны, в Кашине, Снятыне, Угличе, на устьях рек Мологи и Шексны.

Следует отметить, что водный ход, связующий Дмитров и Волгу, до конца XV века находился одновременно в составе владений Дмитровского удельного и Великого Тверского княжеств. Суда, шедшие от Дмитрова по реке Яхроме и далее до слияния Сестры с Дубной, находились под юрисдикцией дмитровских князей, а от устья Сестры по Дубне и само устье реки Дубны при ее впадении в Волгу – в зоне тверских владений.

Со второй половины XV века Дмитров ведет оживленную торговлю с Севером. Активно торгуют монастыри: Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Калязинский, Пешношский, Борисоглебский, Медведева пустынь, Андрониковский, Покровский. Монастыри Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский добиваются у дмитровских и тверских князей освобождения от таможенных пошлин. Кириллов монастырь посылает по водному ходу суда с рыбой и солью, а в обратный путь нагружает их рожью. Троице-Сергиев монастырь торгует с Белоозером, Двиной, Холмогорами, Вологдой. Так, при дмитровском князе Юрии Васильевиче (1462-1472) монастырь пользовался беспошлинным проездом трехсот возов через Дмитровское княжество в Новгородскую область и обратно. Товары из Дмитрова и в Дмитров, в связи с узким фарватером водного хода, особенно по Яхроме, приходили летом на судах неглубокой осадки. Более значительные суда перегружались в устье Дубны или у села Рогачево (при впадении реки Яхромы в Сестру).

Грамота конца XV века предусматривала случай: «...А заслянет их судно монастырское усть Дубны, и они выкладываются из того судна в три павозки». Иными словами, провозимый товар из одного большого судна на устье реки Дубны перегружали в три мелкосидящих. Суда, ходившие по водному ходу, носили различные названия: паузки, павозки, лодки «с набои» и челны. Самая маленькая пошлина шла с челна – судна незначительной вместимости. Больше брали с лодки «с набои». Этот термин обозначал лодку с подставленными к бортам досками. Значительнее по объему были паузки или павозки - с них брали пошлину с каждой донной доски («колко будет в паузке досок»). Лодка «с набои» вмещала в себя от 3 до 5 человек либо около 100 четвертей ржи или 30 пудов соли.

В Дмитров от устья Дубны приходили в основном мелкие суда – суда не-большой осадки. Там они разгружались на вozy, и уже сухопутным путем приве-

зенные по воде товары доставлялись в Москву. Крупные суда шли от устья Дубны до села Рогачево, близ которого находился Николо-Пешношский монастырь. Здесь сложился ближайший к нашей местности оживленный торговый центр; другой впоследствии сформировался к середине XVI века в Кимрах.

Как отмечает М.Н. Тихомиров, «на торги в Дмитрове, Рогачеве и Кимрах съезжались крестьяне из царских, монастырских и частновладельческих сел и деревень, находившихся поблизости, и даже из Переяславля». В Рогачево бывали и торговали «сведенцы смоленские, паны московские».

Среди наиболее распространенных товаров, провозимых по водному ходу на торги, в письменных источниках чаще всего упоминаются соль, рыба, хлеб. Но кроме того, среди товаров встречаются медь, свинец, олово, икра и мед. Таможенные грамоты для торговых людей из Дмитрова и Московской земли устанавливали более льготные условия по сравнению с «иноземцами» – новгородцами, псковичами и другими.

«А кто приедет, из всех городов и из волостей московской земли и новгородца, и псковитянина, и тверина, и казанца, и рязанца и иноземец всякой, в повозке к г. Дмитрову и сколько будет в повозке во дне досок и наместнику с доски данные по алтыну..., а придет иногородец в лодке и будет лодка с набои, и наместнику имати с лодки по алтыну, а кто придет в Дмитров торговати из всех городов из волостей Московской земли, и таможенникам у них имати с рубля по три деньги», – сообщается в одной из грамот.

Со второй половины XVI столетия водный ход от устья реки Дубны по Сестре и Яхроме до Дмитрова постепенно тишеет и пустеет. Это было связано с тем, что именно с середины XVI века был проложен новый прямой путь от Москвы к Белому морю. Торговля с Западной Европой, прежде всего с Англией, идет уже через новый российский северный порт – Архангельск. Падает значение старых торговых центров на северо-западе Руси: Пскова и Великого Новгорода. Вместо далекого водного пути на Белоозеро товары с большой скоростью идут по дороге от Вологды на Москву.

Окончательно старый водный ход теряет свое бывшее значение в XVII веке. Однако и в этот период Дмитров продолжает вести торговлю с Белоозером и Устюжной – через Дмитров идут поставки свежей рыбы для царского стола. В Дмитрове создаются особые рыбные пруды и специальный рыбный двор, а естественная водная артерия Дубна – Сестра – Яхрома используется в качестве своеобразного водного рукава, в который направляется, загоняется волжская рыба. В связи с доставкой рыбы к царскому двору Дмитров переходит в дворцовое ведомство в последней трети XVII века.

Примечательно, что водный ход по малым рекам от Дмитрова к Волге, через устье Дубны, использовался с середины XV века и как транспортная коммуникация. Водной дорогой по случаю пользовались представители правящего княжеского и царского дома. Письменные источники донесли до нас несколько подобных фактов.

Летописный сборник, известный под именем «Тверской летописи», повествует, что 7 июля 1445 г. произошла битва между русскими и золотоордынскими войсками, в которой русские потерпели жестокое поражение, а великий князь Василий II Московский попал в плен. После этого «в том же месяце в четырнадцатый день <...> погорел город Москва, Кремль весь, и камень развалился; а

княгиня великая София поехала в Тверь, князь же Дмитрий Юрьевич Шемяка от Дубны великую княгиню Софию вернул в Москву».

В этом месте летописи речь идет о событиях, связанных с попыткой отъезда великой княгини Софьи Витовтовны, матери Василия II, который после выкупа из татарского плена в ноябре того же года был захвачен и ослеплен князем Дмитрием Шемякой.

Существует мнение, что упоминание Дубны в этом тексте свидетельствует лишь о том, что Шемяка перехватил Софию Витовтовну в каком-то неустановленном месте по реке Дубне. Однако, если мы разберем маршрут великой княгини, опираясь на Вологодско-Пермскую летопись, то увидим, что непосредственно после московского пожара «и княгини великая Софья и великая княгини Марья з детьми и з бояре своими идоша ко граду Ростову» (л. 339). Получается, что Софья Витовтовна выехала в Тверь уже из Ростова (именно так ее маршрут реконструирует А.А. Зимин) – в этом случае самая прямая дорога, постоянно использовавшаяся с древнерусского времени, выводила ее от Ростова на Волгу при устье Нерли, а далее шла вдоль Волги и пересекала Дубну как раз у ее устья, там, где располагалось Дубенское мыто.

В таком случае представляется более чем вероятным, что Шемяка перехватил Софию именно на переправе через реку, находившуюся непосредственно на окраине Дубенского мыта. Вероятнее всего, что Шемяка не сам «ловил» Софию – это делали его подручные. Становятся ясными и пути этого «перехвата» – вероятно, пока Софья двигалась по Волге на Тверь от Ростова, отправленные Шемякой люди прошли северным московским торговым ходом, вышли к устью реки Дубны, где и поджидали великую княгиню Софию Витовтовну, зная, что этого места по дороге на Тверь она в любом случае не минует. После пленения княгини у подручных Шемяки, очевидно, было два варианта поспешить обратно в Москву: воспользоваться речной дорогой по рекам Дубне – Сестре – Яхроме, либо отправиться «посуху» обозом.

Устье Дубны еще раз упоминается в летописных свидетельствах об истории середины XV века. Через шесть лет после упомянутых событий, во время очередного похода на Москву ордынского войска, в июне 1451 г. осадившего столицу, великий князь Василий II покинул город вместе со своим старшим сыном Иваном. После внезапного отступления ордынцев, как повествует Вологодско-Пермская летопись, «великая же княгини Софья часа того послала по сыну своего великого князя Василья, поне же бо в тои же пятак, восходящу солнцу, перевезла сы за Волгу на усть Дубны. Слышав же то, князь велики прежде восплакася и благодарящее Господа Бога и Пречитую Его Матерь и всех Святых Его, и часа того возвратися к Москве» (л. 359об. – 360. Слово «пятак» означает пятницу).

А.А. Зимин полагает, что в данном случае летопись сообщает о возвращении князя через Волгу к устью Дубны (Зимин, 1991). В таком случае, речь в данном тексте идет о переправе Василия, находившегося в тот момент на левом берегу Волгу, к устью Дубны – непосредственно на располагавшееся там Дубенское мыто. Маршрут этой переправы уверенно определяется – известно, что к западу от устья Дубны длительное время существовала устойчивая переправа через Волгу, известная во второй половине XIX – первой половине XX века как «переправа Мамонтова».

То, насколько быстро сообщения из Москвы достигали устья Дубны, говорит

о прекрасно налаженной почтовой связи по северному московскому торговому ходу.

Есть и другие свидетельства использования «северной» водной дороги Яхрома – Сестра – Дубна – Волга. Та же Вологодско-Пермская летопись под 1480 годом сообщает, что во время нашествия хана Ахмата, Великая княгиня Софья Фоминишна, жена Великого Московского князя Ивана III, племянница последнего византийского императора Константина, «по выходе» из Москвы «поиде з детьми своими и со всеми людьми къ Дмитрову и оттоле въ судех к Белоозеру» (л. 438). Этот путь однозначно пролегал через устье Дубны.

Известно, что исполняя обет, данный во время болезни, Иван IV Васильевич Грозный отправился на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь, воспользовавшись дорогой через Дмитров как наиболее удобной. Его путь лежал по рекам Яхроме и Сестре в Дубну, оттуда в Волгу, затем Шексною вверх к Белоозеру. Во время этой поездки умер его сын Дмитрий.

Наконец, событие времен новой российской истории. В 1701 году царь Петр I Алексеевич для обозрения хода на судах из Волги в Москву проехал по рекам Дубне, Сестре и Яхроме. Этому предшествовал именной указ 1700 года о подготовке к проезду царя по рекам Тверце, Волге, Дубне, Сестре и Яхроме.

Рассмотрим имеющуюся информацию о Дубенском мыте. В Толковом словаре русского языка В.И. Даля слово «мыто» как архаизм употребляется в двух смысловых значениях: оно означает и таможду – как государственное учреждение (таможенный пост), и пошлину, собираемую с торговых людей.

«Мыто» или «мыть» в значении пошлины бралось с определенного количества товара. «Мыто» в значении таможенного учреждения выполняло функции государственного органа (в рамках конкретного княжества) и, как следствие, находилось под юрисдикцией и контролем государства в лице его верховного правителя – князя.

Как известно, доходы князя состояли из дани, судебных и торговых пошлин, разного рода повинностей населения княжества. Для сбора пошлин и даней назначались особые чиновники – так называемые мытчики или мытники. Служебные обязанности мытчиков регламентировались княжескими грамотами – публично-правовыми актами. Князья в своих грамотах обращаются к мытникам и называют их «своими», т.е. княжескими. Это указывает на тот факт, что пошлинники назначались самим князем и зависели только от него, а не от каких-либо местных правителей.

Мыто на устье Дубны в XV веке являлось ключевым форпостом Тверского княжества, выполняя роль своеобразных «торговых ворот» у начала водного хода от Волги до Дмитрова, через систему малых рек, и пограничного сторожевого пункта на границе тверских и московских земель. На существование таможенного поста на устье Дубны указывает достаточно большое количество дошедших до нас письменных источников. Это актывые материалы – жалованные, указные грамоты и грамоты с прочетом тверских, московских и дмитровских князей.

Количество письменных источников по тематике Дубенского мыта в настоящий момент насчитывает 10 исторических документов. Самым ранним документом, датированным периодом 1461-1466 годов, является Жалованная грамота Великого Тверского князя Михаила Борисовича (1461-1485) игумену Троице-

Сергиева монастыря Вассиану на беспошлинный провоз соли через Тверское княжество по Волге. В тексте грамоты сказано: «...и вы б, мои мытники дубенские и кашинские, и скнятинские... с тех судов по сей моей грамоте великого князя, мыта и всех пошлин не имали...».

Прямое указание на Дубенское мыто и «дубенских мытников» мы встречаем также в Жалованных грамотах князя митрополиту Геронтию на беспошлинный проезд через Тверское княжество для митрополичьего купца, относящихся ко времени 1473-1485 годов.

В 1485 году Тверское княжество входит в состав территории Московского государства и теряет свою независимость. В связи с этим дубненский таможенный пост переходит под юрисдикцию сначала Московского великого князя Ивана III, а затем находится во владении Дмитровского удельного княжества, выделенного в 1504 году Иваном III своему сыну Юрию Ивановичу, ставшему Дмитровским удельным князем. Это подтверждается грамотами вышеназванных князей конца XV – начала XVI века, в которых фигурирует мыто на устье Дубны. Назовем некоторые из них. Это грамота с прочетом 1496 года великого князя Ивана Васильевича мытникам в Луковесь, на устье Шексны, Мологи, Дубны, в Углич, Кашин, Дмитров о беспошлинном пропуске товаров с Шексны к Москве и обратно. А также грамота 1504 года Дмитровского князя Юрия Ивановича, в которой сообщается следующее: «От князя Юрья Ивановича мытникам моим кашинским и дмитровским, и на устье Дубны, и на устье Кашина...»

Все это позволяет сделать основательный вывод о том, что в течение второй половины XV в. – первой половины XVI в. на устье реки Дубны функционировал таможенный пост.

Возникновение Дубенского мыта относится к середине XV века. По всей видимости, это конец 50-х – начало 60-х годов XV столетия, поскольку самые ранние письменные свидетельства, собранные в документальном массиве по Дубенскому мыту, относятся, как уже было сказано, только к началу 1460-х годов. Однако есть и другая версия: вполне вероятно более раннее появление «дубенской» таможни, в первой половине XV столетия. Косвенно на это указывает время возникновения села Рогачева, хорошо известного и поныне в качестве населенного пункта Дмитровского района Московской области.

Первое упоминание Рогачева относится к 1428 году, когда дмитровский удельный князь Пётр Дмитриевич подарил село Николо-Пешношскому монастырю. Известно, что Рогачево в силу своей географии (точнее, гидрографии) также было одним из ключевых пунктов северного московского торгового хода, поскольку располагалось на стрелке рек Сестры и Яхромы. Как свидетельствуют источники, село Рогачево было последним рубежом, куда по реке Яхроме могли подняться тяжёлые грузовые суда – в нём находился перевалочный пункт, где товары перегружали на более лёгкие суда и везли выше по реке в Дмитров.

Причины возникновения таможенного поста на дубненском устье, на том месте, где в древнерусское время располагался город Дубна, достаточно очевидны.

1. Основная причина – экономическая: интенсивное развитие торгово-экономических связей на Верхневолжье и в Поволжье между различными русскими княжествами и, как следствие, образование новых торговых, экономических центров и формирование естественных транспортных коммуникаций – так называемых «водных ходов» по большим и малым рекам, которые объединили

эти центры в единую взаимосвязанную торговую систему. Поскольку развитие торговли и формирование транспортных, торговых коммуникаций происходило в условиях политической раздробленности Руси, то новые экономические центры располагались, а водные торговые пути проходили по территории разных, политически независимых княжеств. В рамках сложившейся торговой системы в Поволжье, в каждом государственном образовании была организована соответствующая таможенная инфраструктура. На ключевых местах, в основном на устьях малых рек при их впадении в Волгу, строились «мыта» – военизированные посты, таможенные заставы, которые выполняли контрольно-фискальные и военно-охранительные функции.

Применительно к истории Дубненского края вышеназванные процессы были связаны с возросшей с середины XV века ролью Дмитрова, являвшегося, как уже отмечалось, ближайшей московской торговой пристанью на водной магистрали Волга – Дубна – Сестра – Яхрома.

2. Безусловно, нельзя не учитывать и военно-политический, военно-стратегический фактор. Устье реки Дубны – как ядро территории Дубненского края – в рассматриваемый период принадлежало Тверскому княжеству и по своему месторасположению имело важное экономико-географическое и военно-стратегическое положение. В связи с активно проводимой Москвой политикой расширения собственного княжеского домена и присоединения к нему новых земель (особенно во второй половине XV века), в целях «национальной безопасности», тверские князья на границе своих владений с московским княжеством ставят мыто на дубненском устье в качестве сторожевого поста.

Таким образом, на месте, где в домонгольское время находился древнерусский город Дубна, в середине XV столетия, в рамках небольшого сельского поселения, появившегося, в свою очередь, предположительно на рубеже XIV-XV вв. и условно называемого Усть-Дубна, было образовано «мыто», выполняющее от имени тверского великого князя контрольно-фискальные функции по сбору таможенных пошлин с проходящих по водному ходу торговых судов.

Анализ обнаруженных письменных источников позволяет утверждать, что таможенный пост на устье реки Дубны существовал на протяжении приблизительно столетия (с середины XV до середины XVI века). На разных этапах своего исторического бытия он входил в состав различных политических, государственных образований и вследствие своей политико-административной принадлежности находился под юрисдикцией их правителей.

Основные этапы существования Дубненского мыта можно представить следующим образом:

1 этап. Середина (возможно первая половина) XV века – 1485 год. В составе Великого княжества Тверского. Грамоты последнего Великого Тверского князя Михаила Борисовича (период правления 1461-1485).

2 этап. 1485-1504 года. В составе Великого Московского княжества. Грамоты Великого Московского князя Ивана III Васильевича (период правления 1462-1505).

3 этап. 1504-1533 года. В составе Дмитровского удельного княжества. Грамоты Дмитровского удельного князя Юрия Ивановича (период правления 1504-1533).

После трагической гибели сына московского Великого князя Ивана III удель-

ного Дмитровского князя Юрия в 1533 году, инспирированной, как полагает большинство отечественных историков, матерью Ивана Грозного Еленой Глинской, происходит ликвидация одного из последних, в какой-то степени марионеточных, оплотов удельного сепаратизма – Дмитровского княжества, территория которого крошечным пятнышком вливается в лоно обширного Московского государства. С окончательной политической централизацией и образованием единого государства отпадает необходимость и в таможенных постах бывших княжеств. Мыто на дубненском устье естественным образом исчезает, скорее всего, именно в этот период.

Необходимо отметить, что вплоть до настоящего времени археологические материалы по Дубенскому мыту чрезвычайно ограничены. Большинство находок носит случайный характер, что, несомненно, снижает полноту и достоверность информации по этому памятнику. В собрании Музея археологии и краеведения г.Дубны находится несколько средневековых серебряных и медных монет, так называемых «чешуек», отчеканенных в Московском Великом княжестве в правление Ивана III Васильевича (1462-1505), и медных пул Великого Тверского и удельного Кашинского княжеств второй половины XV столетия. Все эти монеты были найдены на стрелке реки Дубны, на территории расположения остатков древнерусского города Дубна.

Согласно Кашинской писцовой книге 1628-1629 гг., в селе Городище, возникшем к XVII в. на месте Дубенского мыта, располагалась деревянная церковь во имя Николы Чудотворца, «а в церкви оброзы и книги и всякое церковное строение вотчинниково». Вполне вероятно, что эта церковь была построена раньше – еще во время функционирования Дубенского мыта в XVI столетии, а может быть даже в XV в.

По материалам Тверской епархии известно, что в начале XIX в. жители села Городище разобрали за ветхостью деревянную церковь Святого Ильи Пророка. Когда была построена церковь – неизвестно, но указывалось, что храм был очень старым и ветхим, стоял здесь с давних времен. Кстати, два придела нынешней церкви в Ратино – храма Пресвятой Похвалы Богородицы – носят название Святых Николая Чудотворца и Ильи Пророка. Согласно традиции Русской Православной Церкви, если при строительстве нового храма на его месте, либо поблизости от него ранее стояла церковь, то, как правило, один из приделов нового храма назывался в память о ней. Тем самым сохранялась своего рода историческая преемственность в православной архитектуре.

Церковь Святого Ильи Пророка была построена, скорее всего, не позднее середины XVII века. Очевидно, что ее название и время строительства были связаны с именем Ильи Осиповича Грязного (Грязнова) – первого владельца вотчины в селе Городище на дубненском устье. Возможно, что она сменила стоявшую в селе церковь Николы Чудотворца – вполне вероятно, так же разобранный в связи с ветхостью последней. Либо оба храма сосуществовали некоторое время одновременно.

Точная историческая реконструкция Дубенского мыта весьма проблематична, ввиду отсутствия каких-либо его описаний в известных нам актовых источниках. Археологические материалы на настоящем этапе исследований также пока не позволяют реконструировать особенности планиграфии и архитектуры данного поселения.

Судя по расположению находок, часть строений Дубенского мыта находилась непосредственно на стрелке Дубны, на месте разрушенного древнерусского города. Другая часть могла располагаться дальше от берега, там, где впоследствии размещалось село Городище, а в настоящее время находятся строения улицы Ратмино города Дубны.

Исходя из общих соображений, можно предположить, что в составе архитектурного комплекса поселения, компактного по размерам своей территории, находилось несколько административных и жилых деревянных сооружений, в которых жили и работали «дубенские мытники»; располагались различные хозяйственные постройки. Безусловно, как непреложный атрибут речной таможни существовала пристань, состоящая из различных деревянных помостов на сваях и настилов на берегу, к которой должны были приставать торговые суда для освидетельствования провозимых товаров и прохождения «таможенной процедуры», а также, как уже отмечалось выше, где происходила перегрузка товаров из больших кораблей в более мелкие речные суда. Доминирующей архитектурной вертикалью поселения была деревянная бревенчатая церковь – вероятно, во имя Николы Чудотворца.

С конца XV века вплоть до конца XVIII века район устья Дубны входил в состав Дубенского стана Кашинского уезда. Об этом убедительно свидетельствуют актовые материалы начала XVI столетия. Административным центром Дубенского стана на раннем этапе, вполне вероятно, могло быть поселение на устье Дубны – Дубенское мыто. Это предположение основывается на следующих доводах.

Во-первых, название стана – «Дубенский» – вполне определенно указывает на происхождение этого топонима – его очевидную связь с рекой Дубной, на устье которой находилось учреждение государственного значения – таможенный пост – мыто.

Во-вторых, на территории Дубенского стана в позднеудельный период, как показывает анализ письменных источников и данные археологических исследований, среди немногочисленных поселений не было населенных пунктов, равных по своему статусу и значению мыту на устье реки Дубны.

В-третьих, сам тип поселения – «мыто» – указывает на проживание в нем по сути чиновников, отправляющих публичные государственные функции от имени Великого князя Тверского. Закономерно, что чиновники-таможенники, чиновники-пограничники и чиновники, управляющие (контролирующие) местной территорией, могли находиться компактно в рамках одного населенного пункта.

В-четвертых, необходим учет местной административной традиции. Передача своеобразной «административной эстафеты» спустя два столетия от древнерусского города Дубна, явного по своим функциям и значению (пограничный сторожевой пункт, таможенная застава, материалы по сфрагистике и др.), к Дубенскому мыту – таможенному и пограничному пункту Тверского Великого князя.

Напомним, что система так называемых кормлений сложилась еще в московскую великокняжескую эпоху. Будучи наместником Великого князя на подвластной ему территории, кормленщик от имени верховного правителя осуществлял высшие административные, судебные, военные и фискальные функции, собирал так называемый «кормленнический доход» с местной округи, поступавший в княжескую казну, а также сам «кормился» за счет населения волости или стана.

Система кормлений как система организации власти и управления на местах сложилась в централизованном российском государстве на рубеже XV-XVI веков и просуществовала до своей отмены при Иване IV Грозном в 1556 году.

Однако ответа на прямой вопрос: являлось ли Дубенское мыто одновременно резиденцией кормленщика-управителя Дубенского стана – на текущий момент, учитывая степень проработанности источниковедческой базы исследования, не существует.

После завершения функционирования Дубенского мыта, непосредственно место расположения остатков древнерусского города Дубны, судя по всему, больше не использовалось для поселения. Основные строения села Городище и дворянской усадьбы в устье Дубны располагаются несколько выше, в некотором отдалении от берега Волги. Вероятно, это связано с изменением гидрологического режима и усилением затопления прибрежной части террасы в период весенних паводков. Свидетельством этих затоплений является мощный наносной слой, сформировавшийся на берегу Волги поверх древнерусского культурного слоя.

Дубненский край в XVII веке: о чем рассказали писцовые книги

Еще относительно недавно XVII век представлял собой «белое пятно» в изучении истории Дубны и ее окрестностей. Основная причина этого – отсутствие в научном обороте исторических источников, которые могли сообщить необходимые сведения о жизни наших предков более трех столетий назад.

Ситуация изменилась после введения в научный оборот писцовых книг (Покудин, 2006; Даченков, 2006). Будучи важнейшим источником по социально-экономической истории России с конца XV по начало XVIII вв., писцовые книги содержат довольно подробную информацию о населенных пунктах и их названиях, хозяйственной деятельности и численности населения, основных промыслах и угодьях, категориях землевладельцев и др. Комплексный анализ этих статистических сведений позволяет разносторонне реконструировать жизнь наших предков.

Писцы являлись представителями государственной администрации, которые производили земельное описание отдельных регионов с фискальными целями. Обычно переписчиков было двое – дворянин и дьяк (или подьячий). Результатом их деятельности были так называемые писцовые, переписные, межевые и дозорные книги. Ведомством, в задачи которого входила организация и координация сошного письма в масштабе страны, был Поместный приказ. Именно он периодически, по мере необходимости обновления сведений о том или ином регионе, командировал писцов по волостям и станам страны, давая им своеобразные «наказы» о том, по каким «параметрам» проводить перепись, как правильно составлять писцовые книги.

Работа писцов проходила в тесном взаимодействии с местной администрацией (сначала кормленщиками, затем губными и земскими старостами, далее воеводами, появившимися в XVII веке). В компетенцию последних входила сдача различных угодий на оброк, выдача на них соответствующих документов, контроль за движением собственности, возникновением новых торгов и промыслов, и, как следствие, привлечение к обложению новых местных источников благосостояния.

Таким образом, под сошным письмом понимается перепись населения с целью обложения его налогами с одновременным выявлением прав собственности на землю и различные угодья на территории конкретного региона. Писцы, своего рода налоговые инспекторы в современном понимании, занимались оценкой налогооблагаемой базы для того, чтобы в дальнейшем определить объем отчислений в государственную казну.

Время появления сошного письма установить затруднительно. Ряд исследователей (например, Веселовский) связывает его появление с переписями населения, которые проводили в XIII веке монголо-татары для сбора дани с покоренных русских земель.

Известно, что в конце XV века сошное письмо уже сформировалось. Основ-

Землевладельцы Дубненского края и его окрестностей по состоянию на конец 1620-х годов

ной фискальной единицей в образовавшемся Русском государстве являлась соха («соха» была первой единицей обложения, затем с 1861 г. был «двор», а с 1718 года «душа» мужского пола). Термин «соха» появился еще в период феодальной раздробленности.

Соха – орудие обработки почвы и приводившая его в действие рабочая сила (человек и лошадь) стали так называемой окладной единицей. В XV - первой половине XVI века сохой стал называться «податный» округ определенной «экономической силы», который был принят за норму окладной единицы. До середины XVI века соха не имела определенного поземельного выражения. Сохи могли быть неравными, поскольку в разных районах существовали различные нормы для определения сох. Так, например, в Новгородской земле сохой считалось хозяйство, в котором пашут на трех лошадях.

В середине XVI века соха приобрела четкое земельное выражение. Земельные угодья в Русском государстве измерялись четвертями. Примечательно, что свое название эта мера поверхности получила от четверти – меры сыпучих тел. На четверть земли высевалось такое количество семян, которое вмещалось в четверть – меру сыпучих тел. Две четверти составляли десятину. В переводе на современную метрическую систему размер четверти, в зависимости от ее типа – казенная или частновладельческая – был соответственно равен около 2600 или 3500 кв.м.

В Кашинском уезде писцовые описания проходили регулярно. Как полагает ряд исследователей, первые кашинские писцовые книги были составлены в 1492 году, практически сразу после присоединения территории Великого княжества Тверского к Москве. К сожалению, эти писцовые книги, равно как и земельные описания XVI века, нам не известны. Пока для взора исследователей доступен лишь XVII век, насыщенный «писцовыми кампаниями». Самой значительной как по содержанию материала, так и по охвату территории уезда была перепись 1628-1629 годов, которая проводилась писцом Поместного приказа Петром Бестужевым. За два года им была проведена перепись и составлены писцовые книги по каждому стану Кашинского уезда.

Писцовые книги 1628-29 гг. были введены в научный оборот в 2006 г. До этого архивных исследований по ним проводилось крайне мало, последняя запись в листе пользования датирована 1938 годом.

Необходимо уточнить некоторые используемые термины. В конце XV в., с фактическим присоединением земель бывших самостоятельных княжеств (Ярославль, Ростов, Новгород, Тверь и др.) к московским владениям, в рамках образовавшегося единого централизованного государства проводится административно-территориальная реформа. Она преследует простую цель – упорядочить управление на обширной территории. Известно, что вся территория страны была поделена на 117 уездов, которые в свою очередь делились на более чем 1000 волостей и станов (Любавский М.К., 2000). Бывшие столицы удельных княжеств в составе великих княжеств, как правило, становились уездами. Этот процесс не стал исключением и для Великого княжества Тверского, утратившего свою независимость в 1486 году с присоединением к Москве. Бывшие в его составе удельные центры Старица, Зубцов, Клин и Кашин превратились в уездные города. Тридцать центральных уездов образовали основную, центральную область Московского государства, получившую название Замосковского (находящегося за Москвой) края. Данный регион в географическом отношении представлял единое целое, «обособляясь от окраинных областей большими лесами», о чем еще писал знаменитый немецкий дипломат Герберштейн, посетивший в то время Россию.

Определимся с историко-географической терминологией позднего русского средневековья. Под уездом в период XV – начала XVIII вв. понимался город с близлежащей округой. В административно-территориальном отношении уезд делился на станы и волости. Станом назывался округ, который непосредственно относился к уездному городу и управлялся из него. Волость представляла собой административно-территориальную единицу, которая была в определенном смысле автономной от уездного правления и управлялась специальным волостелем. Ряд исследователей определяют понятие стан и волость как синонимы.

Территория Кашинского уезда в период конца XV - середины XVIII вв. включала в себя частично или полностью территории современных Кимрского, Конаковского, Кашинского, Калязинского районов Тверской области и Талдомского района Московской области. Почти три столетия, с момента образования централизованного российского государства, пришедшего на смену удельной эпохе вплоть до губернской реформы 1770-х годов, «столичным» центром этой округи был город Кашин.

В состав Кашинского уезда входило 16 различных административно-терри-

ториальных единиц. Это были:

1. Стан Белгородский (от поселения Белый городок);
2. Стан Гостунский;
3. Стан Дубенский (от р. Дубна);
4. Стан Жабенский (в некоторых источниках Жабенская волость - от р. Жаб-ня);
5. Стан Меньшая Слободка Задубровская;
6. Стан Большая Слободка Задубровская;
7. Стан Слободка Завостинская;
8. Стан Кочемской (от села Кочемль);
9. Стан Нерехотский (от р. Нерехта);
10. Стан Мерецкий;
11. Стан Пудицкий (от р. Пудица);
12. Стан Сереецкий;
13. Стан Суходольский;
14. Стан Чуцкий (в некоторых источниках Чудский);
15. Стан Хотческий (от р. Хотча, в некоторых источниках Ходческий);
16. Кимрская дворцовая волость.

Этимологический анализ названий всех станов позволяет разбить их на четыре группы:

1. Гидронимы (по названиям рек - Жабенский, Хотческий и пр.);
2. Этнонимы (по названиям этнических групп в исторических местах их компактного проживания в Кашинском уезде: Мерецкий и Чуцкий станы - от финно-угорских племен меря и чудь);
3. Топонимы (по названиям населенных пунктов);
4. Названия с неясной этимологией (Сереецкий (середина - ?), Гостунский и др.).

Как правило, на местности границы станов проходили по естественным рубежам - рекам, болотам, озерам, лесным массивам. Открытым является вопрос о времени появления административно-территориального деления Кашинского региона. Основная версия - что это деление установилось в период образования Российского централизованного государства. Однако вполне вероятно, что этот генезис данных структур был более ранним и географическая номенклатура местных территориальных образований вместе с их границами сформировались еще в рамках Кашинского удельного княжества, входившего, в свою очередь, в состав Великого княжества Тверского.

Та территория, которую мы сейчас понимаем под Дубненским краем, входила в состав Дубенского и Гостунского станов Кашинского уезда.

Дубенский стан располагался по обоим берегам Волги от города Корчева до устья реки Дубны и по ее нижнему течению, откуда и получил свое название. На западе он граничил с бывшим Тверским уездом, на юге - с Дмитровским и Клиньским уездами. Таким образом, Дубенский стан - это территория современной Дубны, большей части Кимрского района и западной части Конаковского района Тверской области, северной части Талдомского района Московской области.

Гостунский стан располагался по правую сторону реки Дубны от границ бывшего Переяславского уезда до впадения ее в Волгу и по течению реки Волги до Кимр. Ныне это территория части Кимрского района Тверской области и Тал-

домского района Московской области.

Обратимся к этимологии этих двух станов. Если в случае с Дубенским станом, довольно значительным по площади, как уже было сказано выше, все ясно (топоним, получивший свое название от реки Дубны), то название Гостунского стана – самого маленького стана по своей территории среди всех остальных – представляется довольно туманным. Впервые упоминание о нем встречается в межевой грамоте 1504 г. удельного дмитровского князя Юрия Ивановича и его отца, великого московского князя Ивана III.

Отчасти проясняет ситуацию мнение известного специалиста в области исторической топонимики Н.В. Подольской (1988). С ее точки зрения, большая часть топонимов с основой на гост/гощ возникла самостоятельно. Их названия связаны или с гостиными дворами, либо с поселениями, где были торги, торговые ряды. В этой связи напрашивается любопытная параллель – месторасположение Гостунского стана, как было сказано выше, по правому берегу реки Дубны в верхнем ее течении, от устья по Волге до границ современного Савелова. В XV-XVI веках по рекам Дубне, Сестре и Яхроме проходил древний «водный ход», оживленный торговый путь, соединявший Москву через Дмитров с волжской артерией. В устье реки Дубны, как мы уже говорили, располагалась таможня – мыто и торговая пристань, где шел перегруз многочисленных товаров с больших по размеру речных посудин в более мелкие, способные из-за неглубокой посадки идти дальше по фарватеру малых рек на Дмитров. С учетом экономико-географического положения, вполне возможно, здесь же неподалеку, например, на правом берегу Волги или в некотором отдалении, стихийно образовался торг, торжище, который в дальнейшем и дал название всему стану.

В соху полагалось определенное количество четвертей земли. Количественный показатель находился в зависимости от двух критериев. Во-первых, от качества земли. По качественному показателю все земли условно делились на хорошие, средние и худые. Были также земли «хорошо худые». Во-вторых, от социальной принадлежности земли, т.е. от собственника. В российском государстве периода позднего средневековья существовали земли следующих категорий:

1. Частновладельческие (вотчины и поместья). Принципиальное отличие вотчины от поместья заключается в правомочиях собственника. Вотчины являлись постоянными родовыми владениями бояр и могли передаваться по наследству, поместья были пожизненным владением и давались дворянам на период государственной службы как вознаграждение. Хотя в дальнейшем поместья тоже стали передаваться от отца к сыну, т.е. закреплялись определенным дворянским родом. Постепенно их юридический статус сближался.
2. Церковные земли, в том числе принадлежащие монастырям.
3. Черносошные (черные) земли, де-юре находящиеся в собственности государства, на которых проживали свободные крестьяне-общинники.
4. Дворцовые земли. Дворцовыми назывались земли и отдельные населенные пункты (слободы, деревни, села и др.), доходы с которых шли на содержание дворцового хозяйства царя (первоначально великого князя) и членов его семьи. Дворцовые земли находились под юрисдикцией специального ведомства – приказа Большой казны.

Писцы в своих книгах, как правило, фиксировали все земли региона, вне

зависимости от их правового статуса. Отмечались населенные пункты, принадлежащие различным землевладельцам. При описании поселений указывалась численность крестьянских и бобыльских дворов, проживающих в них душ мужского пола. Кроме того, отмечалось наличие усадьбы землевладельца, церкви и церковных строений с перечислением причта. Критериями «рентабельности» владений являлись количество, состояние и качество земли; численность дворов; объем сенокосов, измерявшихся копнами; площадь и качество лесных угодий и др. Необходимо отметить, что состояние земли оценивалось писцами через специальные «формулы». «Пашня» – это пахотная земля. «Пашня паханая» – постоянно действующая пашня, «пашня наездом» – пашня, рядом с которой нет поселения, «пашня перелог» – заброшенная, не обрабатываемая в течение ряда лет по каким-либо причинам. «Пашня лесом поросла» – пашня, не обрабатываемая в течение многих лет и заросшая лесом.

Основными типами населенных пунктов на территории Дубненского края были села, сельца, деревни, починки и пустоши.

Села – наиболее крупные сельские поселения, главные поселения в системе деревень. В них, как правило, находились двор землевладельца и церковь. Сельцо – маленькое село – небольшая деревня при помещичьей усадьбе. Деревня – первоначально означало просто «открытая пашня», затем «дом при пашне», в дальнейшем поселение из нескольких дворов. Починок – это поселение, которое образовалось на месте начала обработки земли, он основывался крестьянином одиночкой и, как правило, получал свое название от имени основателя. Наконец, пустошь – запустевшее поселение с пахотными землями и сенокосами.

Как явствует из Кашинской писцовой книги, Дубенский стан на конец 20-х годов XVII века был довольно густо заселен. Условный статистический анализ показывает, что всего на тот момент в стане располагалось около 450 заброшенных и существующих поселений: 9 сел, 3 сельца, 50 деревень, 3 починка, 385 пустошей. Очевидно, что большая часть населенных пунктов пребывала в запустении, лишь 65 продолжали существовать. В существующих поселениях было около 250 дворов, из которых 90 было бобыльских (где проживали бессемейные крестьяне) и 117 крестьянских. Также были дворы 27 церковных, помещичьих и вотчинниковых слуг, а два двора принадлежали мельникам. Кроме того, 5 дворов – хозяйственных строений – были монастырскими. На момент переписи в стане располагалось 2 усадьбы помещиков и 7 – вотчинников.

Хозяйственный потенциал, экономические ресурсы стана представляются следующими: 4810 четвертей земли, причем основная часть угодий – «средние» земли, «пашня перелог и пашня паханая лесом поросла»; сена 6048 копен; леса 181 десятина.

Зная количество дворов, с учетом статистической погрешности, можно приблизительно определить, что численность населения на территории Дубенского стана, по состоянию на конец 20-х годов XVII века, не превышала 1000 человек.

Соответственно, все вышеуказанные поселения и угодья дифференцировались по поместьям и вотчинам. Среди землевладельцев Дубненского края фигурируют 15 помещиков и 14 вотчинников (причем трое из землевладельцев одновременно владеют в стане поместьями и вотчинами). Любопытно отметить, что в числе помещиков и вотчинников люди самого разного социального статуса, обладающие различными средневековыми титулами, чинами и званиями.

Среди них стольники, трубники, князья, бояре, «кашинцы», степные ключники Кормового дворца, вдовы, есть даже «немчин», т.е. иностранец. Кроме того, землевладельцами числятся 7 духовных корпораций: тверские и дмитровские монастыри; патриарх Московский и всея Руси Филарет Романов; архиепископ Тверской (в его владениях, например, находилась неизвестная Корчева).

Что же касается Гостунского стана, то в нем, в силу незначительности территории, было всего семь землевладельцев: три помещика, три вотчинника и один монастырь.

Непосредственно на территории Дубненского края – современного города Дубны и его окрестностей – по состоянию на конец 1620-х гг. выделяются следующие землевладения:

В Дубенском стане Кашинского уезда:

1. вотчина Ивана Петровича Шереметьева;
2. вотчина князя Никиты Юсупова;
3. поместье князя Никиты Жукова;
4. вотчина Ивана Хлопова;
5. вотчина Тверского Николы Чудотворца Видогощского монастыря;
6. вотчина Пречистые Богородицы Старицкого монастыря;
7. вотчина Тверского Отрочь Монастыря;
8. вотчина Ильи Осиповича Грязного.

В Гостунском стане Кашинского уезда:

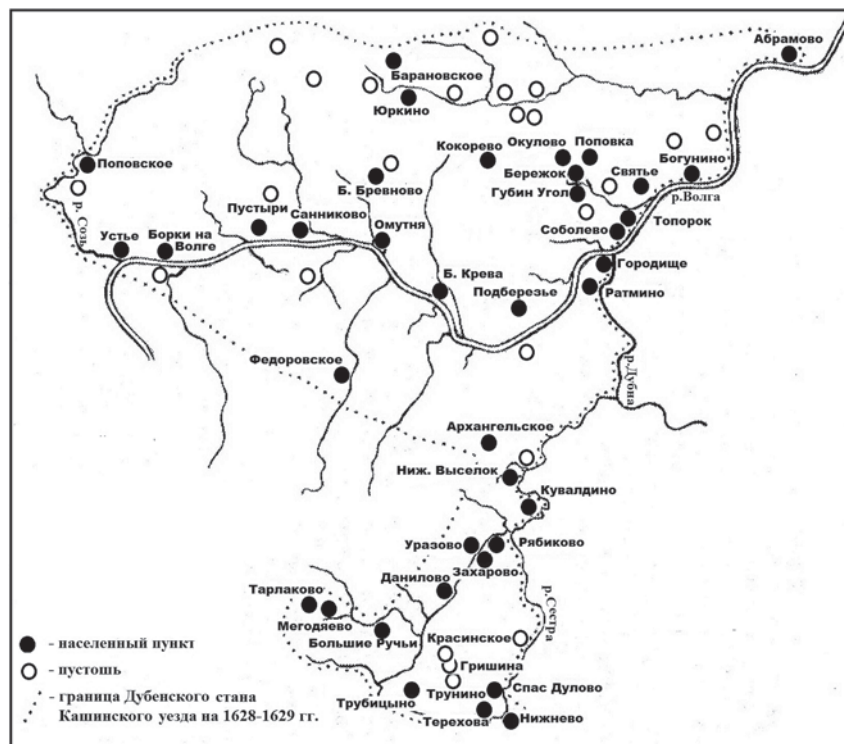
9. вотчина князя Андрея Федоровича Масальского;
10. владения Московского Новодевичьего монастыря.

В непосредственной близости от границ Дубненского края располагались:

11. владения Николо-Песношского монастыря Дмитровского уезда;
12. земли Кимрской двorcовой волости;
13. земли Пудицкого стана.

Таким образом, территория современного города Дубны располагается в границах двух земельных владений XVII века. Левобережная часть города – в пределах вотчины Тверского Николы Чудотворца Видогощского монастыря, центром которой было село Подберезье. Правобережная часть – в пределах вотчины Ильи Осиповича Грязного, с центром в селе Городище на Дубенском устье. Во владениях последнего также значатся «деревня Ратмер» (прослеживается исходная форма с древнейшим формантом на -jь – вероятная этимология от личного славянского имени Ратмир) и «пустошь, что была деревня Иванькова».

В писцовых книгах XVII века при описании сел и деревень довольно часто отмечается, какими документами оправдывается принадлежность владения данному лицу. Во многих случаях та или иная вотчина давалась либо «...за царя Васильево московское осадное сиденье», либо «за московское сиденье королевича приходу». В первом случае имелась в виду осада Москвы летом 1608 года войсками Лжедмитрия II. Во втором – неудачная попытка захватить столицу во время военного похода 1617-1618 годов польского королевича Владислава, претендовавшего тогда на московский престол. Эти раздачи земельных угодий необходимо рассматривать в контексте политики молодого царя Федора Михайловича Романова – основателя царской династии, который был избран на престол Земским Собором в 1613 году. Необходимость заручиться поддержкой широких слоев светской знати и церковных иерархов в целях стабилизации со-

Территория Дубенского стана на 1628-29 гг. (Крымов Е.Ю., 2000. Рис. 2)

циально-политической ситуации в стране после недавних коллизий Смуты обусловила массовую раздачу «государевых земель» в первые годы правления молодого царя.

В Дубенском крае, как следует из Писцовой книги 1628-29 годов, таких примеров несколько. Наиболее значимы для нас два случая. Первый – вотчина князя Микиты Исупова (Никиты Юсупова) село Крево, пожалуй, одно из самых богатых поселений Дубенского края XVII века (вероятная этимология названия восходит к славянскому племени кривичей). Необходимо отметить, что имеется в виду старое расположение поселения Крева до его переноса в 1930-е гг. в результате образования Иваньковского водохранилища на ныне известное всем дубенцам место. Интересно, что Никита Юсупов являлся тестем Ивана Хлопова, которому он в качестве приданного для своей дочери отдал деревню Омут (название турбазы Омутня на Московском море, равно как топонимы Бревново и Уходово сегодня хорошо известны жителям города).

Второй – вотчина Ильи Осиповича Грязного, село Городище на Дубенском устье. Обе эти вотчины были пожалованы «...за московское осадное сиденье королевича приходу», как следует из текста Писцовой книги. Первая – по Жалованной грамоте 7127 (1619) года за подписью дьяка Герасима Мартемьянова, вторая – по «государевой жалованной грамоте за приписью дьяка Бажена Сте-

панова», датированной 7135 (1627) годом. Таким образом, 1627 год - год правления Михаила Федоровича Романова (1613-1645) – является отправной точкой владения Грязными (Грязновыми) селом Городище. Факт царского пожалования вотчин указывает, что до момента перехода в собственность конкретных лиц эти земельные владения, очевидно, находились в составе дворцовых земель, т.е. были одними из лучших владений государевой казны.

Сведения из писцовой книги Петра Баженова по Гостунскому стану Кашинского уезда дают представление о том, что земли по правому берегу реки Дубны, выше ее устья, и далее по Волге от устья вплоть до границ Кимрской дворцовой волости, принадлежали представителю княжеского рода Андрею Федоровичу Масальскому. Княжеская вотчина была «приданной», т.е. очевидно переданной князю Масальскому в качестве приданного на свадьбу в 1628 году. Писец отмечает в составе вотчины более двух десятков населенных пунктов. Подавляющая часть из них на момент проведения сошного письма – пустыши, одна из них – «пустошь, что была село Прислон, пашни перелогом и лесом поросло 13 четвертей, а в дву потому ж, сему 20 копен». С трудом поддающийся дешифровке текст писцовой книги сообщает, что усадьба землевладельца располагалась в деревне Горки. «Деревня Горки на реке на Волге, а в ней двор вотчинников...» Известно, что в русской топонимике «горками», как правило, называли высокие крутые берега рек. Принимая во внимание географические координаты вотчины князя Андрея Масальского и указание в тексте писцовой книги на Волгу, высокий, крутой берег на Волге до Кимр мог быть только в районе современного Клетинского бора. Таким образом, вероятное месторасположение усадьбы князя и деревни Горки – нынешняя турбаза «Клетинский бор». Это подтверждается также некоторыми археологическими находками, сделанными в этом месте.

Из текста писцовой книги также следует, что у князя Андрея Масальского был земельный спор (для того времени обычное явление) со своим соседом Ильей Осиповичем Грязным. «Да за ним за князь Андреем Федоровичем Масальским спорные земли, что у него были в споре Кашинского уезда Ильины вотчины Грязнова села Городища... а в сто тридцать седьмом году занимаю князь Андрей Масальскому и ево вотчине... пашни паханные перелогом и лесом поросло двадцать пять четвертей в поле, а в дву потому ж, сена по реке Дубне сто двадцать копен...» Поскольку река Дубна являлась естественной границей между вотчинами Грязного и Масальского, речь, по всей видимости, шла о земельной полосе и угодьях, расположенных непосредственно по правому берегу Дубны от ее устья, на которые претендовали одновременно оба владельца. Юридический статус этой спорной территории в итоге был решен в пользу князя Масальского спустя год после его вступления во владение вотчиной, т.е. в 1629 году.

Таким образом, анализ писцовых книг 1628-29 гг. по Дубенскому и Гостунскому станам Кашинского уезда позволяет сделать ряд принципиальных выводов, имеющих важнейшее значение для дальнейших краеведческих исследований:

1. Дубненский край в то время был густонаселенным, современная топография и названия поселений, хорошо известных нам сегодня, сложились предположительно уже к началу XVI века. Ряд поселений, названия которых встречаются в писцовых книгах, не дошли до нашего времени.

2. Большое количество пустышей, заброшенное состояние земельных угодий – показатель последствий Смуты начала XVII века, и, прежде всего, разоренно-

сти края в результате польско-литовской интервенции. Необходимо отметить, что эта интереснейшая тема практически не исследована. Между тем наш регион являлся территорией активной экспансии польско-литовских захватчиков. Достаточно напомнить: Калязинский Жабенский монастырь, Троице-Сергиев монастырь, города Кашин и Дмитров были заняты либо осаждались интервентами. Кроме того, известно, что польские захватчики – полк пана Коссаковского – «квартировались» в Кимрах. Источники отмечают, что 72 деревни вокруг Кимр превратились в пустоши, а село Абрамово было сожжено, жители убиты, а церковь ограблена.

3. На территории Дубненского края располагалось пять деревянных храмов. В селе Богунино – церковь во имя Дмитрия Солунского, в селе Новое Губин Угол – церковь Флора и Лавра, в селе Новоселье на Волге – шатровая церковь во имя Рождества Христова с приделами Николы Чудотворца и Ильи Пророка, в селе Крево – церковь во имя Рождества Пресвятые Богородицы, в селе Городище – церковь во имя Николы Чудотворца.

4. В контексте историко-географических исследований четко определены границы Дубненского и Гостунского станов и самого Кашинского уезда, в территориальные рамки которых вписывается Дубненский край.

5. Концентрация монастырских владений (тверских и дмитровских) на территории Дубненского края, особенно по левому берегу Волги, отсутствие земельных латифундий Троице-Сергиева монастыря – крупнейшего землевладельца России, говорит о тяготении издревле этой территории к Твери, тверским (в том числе древнейший Отрочь монастырь) и дмитровским обителям, в зоне экономических интересов и сферы влияния которых она находилась. Сведения о монастырских дворах, располагавшихся по Волге, показывают активную роль монастырей в торговле и хозяйственной жизни населения Дубненского края.

6. Получена ценная информация по социально-экономической истории Дубненского края.

7. Сведения из Кашинской писцовой книги позволяют проследить историю храмов и землевладельцев села Городища как исторического центра Дубненского края, фактически с начала XVII века. С учетом этих материалов, хронология владельцев села Городище и деревни Ратмино выглядит следующим образом:

до 1627 – вероятно, в составе дворцовых земель;

1627-1754 гг. – Грязновы (Грязные, возможно, потомки известного деятеля Опричнины в период правления Ивана Грозного);

1754-1815 гг. – Татищевы;

1815-1880 гг. – князья Вяземские;

1880-1881 гг. – доктор права Н.П. Шубинский;

1881-1917 гг. – С.Н. Ганешин;

1917-1918 гг. – И.П. Любомулов.

Монастырское землевладение в Дубенском стане

Основными монастырями-землевладельцами в Дубенском стане (окрестности современной Дубны) были Тверской Николы Чудотворца Видогощский монастырь (село Подберезье), Тверской Отрочь монастырь (село Богунино и пустошь Мыльцева, нынешняя Мыльцевка под Кимрами) и Московский Новодевичий монастырь (село Стариково и Зятково). Кроме того, непосредственно к территории современных окрестностей Дубны со стороны реки Сестры подходили владения Николо-Песношского монастыря.

Примечательно, что в этом перечне фигурирует Старицкий монастырь во имя Пречистой Богородицы, которому, как сообщает дьяк в Писцовой книге, принадлежит село Новое Губин Угол (значит, ранее было еще и старое) и деревня Бережок «...на озерце». В Писцовой книге упоминаются храм во имя Фрола и Лавра в селе Губине, а также монастырский двор с проживающими на нем «служками монастырскими».

Безусловно, присутствие крупных московских или тверских монастырей на кашинской земле объясняется во многом силой исторической традиции. За-волжский край, начиная с конца XIII века, становится ареной столкновения экономических и политических интересов двух конкурирующих между собой за пальму первенства на Руси центров: Москвы и Твери. Государственное противоборство двух столиц приводило к земельной экспансии церковных и частных землевладельцев на окрестные территории. Кроме того, монастырские корпорации в знак признательности получали в пожалование отдельные земли из княжеского домена. Таким образом, московские и тверские монастыри, памятуя об их авторитете и влиянии в церковной иерархии, сохраняли свои владения со времен средневековья вплоть до знаменитого Указа Екатерины II 1763 года о секуляризации монастырских землевладений, по которому все имущество монастырей, включая земельные угодья и крестьян, переходило в собственность государственной казны. Тем примечательнее факт присутствия в Дубенском стане в XVII столетии владений относительно небольшого (по статусу) и отдаленного по географии Старицкого монастыря. Какие причины послужили появлению «старикового следа» на левом берегу Волги, на месте будущей Дубны?

Чтобы ответить на этот небезынтересный вопрос, проведем небольшое исследование и углубимся в историю России.

В начале XVI века после смерти Великого Московского князя Ивана III (1462-1505), при котором практически завершился процесс централизации русских земель (княжеств) под властью Москвы, произошло изменение политико-административного устройства центральной области страны. Относительно небольшой масштаб территориальной реформы, однако, привел к существенным политическим последствиям, которые проливают свет на исследование нашей темы.

За время своего правления Иван III расширил территорию своего государства в несколько раз, добился, пожалуй, самой сильной централизации верхов-

ной власти в тогдашней Европе, провел успешную борьбу с удельными князьями. Но в своем завещании Великий князь Московский все же не решился окончательно покончить с удельным прошлым и всем своим сыновьям выделил уделы. Исторический парадокс: борясь за централизацию русских земель, присоединяя к Москве мощные политические центры — Великий Новгород, Ярославль, Суздаль, Ростов, Вятку, Тверь, Устюг и т.д., московский правитель в конце своей жизни наступает на те же «удельные грабли» и закладывает своего рода мину замедленного действия под политическую стабильность страны на ближайшие несколько десятилетий.

Безусловно, наследнику престола Василию Ивановичу достается основная территория — 86 городов с уездами. Остальным достаются старые города, которые имеют давние удельные традиции. Сыну Юрию достались Дмитров, Кашин, Руза, Звенигород, Брянск. Сыну Дмитрию — Углич, Устюжна, Зубцов, Ржев, Мезецк. Сыну Семену — Калуга, Бежецк, Козельск. Сыну Андрею — Старица, Веря, Алексин, Вышгород, Холм. Отметим, что кроме сыновей Ивана III удельными на начало XVI века были еще три князя: князь Федор Волоцкий, князь Василий Стародубский, Гомельский, Черниговский, Карачевский и Любечский, а также князь Василий Новгород-Северский и Рыльский.

Поскольку Дубенский стан входил в состав Кашинского уезда, то в соответствии с завещанием Ивана III он переходит во владение новоявленного дмитровского удельного князя Юрия Ивановича. Таможенный пост на устье реки Дубны переходит также под юрисдикцию князя Юрия, о чем свидетельствуют дошедшие до нас акты источники того времени.

Спустя двадцать девять лет, после смерти Василия Ивановича в 1533 году к власти пришла его жена Елена Глинская. Это событие вывело в эпицентр политического процесса братьев мужа — удельных князей. Воспользовавшись неразберихой, престол пытается захватить сын Ивана Юрий — удельный князь дмитровский. В итоге Юрий был вызван в Москву, схвачен, посажен в заключение, где и умер. В связи со смертью удельного князя было ликвидировано и само княжество. Последний брат Василия князь Старицкий Андрей Иванович не был заподозрен в попытках захвата власти, жил в Москве. Однако через несколько месяцев, после смерти брата в заточении, он попросил Елену увеличить территорию его удела в награду за верность. Елена отказала, но в итоге старицкому князю была сделана денежная компенсация, с которой он уехал в Старицу.

Позднее между Еленой и Андреем Старицким возникли взаимные подозрения, и в 1537 году на Старицкое княжество были направлены войска под командованием князей Оболенских. Князь Андрей в смутении бежит в Новгород. После переговоров он возвращается в Москву, но по аналогии со своим удельным братом князем дмитровским (у них, кстати, много печальных аналогий в биографии) был схвачен, посажен в тюрьму вместе со своей женой и сыном Владимиром, где вскоре умер. Княжество Старицкое было временно ликвидировано, а с 1541 года его вернули сыну Андрея — князю Владимиру Андреевичу. Надо отметить, что впоследствии политический авторитет удельного князя Владимира Андреевича Старицкого находился на очень высоком уровне в среде политической элиты страны.

Венчавшийся на царство в 1547 году двоюродный брат Владимира, можно сказать, души не чаял в своем родственнике. Беззаветное доверие к удельному

князю проявлялось, в частности, в делегировании властных полномочий. Когда молодой царь «всея Руси» Иван Грозный отправился в казанский военный поход в 1549 году, в Москве «на делах» был оставлен Владимир Андреевич. В Избранной Раде, объединившей вокруг персоны молодого правителя фаворитов, удельный князь Старицкий играл, по сути, центральную роль, являясь идеологом ряда реформ управления. Все внезапно изменилось после болезни Ивана в 1553 году. Поразившая царя болезнь не давала гарантий его выздоровления, в боярских кругах мултиплицировалась идея о возможном преемнике царя в случае его кончины. В качестве общей кандидатуры рассматривалась персона князя Владимира. История скрывает истинные причины тех событий. То ли фантазия царя разыгралась так, что у него возникло помутнение в рассудке, то ли действительно имели место слишком откровенные речи приближенных, включая самого двоюродного брата. Факт остается фактом. После своего выздоровления Иван распорядился казнить нескольких ненавистных бояр, а брата за измену заточил в темницу. Перемена настроения у царя Ивана произошла через 13 лет. По свидетельствам современников, царь воспылал снова симпатией к заточенному брату и выпустил его на свободу, вернул все его владения, да в придачу дал своеобразный бонус в качестве компенсации «за бесцельно прожитые годы».

В 1566 году князь Владимир Андреевич Старицкий получает от царя в дар еще одно удельное княжество — Дмитровское, и с этого года проживает в Дмитрове. Возникает Старицко-Дмитровский удел, который, по экспертной оценке, охватывает территории бывших удельных княжеств — Дмитровского, Кашинского и собственно Старицкого. Соответственно, границы вновь образованного удела фактически совпадают с границами современных административных районов Тверской и Московской областей — Старицкого, Дмитровского, Кашинского, Кимрского и современного города Дубны. Княжество располагается по Волге, но в силу географических особенностей не имеет общей территории, а, скорее, представляет собой два анклава-пятна в центре Заволжского края вдоль великой русской реки.

Безусловно, присоединение к Старицкому княжеству богатой землями и ресурсами территории Дмитровского не может не привлекать экономические амбиции старицкой элиты — бояр, монастырей, духовенства. Земельные угодья на Волге, рыбные и лесные промыслы, торговые коммуникации в пределах дмитровско-кашинских рубежей становятся объектом начавшейся экономической экспансии, в том числе Старицкого монастыря. Есть сведения о том, что Иван Грозный насильно обменял брату Старицкие владения (Старицу и Звенигород) на Дмитровские земли, дабы ликвидировать сам дух старицкой удельной вольницы. Однако независимость и спокойствие продолжались совсем недолго.

В 1569 году, спустя три года, весь Старицко-Дмитровский удел был ликвидирован в связи с убийством самого князя Владимира Андреевича Старицкого вместе с его женой и детьми, сгинувшими в хаосе опричного террора. В очередной раз изменилось настроение брата-царя, в очередной раз воля сумасбродного Ивана Грозного погубила брата-князя. На этот раз уже окончательно. Удельное княжество Старицкое исчезло с карты страны навсегда, но владения Старицкого монастыря на дубненской земле сохранились, что и подтверждают Писцовые книги уже следующего столетия.

Удивительно, но в 1573 году Иван Грозный в очередной раз предпринял по-

пытку восстановить Старицкий удел, пожаловав Дмитров Василию – уцелевшему сыну казненного Владимира Старицкого. Однако уже через год «князя Василия Володимировича не стало». Необходимо отметить, что исчезновение Старицко-Дмитровского удела фактически завершило трехсотлетнюю удельную историю Руси. Формально последним оплотом удельного сепаратизма историки считают удельное княжество Угличское, выделенное самим Иваном Грозным для своего сына – царевича Дмитрия, которое было ликвидировано в 1591 году после трагической гибели малолетнего наследника престола.

Анализ дальнейшей судьбы этих территорий показывает, что владения удельного старицкого князя вошли в состав опричнины, которую выделил себе Иван Грозный, впоследствии трансформированной в Государев Двор. Известно, что с населения и рынков Дмитрова поступали богатые сборы в опричную казну. По всей видимости, именно из этих государевых земель (как правило, лучших) и была пожалована вотчина с центром в селе Городище на устье реки Дубны потомку известного деятеля опричнины, соратнику Ивана Грозного. Произошло это значимое для дубненского краеведения событие в 1618 году, когда молодой царь новой династии Михаил Федорович Романов за заслуги в Смутное время выделил из своих владений земли Илье Осиповичу Грязному (Грязнову). Если предположить, что между 1569 и 1618 годами территория правобережной Дубны (в том числе, дубненская стрелка Ратмино) находилась в так называемом «царском уделе», то закрывается последнее белое пятно «ратминской» истории. Таким образом, логично выстраивается история и хронология землевладения в Ратмино.

Версия о происхождении земельных владений Пречистые Богородицы Старицкого монастыря близ современной Дубны выглядит вполне правдоподобно на фоне происходящих событий середины XVI столетия. Иногда отдельные эпизоды, которые кажутся случайностью, при детальном рассмотрении проливают свет на целые пласты информации, открывая новые горизонты знаний. Вот так по волжским берегам в черте Дубны до сих пор таинственно ходит средневековая Старица...

Дубненский край в XVIII – начале XX вв.: от губернии до области

Появлением губерний Россия обязана Петру Великому. Выдающийся реформатор довольно долго вынашивал планы территориальных преобразований, но в силу объективных причин (война со Швецией, строительство флота, реформа государственного аппарата и др.) вопрос о введении эффективной системы управления страной временно откладывался.

До конца первого десятилетия XVIII века Дубненский край территориально входил в состав Кашинского уезда и относился к территории двух станов: Дубенского и Гостунского.

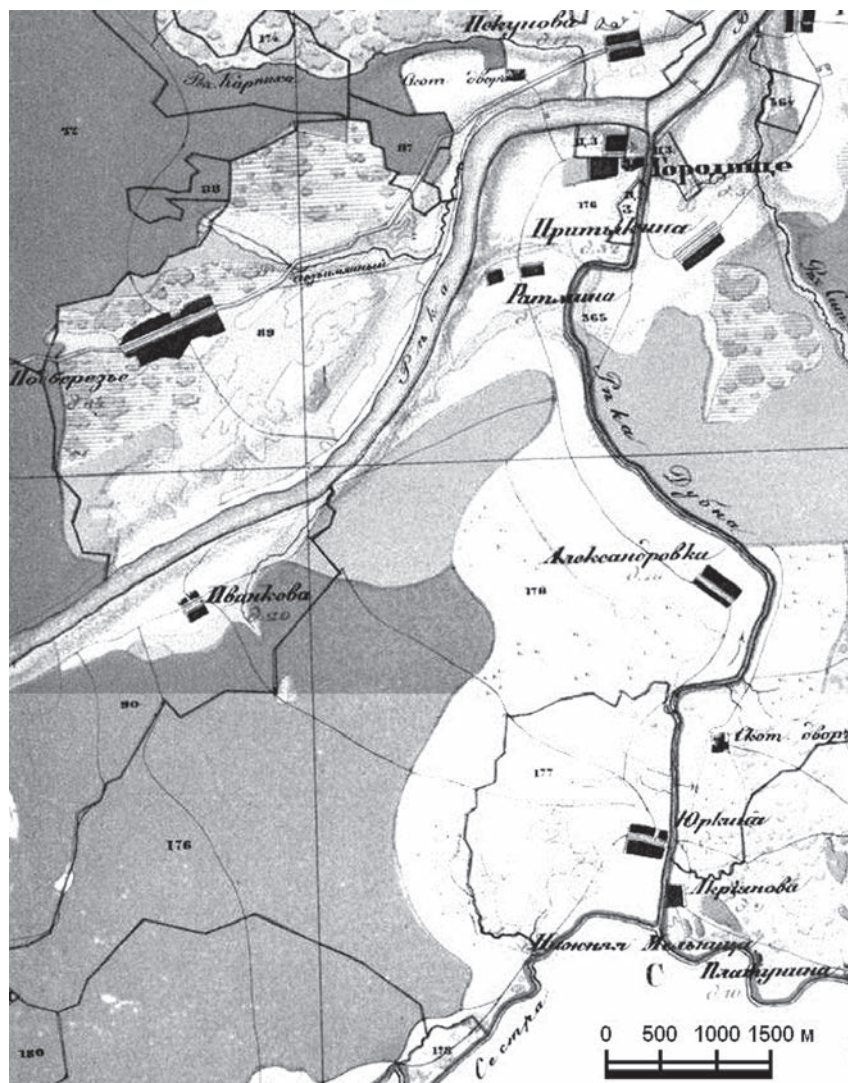
В 1708-1709 годах произошла первая территориальная реформа, в результате которой обширное государство было поделено на девять губерний. Почти вся европейская часть страны вошла в состав Ингерманландской губернии. Поэтому жители Дубненского края в период с 1708 по 1719 года в административном отношении находились в составе Кашинского уезда Ингерманландской губернии.

1719 год – год второй петровской территориальной реформы. По образцу Швеции и ряда европейских стран в России вводится новая территориальная единица – провинция, которая занимает промежуточное положение между губернией и уездом. На тот момент 11 губерний включают в себя 49 провинций, а последние состоят из дистриктов. Дистрикт по сути заменяет уезд, но на практике является округом, в котором собиралась подушная подать на определенную воинскую часть. Число дистриктов не совпадали с прежними границами уездов. Однако дистриктам не суждено было просуществовать долгий срок. В этот же год Ингерманландская губерния меняет название на Санкт-Петербургскую, по новой столице.

Таким образом, координаты Дубненского края на период 1719-1727: Санкт-Петербургская губерния, Угличская провинция, Кашинский дистрикт.

Новой вехой территориальных метаморфоз в России становится 1727 год. «Птенцы гнезда Петрова» решили несколько упростить громоздкую, порой надуманную систему территориальной организации Российской империи. Происходит восстановление уездов (их число составляет 166), а также проводится разграничение некоторых провинций. В период с июля 1727 по 1775 год жители деревень Ратмино, Ивановково, Крева, села Городище и других знакомых поселений нашей местности проживали в Московской губернии, Угличской провинции, Кашинского уезда. Примечательно, что Клинский и Дмитровский уезды – традиционные соседи Дубненского края – вошли в этот период в состав Московской провинции Московской губернии.

В середине 1770-х годов Екатерина II решила привести в порядок «территориальное хозяйство» Российской империи. Причинами новой территориальной

Территория современной Дубны в 1850-е гг. Фрагмент карты А.И. Менде

реформы стали рост городов, социальные волнения крепостных крестьян (в том числе – происходившие в связи с т.н. «пугачевским» восстанием яицкого казачества), присоединение ряда новых владений в результате активной внешней политики Российского государства. Ситуация требовала рационально подойти к распределению материальных, военных и финансовых ресурсов, а главное – населения, проживавшего в неравнозначных по плотности регионах обширной страны. В рамках новой губернской реформы ряду населенных пунктов был

присвоен статус города. В нашем регионе появились города Калязин и Корчева, которые стали центрами одноименных уездов.

В 1775 году учреждается Тверское наместничество, которое в 1796 году преобразуется в Тверскую губернию. Координатами населенных пунктов, располагавшихся на территории Дубненского края, надолго становятся следующие. Жители населенных пунктов, находившихся на территории современного города и его левобережной окрестности, проживают в Тверской губернии Корчевского уезда, а поселенцы правобережья реки Дубны (Притыкино, Прислон, Арефьево, Кирьяново и др.) находятся под юрисдикцией Калязинского уезда Тверской губернии. После отмены крепостного права в 1861 году в связи с введением новой низшей административно-территориальной единицы – волости, левобережье будущего города вошло в состав Ларцевской волости (с центром в ныне известном Залесье, бывшее Ларцево), а поселения по правому берегу Волги – в Федоровскую волость (центр – село Федоровское).

В 1918 году из частей Калязинского и Корчевского уездов создается Кимрский уезд. Наши бабушки и дедушки с левобережья становятся «кимряками», а в 1923 году с карты Тверской губернии исчезает Корчевский уезд. Тогда все поселения, в том числе правобережной части будущей Дубны, вновь меняют свои почтовые адреса. На почтовых конвертах пишут: Кимрский уезд Тверской губернии. Соседний город Талдом в 1918 году переименовывается в Ленинск (в 1930 г. ему возвращается традиционное название – в связи с дублированием еще одного Ленинского района, современный город Видное) и становится центром одноименного уезда, с переподчинением его к Московской губернии. Московские границы вплотную приближаются к Дубненскому краю – тверскому анклав, окруженному со всех сторон водными преградами.

Конец 1920-х – начало 1930-х годов в СССР были ознаменованы новой территориальной реформой, довольно сложной по своему содержанию. Создавались округа и области.

В рамках нашего «субрегиона» в 1929 году был создан обширный Кимрский округ, который вошел в Московскую область. Он включал в себя территории Кимрского, Калязинского и Конаковского районов. Однако ненадолго сбылась заветная мечта тверичан-кимряков обрести «московскую прописку». Через два года округ был ликвидирован. Появляется Кимрский район Калининской области, в который входят все окрестные деревни и поселки, окружающие будущую Дубну.

Дворянские усадьбы Дубненского края. Пекуново

На территории и в окрестностях современной Дубны в дореволюционные годы располагалось три дворянские усадьбы: усадьба князей Вяземских в Ратино, усадьба Мамонтовых в Пекуново и усадьба Роберов в Прислоне.

Русские усадьбы были не просто «дворянскими гнездами». Это были своеобразные центры формирования, развития и сохранения доминантных черт отечественной культуры. Многие усадьбы обладали выдающимися коллекциями книг, фарфора, скульптуры, живописи, а сами усадебные ансамбли являли собой примеры настоящих шедевров зодчества.

В современных условиях социально-политического и экономического развития России объективно актуализируется так называемая «русская идея», сформулированная в конце XIX – начале XX вв. выдающимися представителями русской философской мысли. В этой связи обращение к феномену русской дворянской усадьбы в контексте ментальности отечественной культуры способствует более глубокому осмыслению современных проблем сохранения доминантных черт отечественной культуры (см.: Попова М.С., 2004).

Имение в селе Пекуново Тверской губернии принадлежало в конце XIX века представителю известной в России фамилии промышленников-предпринимателей, кандидату права, почетному мировому судье и гласному Московской Думы Ивану Николаевичу Мамонтову.

Усадьба И.Н. Мамонтова располагалась на левом берегу Волги, близ рощи. По многочисленным отзывам старожилов, обстановка усадьбы отличалась особым изыском и роскошью. В имении И.Н. Мамонтова часто бывали гости, в том числе знаменитые персоналии того времени, представители мира искусства и культуры дореволюционной России.

На территории имения стояли следующие капитальные постройки: двухэтажный барский дом, транспортный сарай, конюшня, скотный двор, сенные сараи и несколько деревянных жилых домов.

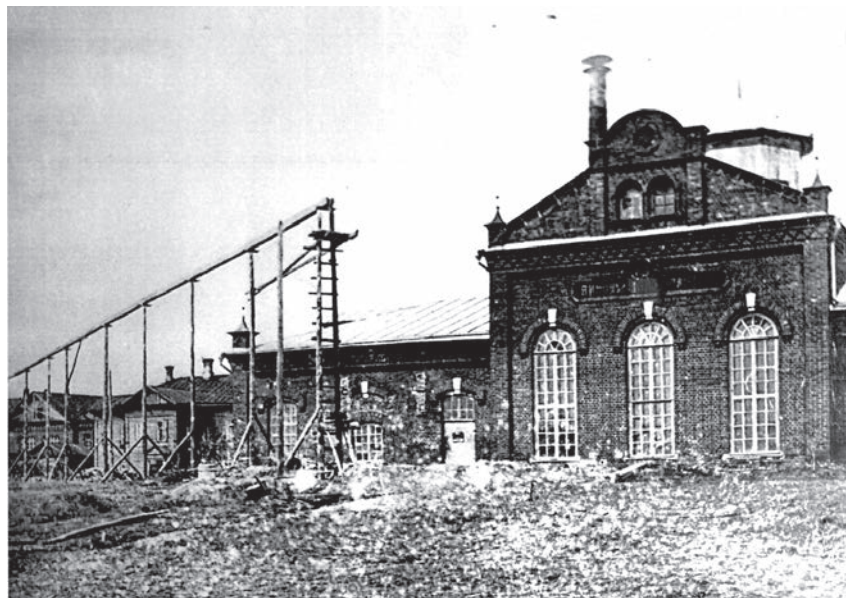
Рядом с имением был построен винокуренный завод. Спирт на винокуренном заводе выгонялся, как правило, из зерна, но иногда, при его дефиците, использовался и картофель. Специальным гудком завод сообщал о начале и окончании рабочего дня.

В имении работали в основном крестьяне из деревни Пекуново. За работу они получали специальные боны, которые можно было отоварить в магазине.

До нас дошли два свидетельства приезда в усадьбу И.Н. Мамонтова в Пекуново Федора Шаляпина. Первое, упомянутое в книге известного кимрского краеведа В.И. Коркунова: «старожилы Кимр ... помнят, как в имение к Мамонтовым приезжал Федор Иванович Шаляпин, выходил на берег Волги и раскатисто пел свои песни, которые были слышны в окрестных селениях...»

Бывшая усадьба Мамонтовых в Пекуново. Аэрофотоснимок 1942 года

Винокуренный завод И.Н. Мамонтова в Пекуново

Второе свидетельство было получено от старшего научного сотрудника Кимрского краеведческого музея. По рассказам сына бывшего управляющего имения Мамонтовых, к хозяевам приезжал Шаляпин. После долгого ужина его попросили спеть. Импровизированный концерт проходил в столовой мамонтовской усадьбы при свечах. По воспоминаниям управляющего, который присутствовал при исполнении, в один момент Шаляпин настолько громко взял ноту, что «свечи в столовой потухли разом...»

К сожалению, в настоящий момент мы имеем только устные свидетельства пребывания Шаляпина в Пекуново – это воспоминания старожилов. Письменные источники об этом удивительном факте отсутствуют. Точнее, пока отсутствуют, поскольку для этого требуется детальное изучение мемуаристики, исследование фамильных архивов. Значит, актуальна задача кропотливой краеведческой работы в данном направлении.

В 1887 году 28 июля, вспоминая по обычаю день своего брака, И.Н. Мамонтов, в общем собрании своего семейства и других близких лиц, в благодарность Господу Богу за счастливое 19-летнее супружество и постоянное семейное благополучие, выразил желание прийти на помощь крестьянам, устроив для их детей школу. Школа была устроена в селе Городище – нынешняя улица Ратмино города Дубны, и действовала вплоть до революции 1917 года.

На протяжении целого ряда лет Иван Николаевич Мамонтов проводил археологические изыскания, раскапывал древнерусские курганы Пекуновского могильника (по современной номенклатуре – могильник Крева I), а найденные вещи сдавал в Тверской музей. Именно он стоит у истоков археологических исследований на территории Дубненского края.

Слева направо: И.Н. Мамонтов, С.А. Синицына (урожденная Робер), В.Д. Синицын, Е.А. Мамонтова (урожденная Робер)

Умер И.Н. Мамонтов в 1892 году и был похоронен у церкви в селе Городище (ныне улица Ратмино); после расширения церкви его могила оказалась внутри храма Похвалы Пресвятой Богородицы. В 1937 году храм был закрыт и разорен. В конце XX века в ходе ремонта и реконструкции храма захоронение И.Н. Мамонтова было найдено и перенесено наружу, на небольшое кладбище за алтарём. Там и сейчас лежит большая черная плита. Если ее намочить водой и посмотреть под небольшим углом, можно разглядеть памятную надпись об Иване Николаевиче.

Во время революции имение Мамонтова было разгромлено. В дальнейшем на базе имения был создан совхоз «Дубна-Переворот». В начале 1930-х годов в район рощи имения Мамонтова из подлежащей затоплению зоны Московского

Иван Николаевич Мамонтов и Софья Александровна, урожденная Робер

моря перенесли деревню Креву. Винокуренный завод продолжал работать до 1941 года – на заводе гнали спирт и продавали барду (зерновые отходы от выгонки), на корм скоту.

Летом 1941 года завод сгорел, пожар произошел случайно. В 1948 году сгорел и двухэтажный дом Мамонтова, а имение постепенно разрушилось и погибло. В 1998 году сгорел последний деревянный дом, оставшийся на территории усадьбы.

Недавно новая информация об истории дворянских семейств, владевших усадьбами на территории Дубненского края, была получена нами благодаря

Пекуновские боны – расчетное средство на винокуренном заводе И.Н. Мамонтова

Сергей Иванович Мамонтов. Портрет работы Н. Бергольца. 1938 год

жителю Санкт-Петербурга Константину Сергеевичу Семенову, праправнуку Владимира Дмитриевича Синицына и Софьи Александровны, урожденной Робер.

По информации, собранной К.С. Семеновым, во второй половине XIX века в районе деревни Прислон располагалось владение Александра Николаевича Робера (1819-1880), директора училищ Тверской губернии и Тверской гимназии. После его смерти владение отошло его сыну Николаю. А.Н. Робер был женат на Софье Михайловне, урожденной Грановской. У них, помимо сына, было еще четыре дочери: Екатерина, Анастасия, Софья и Елизавета.

Екатерина Александровна, урожденная Робер, в 1868 г. вышла замуж за Ивана Николаевича Мамонтова (1846-1899), владельца усадьбы в Пекуново, и родила от него семерых детей.

Анастасия Александровна, урожденная Робер, вышла замуж за Константина Константиновича Кузьмина-Караваева, у них было трое детей, в том числе известный театральный режиссер Константин Константинович Тверской.

А Софья Александровна, урожденная Робер, вышла замуж в 16 лет, около 1870-71 гг., за Дмитрия Татищева из рода Татищевых, которым с 1777 по 1806 гг. принадлежала ратминская усадьба. Ее муж служил в старших чинах в лейб-гвардии гусарском полку и умер в 1878 г., у них был сын Александр, умерший в возрасте трех-четырёх лет.

В 1882 г. Софья Александровна вышла во второй раз замуж за Владимира Дмитриевича Синицына, выпускника медицинского факультета Московского университета, имевшего дом в Твери и два имения в Тверской губернии. После замужества Софья Александровна жила и умерла в Твери, где была похоронена в семейном склепе Синицыных.

О детях Ивана Николаевича Мамонтова и Екатерины Александровны, урожденной Робер, известно следующее:

Александр Иванович (1869-1936) был банкиром, после революции эмигрировал во Францию и жил в Париже, известен как масон. Был женат на Марии Ивановне Кузьминой-Караваевой.

Дмитрий Иванович умер молодым в начале XX века.

Михаил Иванович окончил Московский университет, работал врачом, после революции эмигрировал. Его жена умерла до революции, а их дети остались в России.

Сергей Иванович (1877-1938) известен как российский и эстонский музыкальный деятель и педагог. До революции был концертмейстером Большого театра в Москве. В 1920 г. эмигрировал в Эстонию, в 1923-1932 гг. был концерт-

Наталья Сергеевна Шереметьевская, первая супруга Сергея Ивановича Мамонтова

Памятник на могиле Сергея Мамонтова. Таллинское кладбище Александра Невского

мейстером театра оперы и балета «Эстония», одновременно преподавал в Таллинской консерватории. В Эстонии возглавлял Русское музыкальное общество, способствовал становлению эстонского национального оперного искусства. Был первым мужем Натальи Сергеевны Шереметьевской, которая в третьем браке стала органической супругой Великого князя Михаила Александровича Романова, родного брата Николая Второго.

Екатерина Ивановна была замужем за Николаем Митрофановичем Андреевым, полтавским помещиком, работавшим присяжным поверенным. Умерла в Ленинграде в блокаду, 8 декабря 1941 г., вместе с внуками. Похоронена на Смоленском кладбище в Ленинграде.

Софья Ивановна была замужем за Николаем Виддером, известным детским врачом, владельцем собственной клиники в Москве, которую после революции он передал городу. Умерла в 1920-х годах.

Прасковья Ивановна, в замужестве Авериной. Ее муж был присяжным поверенным. Они с мужем разошлись еще до революции, после которой он эмигрировал на Балканы. До 1930 г. Прасковья получала материальную помощь из-за границы от брата Михаила. В начале 1941 года поменяла свою комнату и переехала в Ленинград, чтобы жить вместе сестрой Екатериной. Умерла в блокаду в начале 1942 г.

Константин Сергеевич Семенов предоставил в наше распоряжение три уникальные фотографии. На них изображены Иван Николаевич Мамонтов, его супруга – Екатерина Александровна, урожденная Робер, Владимир Дмитриевич Сеницын, его супруга – Софья Александровна, урожденная Робер, и ее первый муж Дмитрий Татищев. Это бесценные свидетельства исторического прошлого нашего края.

Конечно, особенно значимо для дубненцев изображение Ивана Николаевича Мамонтова – владельца усадьбы в Пекуново и винокурного завода, мецената и общественного деятеля, краеведа и исследователя Дубненского края. Тот факт, что именно он изображен на этих фотографиях, установлен с весьма высокой степенью достоверности.

Ратмино.

Дворянская усадьба Дубна

Устье реки Дубны. Волга. Храм Похвалы Пресвятой Богородицы. Ратмино. Для жителей подмосковной Дубны это не просто близкие, хорошо знакомые названия. Это уже своего рода символы родного края, малой Родины. Справедливо заметить, что у каждого города есть свой исторический символ, своя визитная карточка о прошлом. И если для москвичей это Кремль, для петербуржцев – Петропавловская крепость, то для дубненцев – это Ратмино...

Стоя на обрывистом берегу речной стрелки и всматриваясь в устремляющуюся в сторону Кимр волжскую стихию, замороженный живописными красотами местного антуража, невольно теряешь ощущение пространства и времени... На мгновение абстрагируясь от привычной «системы координат», ловишь себя на мысли о какой-то ирреальности происходящего. И самое главное – ощущаешь какое-то незримое, почти овеществленное присутствие прошлого.

Ратмино притягивает подобно магниту, а притянув, пленяет свою «жертву», и долго не отпускает от своего чарующего взор уголка, где спокойно душе и в котором так удивительно сочетаются природа и история. Будто бы заставляя «случайного свидетеля» окунуться в толщу столетий, прикоснуться к тайне здешней земли.

Не случайно, став местом паломничества горожан в выходные и праздничные дни, это место одновременно является своеобразной «исторической Меккой», привлекающей уже не один десяток лет историков, археологов, краеведов. Поистине богато и содержательно прошлое этой маленькой земли, жизнь на которой, подобно сказочной птице Феникс, временно угасая, вновь возрождалась «из пепла», символизируя связь времен и преемственность поколений.

Первобытная неолитическая стоянка каменного века; древнерусский летописный город-крепость Дубна, основанный в 1132-1134 гг. Юрием Долгоруким, защищавший западные рубежи ростово-суздальской земли и сожженный новгородцами в горниле межусобной войны 1216 года; средневековый таможенный пост – Дубенское мыто, игравший важную роль «торговых ворот» на знаменитом «малом водном ходу» по рекам Дубна, Сестра и Яхрома, связывавшим Волгу с Москвой, по водной глади которого в обе стороны шли груженные различным товаром речные суда, проходившие «таможенное оформление» на дубненском устье; позднесредневековое сельское поселение XVI-XVII вв., занимавшееся традиционным тогда на Верхней Волге рыбным промыслом и, вероятно, находившееся под эгидой дворцового ведомства – Приказа Большой казны – обо всех этих этапах истории Ратмино мы уже говорили в этой книге, а сейчас коснемся более близких к нам времен и событий.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что речь пойдет о названиях разных населенных пунктов: Ратмино и Городище, исторически взаимосвязанных между собой территориально и функционально. Место расположения села Городище – устье реки Дубны. Деревня Ратмино, ведущая свою историю с древнерусско-

го времени, располагалась немного выше по течению реки Дубны. В дальнейшем, а речь об этом пойдет ниже, топоним «Ратмино» «перекочевал» на устье реки Дубны и дал сначала одно из названий, а затем, по прошествии некоторого времени, и основное название поселению, являющемуся улицей Ратмино современного города Дубны. Кстати, здешняя местность по количеству своих названий, упоминаемых в новое время, особенно в разных письменных источниках во второй половине XIX века, поистине неординарна. Село Городище на Дубенском устье, Устье Дубенское, Устье Дубны, Дубна, имение «Дубно», «Дубна», «Дубны», Ратмино...

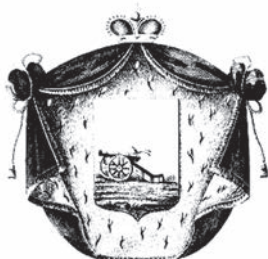
Этимология топонима Городище, весьма распространенного в европейской части России, очевидна. С течением времени древнерусские города по тем или иным причинам могли утрачивать свое значение, население их покидало, укрепления разрушались. Места, где некогда были города, стали называть городища. В свою очередь, возникающие на этих местах поселения получают аналогичное название – Городище.

В отличие от своего соседа, этимология названия Ратмино остается до конца невыясненной. Две версии наиболее вероятны. Первая, наиболее правдоподобная, исходит из того, что сельская топонимика России, как правило, была владельческой по своему характеру. В связи с этим, названия образовывались в форме притяжательных прилагательных, для чего использовались различные форманты – суффиксы. В использовании суффиксов четко просматривается определенная динамика, разные суффиксы использовались в определенные исторические периоды. Наиболее древним из числа притяжательных, по мнению специалистов, был суффикс -*ь*, хорошо известный в качестве форманта в названиях Ярославль (от Ярослава) и Владимир (первоначально Володимерь, от личного имени Володимир). Согласно данной точки зрения, топоним Ратмино возник в домонгольскую эпоху (это находит соответствие в археологических материалах) и был образован от личного славянского имени Ратмир, с основой на древнейший славянский формант -*ь* притяжательного назначения. Возможно, человек с именем Ратмир был в числе первых поселенцев, либо являлся первым владельцем этого

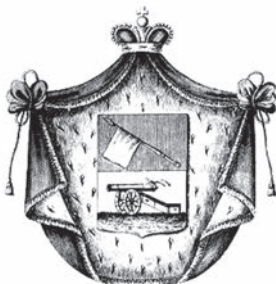
ГЕРБЪ РОДА ГРЯЗНОВО

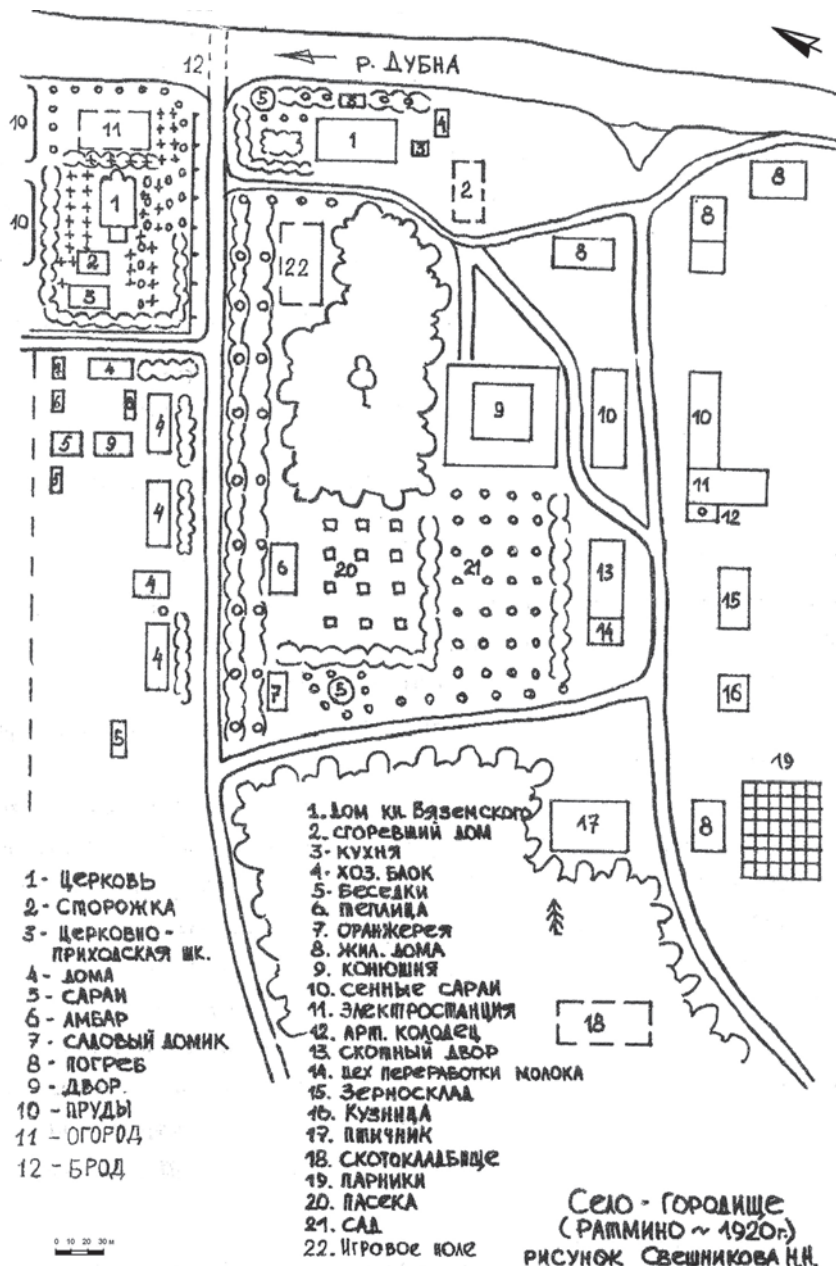

ГЕРБЪ РОДА КНЯЗЕЙ ВЯЗЕМСКИХЪ

ГЕРБЪ РОДА ТАТИЩЕВЫХЪ

План-схема ратминской усадьбы

населенного пункта. Кстати, сравнительный анализ аналогичных по структуре названий позволяет выявить их первичную исходную форму. Так, например, современный населенный пункт Ратмирово в Воскресенском районе Московской области в ранних источниках упоминается как Ратьмир, – напомним, что в писцовой книге по Дубенскому стану Кашинского уезда 1628 года Ратмино упоминается как поселение «Ратьмерь». Вторая версия наводит на мысль о связи топонима с древнерусским глаголом «рать» – пахать, обрабатывать землю.

По материалам Тверского государственного архива известно, что в 1744 г. в село Городище на Дубенском устье был назначен священник отец Игнатий Максимов. В административно-территориальном отношении село входило в Дубенский стан Кашинского уезда и принадлежало землевладельцу Василию Михайловичу Грязнову, предок которого Илья Осипович Грязный был пожалован от царя Михаила Федоровича Романова «усть-дубенской вотчиной» за «московское осадное сиденье королевича приходу» в 1627 году. В состав вотчины входили село Городище, деревня «Ратьмерь» (Ратмино) и известная нам деревня Иванькова, которая упоминается на тот период как пустошь.

После 1751-го года село уже числится за знаменитым в России дворянским родом Татищевых, берущим свое начало от князей Рюриковичей. Представители именитого дворянского рода служили верой и правдой московским великим князьям, а также удельным князьям Дмитровским. Примечательно, что подтверждением данного факта служит до сих пор сохранившееся название «Татищево» одного из сельских населенных пунктов в Дмитровском районе Московской области, которое можно увидеть, направляясь по Дмитровскому шоссе к Дубне – это одна из бывших татищевских вотчин. В первой половине XVI века некоторые Татищевы были помещены в Псковском уезде. Именно на Псковской земле в конце XVII столетия родился, пожалуй, самый выдающийся представитель известного рода, первый русский историк Василий Никитич Татищев.

Однако сам Василий Никитич не был владельцем села Городище и деревни Ратмино: имение принадлежало внучке уже упомянутого нами Василия Грязнова Авдотье Ивановне Татищевой (урожденной Грязновой), от которой оно перешло племяннику именитого историка, Ростиславу Евграфовичу Татищеву. По материалам Генерального межевания, проводимого в Тверских землях во второй половине XVIII века, известно, что в это время в селе Городище было 27 дворов, численность населения – 90 мужчин и 100 женщин, а в деревне Ратмино – 11 дворов, 41 мужчина и 39 женщин.

В 1781 году, в рамках проводимой Екатериной II губернской реформы и с появлением новых административных центров, возник новый уездный город Корчева (располагался напротив Конаково, ныне затоплен водами Иваньковского водохранилища). Имение Городище на Дубенском устье вместе с деревней Ратмино перешло из Кашинского уезда во вновь образованный Корчевский уезд Тверского наместничества (основано в 1775 году; в 1796 году преобразовано в Тверскую губернию).

Татищевы, как указывают источники, владели имением и в начале XIX столетия, пока в 1815 году не произошло весьма знаменательное событие, которое во многом определило в дальнейшем как известный нам облик Ратмино, так и судьбу усадьбы на устье Дубны. Одна из двух дочерей Ростислава Евграфовича Татищева, Елизавета Ростиславовна, вышла замуж за представителя прослав-

Иван Петрович Любомиллов – последний владелец ратминской усадьбы

Храм Похвалы Пресвятой Богородицы до 1907 года

ленного княжеского рода князя Сергея Сергеевича Вяземского, получив село Городище и деревню Ратмино в приданное.

Состоявшийся брак, надо полагать, был далеко не случаен, поскольку родовые древа Вяземских и Татищевых пересекались. И те, и другие были земляками, т.к. были связаны со смоленской ветвью князей Рюрикова дома и в целом были «выходцами» из Смоленской земли. Данный факт нашел свое отражение и в родовой геральдике – в гербах Вяземских и Татищевых фигурирует герб Смоленска.

С момента бракосочетания Вяземские становятся третьими по счету известными владельцами имения на Дубенском устье (после Грязновых и Татищевых), и главным образом, именно с ними, в первую очередь, ассоциируется Ратмино у историков и краеведов, когда заходит речь о его так называемой «новой» истории.

Родовое древо Вяземских восходит своими корнями к генеалогии князей Киевской Руси. Вяземские, являясь прямыми потомками князей Рюрика и Мономаха, были представителями высшей титулованной знати Российского государства. Как уже было сказано, в их родовом гербе на фоне княжеской мантии под княжеской короной на почетном месте располагается герб Смоленска (пушка с сидящей на лафете птицей), указывающий на бывшее земельное владение древнего княжеского рода на Смоленщине – город Вязьму (отсюда и фамилия).

Вяземские – владельцы Ратмино – относились к младшей ветви славного княжеского рода, ведущей свое начало от предка Романа Константиновича, жившего в XVII веке. Шестым коленом от него был князь Алексей Васильевич, правнук которого, действительный тайный советник князь Сергей Иванович Вяземский (умер в 1813 году) от брака с Анной Федоровной Каменской, сестрой фельдмаршала, оставил двоих сыновей. Старший – князь Михаил Сергеевич (1770-1848), шеф 13-го егерского полка в Отечественной войне 1812 года. Младший – уже упомянутый нами, генерал-майор Сергей Сергеевич (1775-1847),

Ратмино. Дом Вяземских. Вид из сада

женившийся на Е.Р. Татищевой.

На левом берегу Волги, напротив дубненского устья располагалось (как и сейчас) село Пекуново, также принадлежавшее Елизавете Ростиславовне. Между ним и селом Городище существовала переправа, доход от которой поступал в бюджет Вяземских. В «Описании Корчевского уезда Тверской губернии, рекгносцированного подпоручиком Цинциановым в 1823 году» говорится, что в Пекуново в это время было всего 3 двора. Численность населения 46 душ – 24 мужчины и 22 женщины.

В 1823 году 15 июля в селе Городище произошло трагическое событие – от удара молнии загорелась деревянная церковь по имя Похвалы Пресвятой Богородице (была построена в 1714 году). Как сообщают источники, церковь, по донесению благочинного Корчевы отца Иоанна Алексеева, «сгорела и с колокольню вся без остатка. Священнослужители того села и прихожане, коих было около 300 человек, при употреблении всех средств и стараний, не могли прекратить сильнейшего действия огня. Церковную же утварь священник Иоанн Макарьев с причетники в самой крайней опасности, когда церковь полна была дымом и чаду, ... вынесли и сохранили в целости».

На месте сгоревшей церкви 20 июня 1824 года была заложена и к 29 августа 1827 года выстроена и подготовлена к освящению со всем внутренним убранством новая каменная церковь Похвалы Пресвятой Богородице, которая стоит и поныне, радуя прихожан своей красотой. Архитектурные формы храма выполнены в традициях поздней классики первой трети XIX века (стиль ампир), органично вписываясь в окружающий ландшафт.

После смерти мужа князя Сергея Сергеевича Вяземского в 1847 году вдова Елизавета Ростиславовна решила поделить семейное наследство (земельные владения) между детьми. От их брака остались два сына и дочь. Старшему, князю

Ратмино. Дом Вяземских. 1950-е годы. Вид с реки Дубны

Александру Сергеевичу (родился в 1806 году), в числе прочих досталась и часть имения в Тверской губернии – село Городище. Раздел наследства произошел в 1851 году. Как мы можем видеть, Александр Сергеевич, будучи человеком инициативным и энергичным, получив во владение родовое имение, приступил к активной деятельности по его обустройству. Именно тогда по причине неудобного расположения (заболоченность и неплодородие почв, угроза затопления во время весенних разливов Волги), по его инициативе, деревня Ратмино была перенесена от Волги к реке Дубне (сперва деревня, а ныне – улица Александровка, одна из версий названия – по имени князя-благоустроителя). А название «Ратмино» постепенно перешло на соседнее село Городище.

В 1861 году в имении был выстроен новый помещичий дом. Дом был двухэтажный: нижний этаж кирпичный, верхний с мезонином (поэтому дом производил впечатление трехэтажного) – деревянный. При доме размещались различные хозяйственные постройки. Рядом был разбит живописный парк, устроены аллеи с каменными беседками – ротондами по периметру владений. Для того чтобы наглядно представить себе неподражаемый колорит усадьбы Вяземских, обратимся к фрагменту путеводителя «Художественные памятники Верхневолжья», увидевшего свет в 1974 году, где дается краткое описание того, что от нее на тот момент сохранилось. «Усадьба отделена от церкви аллеей. Дом здесь не главное. На простом кирпичном нижнем этаже, где лишь белокаменные клинья над окнами выдают еще живую классическую традицию, стоит рубленый из бревен, не обшитый досками второй этаж с мезонином. Даже расположение верхних и нижних окон не совпадает. Единственные нарядные детали – кованный навес над входной дверью да в нише между окнами – каменная доска с резной надписью: «построил 1861 года князь А.С. Вяземской». Дом явно построен с расчетом, чтобы смотрели не на него, а из него на живописнейшие окрест-

Ратмино (бывшее Городище) в 1960-е годы

ности. И вся усадьба... запоминается как место особой природной красоты, умело использованной создателями ее маленького парка. Золотые поля вдоль Дубны в рамке темных стволов аллеи, вид из дома на Волгу, прямую и широкую с низкими зелеными берегами, сосновый бор, полный ягод, в который незаметно переходит парк – вот главные впечатления от усадьбы».

Еще в конце 1980-х годов старожилы Ратмино восторженно говорили об удивительной красоте маленькой усадьбы, вспоминали о том, что в ансамбль усадебного парка входили даже статуи и фонтаны.

После смерти Александра Сергеевича Вяземского имение переходит в собственность его сына, рожденного от второго брака с Екатериной Львовной Олсуфьевой (урожденной баронессой Боде), Константина Александровича Вяземского (родился в 1852 году).

Очевидно, как и всякое дворянское гнездо, тем более принадлежащее знаменитому княжескому роду Вяземских, маленькая живописная усадьба на дубненском устье собирала под своей крышей различных знатных гостей, в том числе и весьма именитых представителей русской культуры и искусства того времени. Известно, что в 1870-х годах в имении «Дубно» у Константина Александровича Вяземского гостил авторитетный русский художник-пейзажист, друг основателя картинной галереи П.М. Третьякова и деятельный участник Товарищества передвижных выставок Михаил Константинович Клодт (1832-1902). Известна версия, что здесь в 1872 была написана одна из его лучших работ «На пашне».

Кстати, с множеством посещавших усадьбу гостей связана одна любопытная легенда: каждый, кто приезжал отдохнуть на лоне природы в маленьком, чарующем взор имении, считал своим долгом привезти его владельцам саженцы благоухающей сирени. Постепенно сиреневые кусты разрослись и, пережив саму усадьбу, дожили до наших дней, придавая неподражаемый колорит ратминскому антуражу. А могучий дуб, растущий в ограде, по преданию, был посажен самим князем Александром Сергеевичем Вяземским.

20 июня 1880 г. «недвижимое имение, состоящее Тверской губернии Корчев-

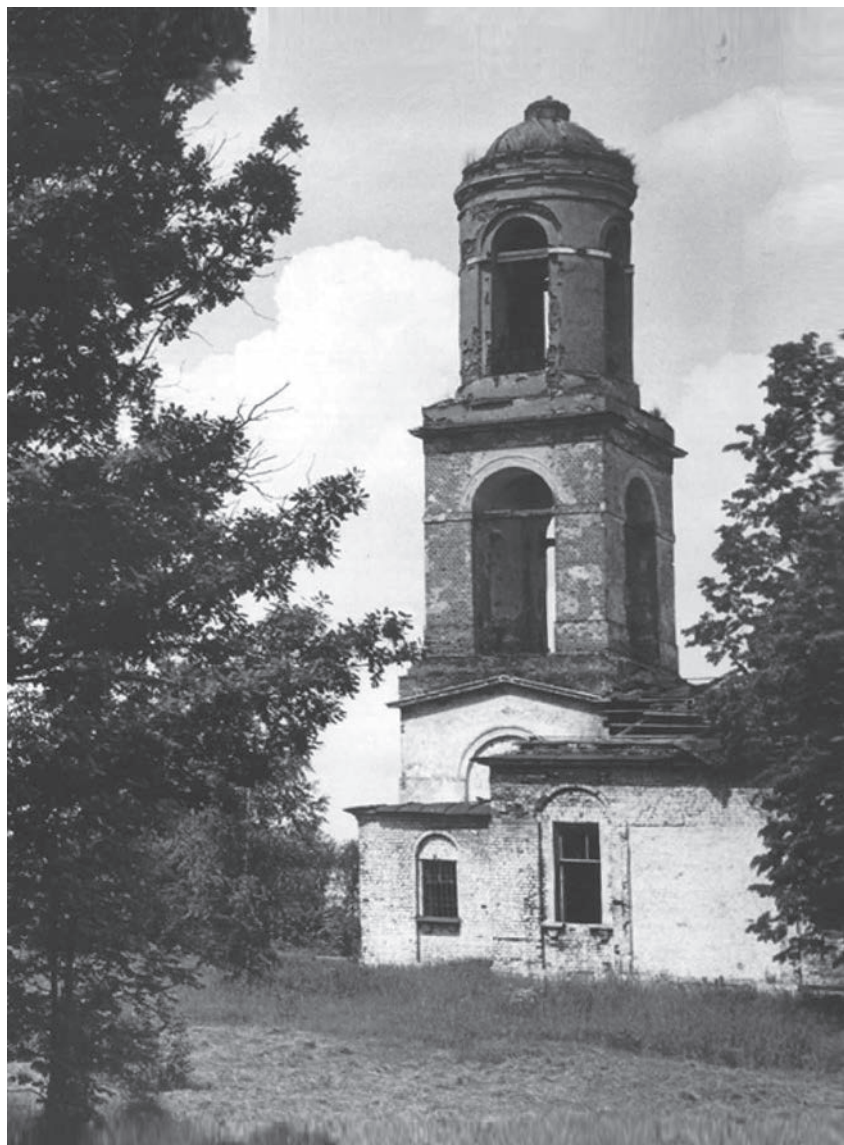
Михаил Клодт, «На пашне»

ского уезда села Городище, что на Дубне, свободное от заселения крестьянами, с землею при деревне Ратмино и населенной деревни Козлаки» было продано кандидату права Николаю Петровичу Шубинскому. Существуют сведения, что он был одним из профессоров Московского Императорского университета. Шубинский владел имением недолго. Спустя год, летом 1881 г., он продал усадьбу на устье Дубны почетному гражданину Сергею Никитичу Ганешину по купчей крепости за 48 тысяч рублей.

Известно, что село Городище в конце XIX – начале XX века являлось административно-религиозным центром локального значения – было центром местного прихода. В 1915 г. к приходу церкви Похвалы Пресвятой Богородице относились деревни Ратмино (Александровка) – 50 дворов, 163 мужчины и 152 женщины; Козлаки (Козлиха) – 9 дворов, 28 мужчин и 33 женщины. Кроме названных деревень, к приходу церкви также были прикреплены деревни Иваново (Иванькова), Пекуново (Пекуновка), Притыкино. Всего прихожан числилось 1218 мужчин и 1315 женщин. В селе с 1887 года действовала одноклассная церковно-приходская школа, в которой обучалось около 50 человек. Начальным образованием детей занимались лица духовного звания. Уроки Закона Божия вел бесплатно священник Ратминской церкви Николай Драницин, учителем был Михаил Веревкин, выпускник духовной семинарии. Материалы по Корчевскому земству Тверской губернии сообщают, что наряду с церковно-приходской школой в селе работало и земское училище, где местную молодежь обучали ремесленным специальностям.

Через село Городище проходила дорога, связывавшая уездный город Корчеву и известное торговое село Рогачево с Кимрами. Дорога шла по правому берегу Волги через все расположенные деревни. В устье реки Дубны был паром, а потом просто брод. Это место сохранилось и до наших дней – оно без особого труда угадывается на местности.

Новый владелец решил поставить на широкую ногу усадебное хозяйство. В «Сборнике статистических сведений по Тверской губернии» за 1899 год приводятся следующие данные по имению: «...По земской раскладке за владельцем

Храм Похвалы Пресвятой Богородицы до начала реконструкции

числится 1690 десятин... Имение находится в заведывании у управляющего... На 1/4 десятины усадебной земли разводятся огурцы, которые сбываются в Кимре, огороднику платят 200 руб. в год. Рогатый скот местной породы, при скотном дворе 3 скотницы (по 54 руб. в год). Лес еловый и сосновый в возрасте 40-60 лет, лесник получает 85 руб. в год. Покося по лесу и кустарнику сдаются соседним

Храм Похвалы Пресвятой Богородицы до начала реконструкции

крестьянам (рублей на 350). В хозяйстве сбываются: сено в Кимру и Корчеву по 170 пуд, рожь на мельницы по 6 $\frac{1}{2}$ рублей четверть, овес заборщикам по 45 коп. и картофель по 20 коп. меру; там же 3 свободных хозяйства. У священника пчельник в 40 колод, с каждой получает меду 5 фунтов, воску 2 фунта».

Необходимо отметить, что до революции село Городище (Ратмино) специализировалось на молочном животноводстве. Стадо молочных коров ярославской породы насчитывало 150 голов. Также разводили свиней английской породы. По информации старожила этих мест Николая Николаевича Свешникова, описавшего по памяти ратминское имение в 1920 году, в его приусадебное хо-

Внутреннее состояние храма Похвалы Пресвятой Богородицы до начала реконструкции

Ратмино в начале 1990-х

зайство входили скотный двор, цех переработки молока, теплица, оранжерея, сенные сараи, зерносклад, конюшня, пасека, кузница, птичник, электростанция, артезианский колодец.

Последним владельцем Ратмино был Иван Петрович Любимов, приобретший усадьбу в 1917 году, накануне октябрьского переворота. Примечательно, что район современной улицы Мичурина до недавнего времени сохранял название «любимовская дача». Сведения об Иване Петровиче есть в документах совхоза «Дубна» Корчевского уезда, относящихся к периоду 1918-1923 годов. Совхоз, организованный в 1918 году на основе национализированного имения Любимова, был одним из первых в области. Примечательно, что передовое хозяйство посещал видный деятель Советского государства Рыков. В начале 1930-х годов на базе домов, перенесенных из деревни Александровка, был создан колхоз «Ратмино», который занимал земли на берегу реки Волги. Земли бывшего совхоза «Дубна» были переданы в распоряжение вновь образованного колхоза «Ратмино», кроме территории бывшего имения Вяземских. По имени этого колхоза и стали называть его центральную усадьбу – Ратмино, бывшее село Городище на Дубенском устье.

Активно проводимая во второй половине 1930-х годов антирелигиозная кампания не обошла стороной и земли бывшего Корчевского уезда. 1937 год в истории Ратмино отмечен трагедией – варварским разорением церкви Похвалы Пресвятой Богородице. По свидетельствам очевидцев, храм ломали несколько дней, выносили иконы и бросали в тут же разведенный костер. Потом, в духе тогдашних традиций, в церкви открылась мастерская по ремонту тракторов, в стене храма был сделан пролом для их проезда. В течение двух лет помещение храма использовалось под мастерскую. Затем в алтарной части церкви сделали деревенский клуб, а в западной половине здания – колхозную столовую. В послевоенное время на территории бывшего ратминского имения было организовано сельскохозяйственное училище, просуществовавшее фактически до начала 1970-х годов. Именно тогда училище было перенесено в левобережную часть города.

С переездом училища жизнь на территории бывшей усадьбы окончательно останавливается. Разрушаются ротонды-беседки, хиреет парк, ветшают и уходят в небытие многочисленные хозяйственные постройки. Дом Вяземских, использовавшийся как административный корпус, пустеет и разрушается; выгорает второй деревянный этаж с мезонином. В дальнейшем остатки дома в качестве строительного материала (кирпич, бревна) поэтапно растаскиваются «благодарными потомками» на собственные нужды, для своих садов-огородов...

...Время неумолимо устремляется вперед, в будущее, все явственнее и отчетливее обнаруживая грань между прошлым и настоящим. От былого благолепия ратминской усадьбы остается все меньше и меньше следов. Заросший травой и деревьями холм выдает сохранившийся фундамент господского дома с сияющим провалом арочного входа в подвал, где еще «жива» старая кирпичная кладка подвальных стен и потолка. Чудом уцелела каменная плита «Построил князь Ал.(ександр) Серг.(еевич) Вяземской 1861 г.(ода)», сбереженная «ратминским краеведом и хранителем» Н.Н. Свешниковым, которая ныне украшает экспозицию Дубненского музея археологии и краеведения...

...Бесноватый ветер гуляет по заросшим аллеям старого парка-призрака, в

котором нет-нет да появляются тени прошлого. Высохшие вековые дубы – живые свидетели истории – подобно сказочным исполинам на речном берегу стоят руины барского дома. Взирая с укором на происходящее, заставляя хотя бы своим существованием задуматься о вечных непреходящих ценностях – добре, справедливости, памяти. И если, находясь в Ратмино, абстрагироваться от изумительной природной идиллии и порождаемой ею поэтической вдохновенности – на сердце вдруг становится грустно и тяжело.

Как говорится в Писании: «Время разбрасывать камни, и время собирать камни». Быть может, когда-нибудь жители подмосковной Дубны осознают глубинный смысл этой сакраментальной сентенции и воскресят историю Ратмино, организовав не на словах, а на деле историко-культурный музей-заповедник. Заново отстроят вяземский дом, где могла бы разместиться экспозиция замечательного музея об удивительном прошлом этих мест и который стал бы еще одним городским очагом культуры; восстановят старый усадебный парк с прекрасными беседками, по аллеям которого будут прогуливаться дубненцы со своими детьми под благодатное пение птиц. И они будут рассказывать им о том, как столетие назад здесь по тенистым парковым дорожкам дефилировали милые барышни, приехавшие погостить в дубненскую усадьбу от забот и столичной суеты, в кружевных шляпах, с парусиновыми зонтиками от солнца, читая томик стихов божественного Гете...

Безусловно, именно из таких живописных уголков, разбросанных по всей матушке-России, и складывается представление о красоте нашей природы, величии национальной истории, самобытности и богатстве отечественной культуры. Именно в них предстает загадочность и глубина русской души. И если жители Дубны нашли в себе силы отыскать «дорогу к Храму», восстановив ратминскую церковь, то теперь осталось найти дорогу к нашей истории, восстановив связь времен, воскресив полузабытое и разрушенное прошлое нашего края, нашей малой Родины.

Загадка третьей усадьбы: Прислон

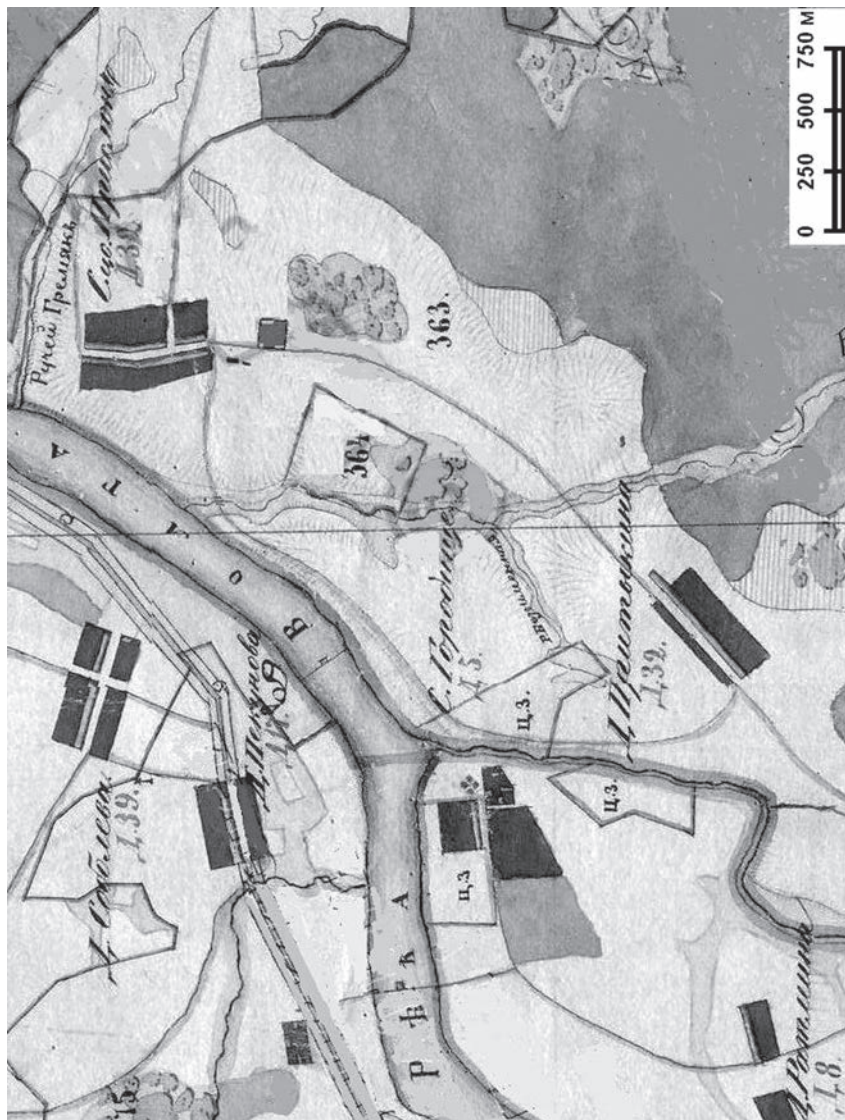
Дубненским краеведам хорошо известны две дворянские усадьбы, располагавшиеся на территории нашего края: Дубна (она же – ратминская усадьба) и Пекуново. Однако краеведческие изыскания, проведенные нами в последние годы, привели к неожиданному открытию. Судя по всему, в окрестностях Дубны в дореволюционные годы существовало не две, а три дворянские усадьбы. Третья усадьба располагалась на правом берегу Волги, по правому берегу речки Симежь (Ситнишь), на территории современного поселка Прислон Кимрского района Тверской области. Она принадлежала А.Н. Роберу, и информацию о ней мы обнаружили благодаря помощи его праправнука Константина Семенова, жителя Санкт-Петербурга, активно занимающегося генеалогическими изысканиями.

Свидетельством существования в окрестностях Дубны третьей дворянской усадьбы является, прежде всего, топографическая карта Тверской губернии, составленная в 1850-е годы А.И. Менде на основании полунструментальной съемки, выполненной с использованием материалов Генерального межевания Российской империи. На карте масштаба одна верста в одном дюйме (что соответствует 420 м в 1 см) населенный пункт Прислон назван селцом. Как известно, селцом в дореволюционной России именовалось сельское поселение без церкви, но с двором землевладельца либо часовней; как правило, селцо представляло собой небольшое поселение, включавшее в себя усадьбу помещика и несколько крестьянских изб, в которых проживала его обслуга.

На карте хорошо виден отдельно стоящий комплекс строений, расположенный в южной части селца Прислон. Вероятно, именно этот комплекс и представлял собой дворянскую усадьбу Роберов.

Ее первым владельцем был Александр Николаевич Робер (1819-1880) – директор училищ Тверской губернии и Тверской гимназии. После его смерти имение в Прислоне отошло его сыну Николаю. В книге описей частновладельческих имений 1920 г., хранящейся в Государственном архиве Тверской области (ГАТО, ф. Р-2898, оп. 1, док. 145, с. 123), содержится следующая запись: «Прислон, Притыкино, Троицкая. Талдомская волость, Калязинский уезд. Владелец – Робер Николай Александрович», что подтверждает расположение в Прислоне усадьбы Роберов.

Итак, три дворянских имения располагались в XIX веке в окрестностях устья Дубны – имения Мамонтовых, Роберов и Татищевых (позднее – князей Вяземских). Пространственным и культурным центром этой группы имений являлась Ратминская стрелка – мыс, образованный при впадении реки Дубны в Волгу, на котором располагалось село Городище и находилась единственная в ближайших окрестностях православная церковь – Храм Похвалы Пресвятой Богородицы, построенный еще 1827 году и сохранившийся до настоящего времени, в отличие от строений дворянских усадеб, которые оказались разрушены во время бурных событий двадцатого века.

Окрестности устья реки Дубны на карте А.И. Менде. 1850-е годы

Жившие в трех имениях дворянские семьи активно общались друг с другом, результатом чего стали связавшие их родственные узы. Екатерина Робер, одна из четырех дочерей Александра Николаевича Робера и его супруги Софьи Михайловны, урожденной Грановской, в 1868 г. вышла замуж за Ивана Николаевича Мамонтова (1846-1899), владельца усадьбы в Пекуново, и родила от него семерых детей.

Софья Александровна, урожденная Робер, и ее первый муж Дмитрий Татищев

Другая дочь Роберов, Софья, первый раз вышла замуж около 1870-71 гг. за Дмитрия Татищева из рода Татищевых, которым с 1777 по 1806 гг. принадлежала усадьба в селе Городище. После его смерти в 1878 г. она еще раз вышла замуж, за Владимира Дмитриевича Синицына, выпускника медицинского факультета Московского университета. Они с мужем часто гостили у Ивана Николаевича Мамонтова и сестры Софьи, Екатерины Александровны, о чем свидетельствуют сохранившиеся фотографии, любезно предоставленные нам К.С. Семеновым.

Федор Колоколов – уроженец села Городище на Дубенском устье

Один из жителей Дубненского края второй половины XVIII – начала XIX вв. получил достаточно широкую общероссийскую известность. Это переводчик Федор Иванович Колоколов, родившийся около 1750 г. в селе Городище на Дубенском устье, в семье небогатого сельского священника. Он рано научился грамоте, много и с увлечением читал. Домашнее образование Федор Колоколов продолжил в Тверской духовной семинарии, после ее окончания работал учителем в Новгородской духовной семинарии, однако был вынужден уволиться оттуда из-за конфликта с руководством – говорили, что он пострадал за свой характер. Впоследствии служил губернским секретарем в Тверской почтовой конторе, скончался в начале 1800-х годов в возрасте пятидесяти с небольшим лет.

С ранних лет Федор Колоколов увлекся литературной деятельностью и проявил на этом поприще недюжинные таланты. Обучаясь в семинарии, он сочиняет стихи и рассказы, активно пробует свои силы в переводах. Полностью его талант раскрывается позднее – когда, остро переживая конфликты и проблемы на работе, он начинает с головой уходить в литературную деятельность. Впоследствии переводы, которые Федор Колоколов писал «в стол», без намерения их опубликовать, издаются и становятся известными в российском обществе.

В XVIII веке, когда традиция светского литературного сочинительства в России только еще становилась, Федор Колоколов стал одной из ярких литературных фигур российской провинции. Свою непростую судьбу он превратил в стимул для творческой литературной работы – так же, как это сделал когда-то его любимый античный автор Овидий, переводы которого и принесли Колоколову литературное признание.

В 1796 году в Смоленске были изданы выполненные Федором Колоколовым переводы «Скорбных элегий» и отрывка из поэмы «Ибис» Овидия (опубликованы под названием «Овидия Назона Избраннейшия печальные елегии. Переложены прозою в Твери Федором Колоколовым»). Он первым выполнил качественный литературный перевод этих знаменитых произведений на русский язык не с французского, как это было принято, а с латыни – с языка оригинала. Колоколов усматривал сходство своей судьбы с драматической судьбой Овидия, как пишет он в предисловии к изданию: «Цель моя, с которою я в досужное время упражнялся в переложении печальных Назоновых Елегиев прозою, была единственно домашняя утеха моя в злосчастной некоей доли моей. Подлинно яд скуки, разлившийся коварною рукою по всем членам моим, расторгал спокойные движения сердца моего, но острые впадения ума сего сладчайшего песнопевца, пылкий оборот его мыслей, его неподражаемое витийство, его не принужденные, но свободною струею текущая прекрасная мнения, и самая печальные ощущения его, по многим видам сообразныя чувствованиям моим, на-

Элегии Овидия. Перевод Ф.И. Колоколова. Издано в Смоленске в 1796 году

полняли дух мой, во время стенаний моих, чистым и несмущенным веселием».

Перевод Овидия Федором Колоколовым на русский язык может считаться одним из классических. В 1906 году Павел Николаевич Черняев, профессор Императорского Варшавского университета, характеризует переводы Федора Колоколова как «крупное явление в нашей переводной литературе». Он пишет в своем исследовании, посвященном истории русских переводов античных поэтов и писателей: «Федор Колоколов нисколько не походил на обычных, так сказать, официальных переводчиков: он переводил элегии Овидия, потому что в этом переводе находил источник наслаждения, и печально настроенная муза римского поэта-изгнанника как нельзя более гармонировала с тревожным душевным состоянием русского переводчика, судьба которого, как можно догадываться, не была завидной». По мнению П.Н. Черняева, изданный в 1796 г. перевод «Скорбных элегий» и отрывка из поэмы «Ибис», выполненный Федором Колоколовым, относится к «лучшим из немногочисленных провинциальных изданий» Овидия.

Личность и творчество нашего земляка Федора Колоколова актуализировала в современной культуре замечательный специалист по истории русской литературы Ирина Юрьевна Фоменко, заведующая сектором формирования и научной обработки фондов Музея книги Российской государственной библиотеки.

Дом Пашкова. Здесь хранится рукопись Ф.И. Колоколова

Она первой опубликовала анализ философско-публицистического труда Федора Колоколова «Меланхолические домашние мои рассуждения», написанного в Твери; рукопись которого хранится в Российской государственной библиотеке. Особенно значимыми в этом произведении И.Ю. Фоменко считает литературные образы, ярко и выразительно рисующие быт российского провинциального чиновничества, его социальную психологию. По ее мнению, именно в прозе Колоколова «возникают фантазмагорические мотивы, характерные в дальнейшем для русской традиции описания чиновничества, от Гоголя до Достоевского».

Рукопись Федора Колоколова «Меланхолические домашние мои рассуждения» хранится в фондах музейного собрания Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (инвентарный номер М.10852). Она была передана в библиотеку Т.Н. Волковой в 1947 г. Рукопись

выполнена на бумаге 1794 года, заключена в картонный переплет с кожаным корешком, состоит из 66 листов и находится в не очень хорошем состоянии – чернила выцвели, многие листы повреждены; однако почти весь текст можно прочитать.

На форзацах рукописи и на оборотных сторонах некоторых листов присутствуют пробы пера и надписи разных лиц – родственников, соучеников и сослуживцев автора, сделанные в 1811, 1822 и других годах. На первом листе рукописи помимо имени автора и названия рукописи обозначены также названия нескольких населенных пунктов – Москва, Ржев, Тверь и Старица. В записях на обратных сторонах листов рукописи несколько раз указана должность ее автора «Губернский секретарь Федор Колоколов», а также место его учебы: «Тверской семинарии философии студент Федор Колоколов».

Рукопись «Меланхолические домашние мои рассуждения» датирована 1799 годом. В ее начало вклеено дарственное письмо к брату автора, священнику Алексею Ивановичу Колоколову, выполненное на бумаге 1798 г. Автор говорит в нем о том, что дарит брату сочинения, «писанные мною во время скуки». Рукопись разделена автором на 33 главы: «Канцелярия», «Скука», «Осень», «Свеча», «Досада», «Стенные часы», «Дружество», «Вера», «Гордость», «Страшный суд», «Зеркало», «Любопытство» и т.д. Она содержит рассуждения на религиозные темы и темы нравственного характера, а также заметки о значении некоторых вещей и явлений в жизни человека, о собственной жизни автора и о его работе. В тексте рукописи нам предстает образ автора как человека глубоко верующего, склонного именно в искренней вере усматривать единственное подлинное основание всякой человеческой деятельности.

В рукописи присутствует два стихотворения автора: «Благодарственная песнь Богу» и ода, написанная на вступление на престол Павла Первого и содержащая достаточно интересные метафоры и хвалебные образы:

Блеск российския державы
Очи бранные слепит
Там, на первом в свете троне
В лучезарнейшей короне
Первый Павел восседит.
Правит царствия судьбами
Правит миром и сердцами
Взором бури укрощает
Словом милость источает
Он есть Царь, Краса всего.

В примечании к главе «Не гожусь я быть секретарем» на листе 55 автор пишет: «Родина моя есть село, называемое Устье Дубны, где Дубна река впадает в Волгу» (подчеркивание автора). Это село, как известно, носило также название «Городище», сейчас это улица Ратмино в восточной части города Дубна. Здесь Федор Иванович Колоколов провел первые одиннадцать лет своей жизни – до начала учебы в Тверской духовной семинарии, сюда же он неоднократно возвращался – проведать своих родителей. Им посвящены две специальные главы рукописи: «Долгоденствуй, родительница моя» и «Родитель мой в душе моей живет», в которых автор говорит об отце и матери с благодарностью и сердечным умилением.

Из них мы узнаем, что отец Федора Колоколова, священник Усть-Дубненской церкви Иван Колоколов, был человек, проникнутый подлинным христианским духом. Автор пишет, что он «был без суеверия набожен, без любочестия милостив, всем и самым малым всегда был доволен. <...> Враги за то только и ненавидели его, что он был истинный последователь тому, который оставил всем нам образ свой, да последуем ему. <...> Они за то гнали его, что он не был никогда причастником развращенности их. <...> Я сам во время юности моей собственными ушами слышал, как он за врагов своих и в церкви и дома молился, и других учил молиться так: Господи, не поставь им сего во грех, Господи, не помню пред тобой нанесенные мне обиды и всякие удручения, Господи, прости их и помилуй по великой Милости твоей».

Одна из глав рукописи посвящена младшему брату автора Алексею Колоколову. Как пишет автор: «Я первый плод чрева матери моей, а брат мой сей есть последний». Из этой главы мы узнаем, что Алексей в юности учился медицине и был военным врачом во время суворовских походов. С чувством искреннего восхищения старший брат вспоминает о том, как Алексей «на ратном поле помогал каким-либо искусством своим за веру и отечество израненным, изувеченным». Из записей на оборотах листов мы узнаем, что позднее Алексей Колоколов был священником в селе Кимры и благочинным Корчевского уезда. Судя по записям, именно в семье Алексея и хранилась данная рукопись в XIX в.

Записи, сделанные, вероятно, рукой его родственников, повествуют о смерти Алексея. Так, на оборотной стороне листа 40 написано: «Благочинный Корчевского уезда, села Кимры церкви Живоначальной Троицы, священник Алексей Иоаннович помре 1810 года декабря 1-го дня, что было в первом часу пополудни. Со святыми упокой Христе душу раба твоего иерея Алексея <...> и сотвориша ему вечную память! Вечная память!». В другой надписи добавляется «а его от роду 46 лет и десять месяцев», из чего следует, что младший брат Федора Колоколова Алексей родился в январе или феврале 1766 г.

Другая надпись, на обороте листа 43, повествует о смерти самого автора: «Сочинитель <...> Федор Иванович Колоколов преставился 1808-го года декабря 5-го дня в городе Зарайске, коему будет вечная память». 5 декабря 1808 г. по действовавшему в то время в России юлианскому календарю соответствует 17 декабря 1808 г. по принятому в настоящее время григорианскому календарю. Таким образом, 17 декабря 2011 года исполнится 203 года со дня смерти Федора Колоколова.

Современная Дубна: 50 лет объединенному городу

13 декабря 2010 г. городу Дубне исполнилось 50 лет. Очень странное заявление, не правда ли? Ведь 50-летие Дубны уже отмечалось в 2006 году, не многовато ли юбилеев у одного города? Однако и во втором юбилее есть очень серьезный смысл – это юбилей объединения в единый город правобережной и левобережной частей Дубны, юбилей совместной жизни дубненцев из институтской части, с Большой Волги и Тридцатки.

В июле 2006 г. праздновалось 50-летие с момента создания города Дубна в границах нынешней Институтской части города. 24 июля 1956 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ: «Преобразовать рабочий поселок Дубно Калининской области в город областного подчинения, сохранив за ним прежнее наименование». Так называемый «рабочий поселок» представлял собой недавно созданный научный городок физиков – сейчас это историческое ядро институтской части Дубны.

Первым событием, которое привело к созданию в рамках атомного проекта научного центра, ставшего впоследствии основой институтской Дубны, было письмо И.В. Курчатова, научного руководителя атомного проекта, начальнику проекта, председателю Специального комитета при Совнаркоме СССР Л.П. Берии. Оно датируется 26 января 1946 года и хранится сейчас в архиве Президента России. В этом письме И.В. Курчатова предлагает для развития физических исследований создать мощный циклотрон, который позволил бы получить энергию частиц выше, чем на самом мощном из имеющихся на тот момент в мире ускорителей – циклотроне Лоуренса. В качестве обоснования необходимости создания такой установки Курчатова пишет о перспективах открытия на ней новых элементов и новых способов получать атомную энергию из более дешевых источников, чем уран.

19 февраля 1946 года Специальный комитет образовал комиссию, которой поручил выбрать место для строительства циклотрона и подготовить проект постановления Совнаркома об его сооружении. 7 августа 1946 года состоялось заседание Специального комитета, на котором в качестве места для этого строительства был выбран район Ивановской ГЭС.

13 августа 1946 года председатель Специального комитета Л.П. Берия обратился к председателю Совета министров СССР И.В. Сталину с письмом, в котором изложил предложения по созданию мощного циклотрона в районе Ивановской ГЭС. В качестве обоснования необходимости строительства этой установки он указал, что «по утверждению наших ученых, академиков Курчатова, Вавилова, Алиханова, профессоров Скобельцына, Арцимовича и других, нынешний уровень знаний об атомном ядре и космических лучах позволяет предполагать, что при помощи частиц, ускоренных до энергии 250 миллионов вольт и выше, можно перейти к открытиям новых физических явлений (открытию новых элементов, новых способов получать атомную энергию из более дешевых источников, чем уран)».

председателю исполкома Дубновского городского
Совета Калининской области

*в дело
14/5-1957*

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О преобразовании рабочего посёлка
Дубно Калининской области в город
областного подчинения

Преобразовать рабочий посёлок Дубно Калининской области в
город областного подчинения, сохранив за ним прежнее наименование.

Председатель Президиума
Верховного Совета РСФСР

М. ТАРАСОВ

Секретарь Президиума
Верховного Совета РСФСР
(М. ЗИМИН)

Зимин

Москва, 24 июля 1956 года

д. № 762/14

В этот же день Совет министров СССР принял секретное постановление №1764-766сс «О строительстве мощного циклотрона (установки «М»)). Осенью 1946 года в окрестностях деревни Ново-Иваньково начались подготовительные работы к строительству синхроциклотрона, ставшего первым дубненским ускорителем, и созданию научного поселка, составившего основу институтской части современной Дубны. Эти работы возглавил генерал-майор МВД А.П. Лепилов, научное руководство ими с 1947 года осуществлял М.Г. Мещеряков, его заместителем стал В.П. Дзелепов.

СОВ. СЕКРЕТНО
(Особая папка)

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1764-766сс
от " 13 " августа 1949 г. Москва, Кремль.

О строительстве мощного циклотрона (установки "М")

В целях дальнейшего развития научных исследований в области атомного ядра Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Принять предложение академиков Вавилова, Курчатова, Алиханова и профессоров Скобелевца и Арцимовича о строительстве мощного циклотрона (установки "М") с электромагнитом, имеющим следующие основные параметры:

вес электромагнита – 6-7 тыс. т
диаметр полюсов – около 5 000 мм
воздушный зазор между полюсами – 1 000-1 200 мм
индукция в воздушном зазоре – 14 000 гаусс

2. Утвердить:

а) место строительство мощного циклотрона (установки "М") – район Ивановской ГЭС;

б) срок окончания сооружения установки "М" и организации лаборатории при ней – I кв. 1949 г.

5. Разрешить Академии наук СССР (т.Вавилову) организовать при Физическом институте Академии наук СССР специальную лабораторию (лабораторию №11) по использованию установки "М".

Принять предложение т.Вавилова о назначении руководителем лаборатории №11 проф.Скобелевца Д.В. и его заместителем проф.Векслера В.И.

8. Утвердить начальником строительства установки «М» (строительство №833 МВД СССР) т.Лепилова А.П.

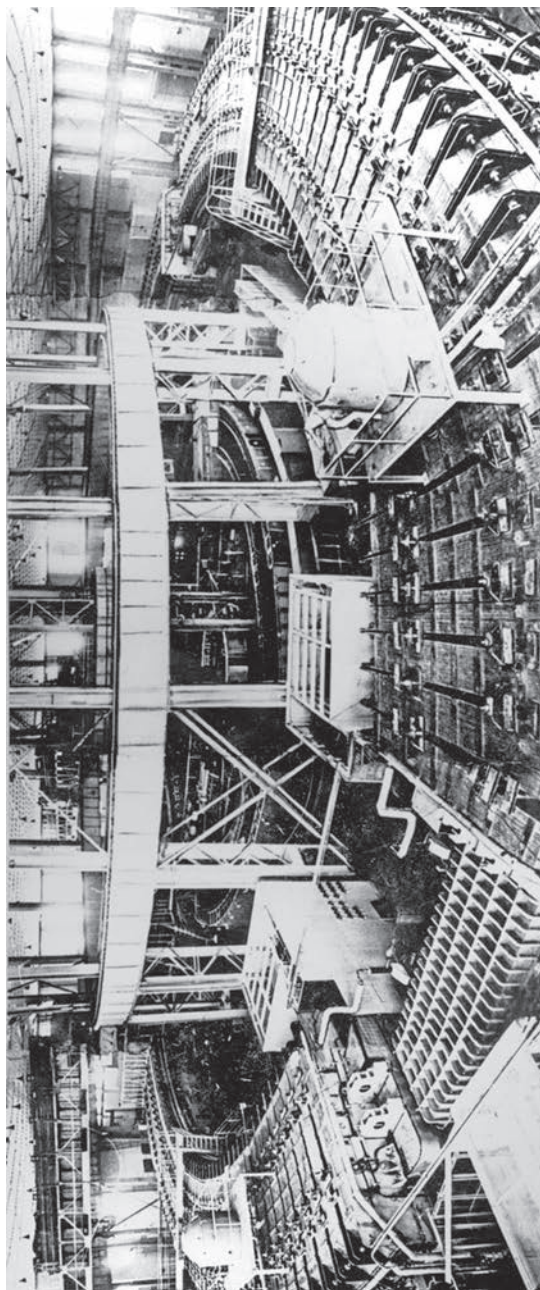

Председатель
Совета Министров Союза ССР

Управляющий делами
Совета Министров СССР

И. Сталин
Я. Чадаев

14 декабря 1949 года состоялся пуск синхроциклотрона. Еще раньше этой даты для организации исследований на ускорителе была организована Гидротехническая лаборатория (ГТЛ), преобразованная позднее в Институт ядерных проблем АН СССР (ИЯП). В 1951 году на другой площадке, в стороне от синхроциклотрона, начались подготовительные работы к созданию принципиально

Синхрофазотрон – второй дубненский ускоритель. Ядро магнита

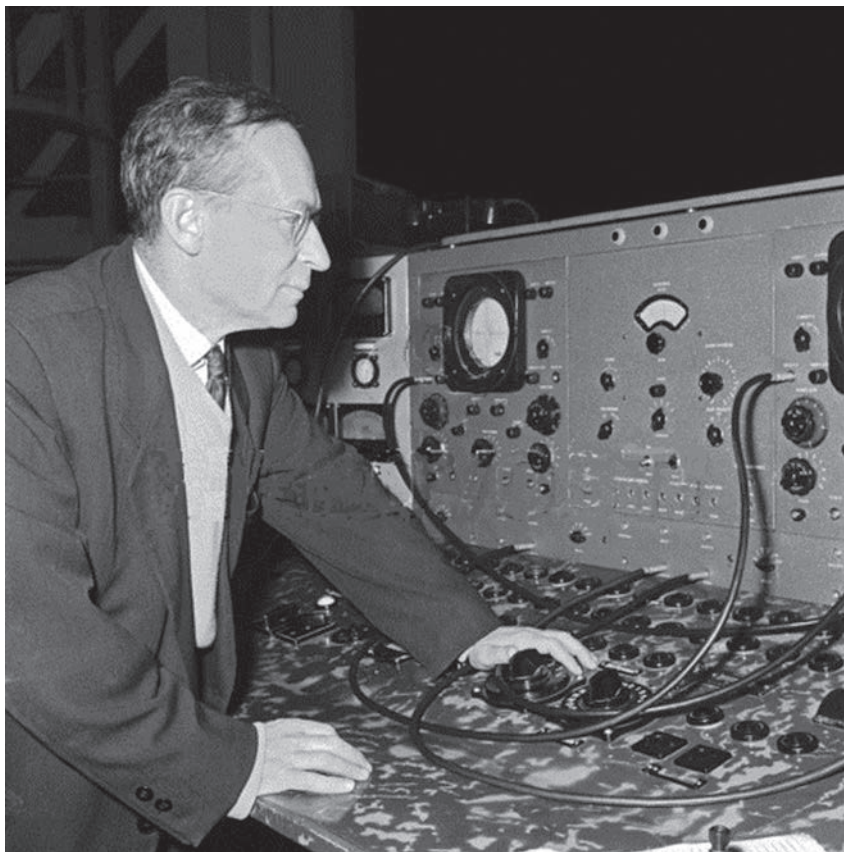

Здание синхроциклотрона – первого дубненского ускорителя.

Здание синхрофазотрона – второго дубненского ускорителя

нового ускорителя, синхрофазотрона. Руководителем этого проекта стал В.И. Векслер. На базе строящегося ускорителя была создана новая научная организация – Электрофизическая лаборатория АН СССР (ЭФЛАН). В 1956 году на базе этой лаборатории и Института ядерных проблем был образован международный научный центр – Объединенный институт ядерных исследований. Решение

В.И. Векслер у пульта управления синхрофазотроном. Декабрь 1959 года. Фото Давида Шоломовича

о его создании было принято представителями одиннадцати стран-учредителей 26 марта 1956 года.

Строительство посёлка физиков при возводимых научно-технических установках началось на окраине деревни Ново-Иваньково в 1947 году. В 1954 году этот посёлок был рассекречен и получил официальное наименование «рабочий посёлок Дубно», а 24 июля 1956 года указом президиума Верховного Совета РСФСР он был преобразован в город Дубно.

Уже через два месяца, 22 сентября 1956 г., президиум Верховного Совета РСФСР издал новый указ: «О расширении черты города Дубно Калининской области и передаче его в состав Московской области». Согласно этому указу, в состав нового города были включены населённые пункты Большая Волга, Александровка, Козлаки, Ново-Иваньково, Ратмино и Юркино.

25 декабря 1957 г. Московский облисполком ходатайствовал перед Президиумом Верховного Совета РСФСР об уточнении названия города. В справке, приложенной к этому ходатайству, говорится: «Правильное наименование этого

Председателю исполкома Дубновского городского
эта Московская область

исполкома и
руководителя
исполкома
11/2-1956 г. *т.б.*

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О расширении черты города Дубно
Калининской области и его передаче
в состав Московской области

Включить в городскую черту города Дубно населённые пункты "Большая Волга" Ивановского поселкового Совета, Александровка, Козлаки, Ново-Иваньково, Ратмино и Юркино Александровского сельсовета Кимрского района Калининской области.

Упразднить Александровский сельсовет Кимрского района Калининской области.

Передать город Дубно Калининской области в состав Московской области.

Председатель Президиума
Верховного Совета РСФСР М. ТАРАСОВ

Секретарь Президиума
Верховного Совета РСФСР
(И. Зимин)

И. Зимин

Москва, 22 сентября 1956 года

д. № 751/21

города следует считать Дубна, так как город назван по реке Дубне, на берегу которой он расположен». 8 января 1958 г. был издан указ Президиума Верховного Совета РСФСР: «Город Дубно Московской области впредь именовать городом Дубна». Так Дубна окончательно стала Дубной.

Но это была еще далеко не вся современная Дубна: в левобережной части

Деревня Ново-Иваново. Аэрофотоснимок. 1942 год

нынешнего города в те годы располагался рабочий поселок Иваново со своей историей возникновения.

16 июня 1931 г. пленум ЦК ВКП(б) принял решение о строительстве канала Москва-Волга. Строительные работы начались в июне 1932 г. 21 сентября 1933 г. в деревню Иваново (сейчас на ее месте находится шлюз № 1) прибыли первые организаторы строительства Волжского гидроузла. Во главе этой группы стоял К.К. Крипайтис, работавший ранее на строительстве Беломоро-Балтийского канала. А 25 сентября 1933 г. в окрестностях Иваново причалили две баржи с тремя сотнями заключенных и их охраной – первый этап каналаармейцев

Деревня Иваньково. 1933–34 годы. Разбор домов для перемещения их на новое место

в эту местность. Они основывают лагерь, с которого и начинается населенный пункт Большая Волга.

В апреле 1937 г. Иваньковское водохранилище заполняется водой, начинает работать первая турбина Иваньковской ГЭС. 4 июля 1937 г. опубликовано постановление Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) «Об окончании строительства канала Москва–Волга». Согласно этому постановлению, с 15 июля 1937 г. канал открывается для грузового и пассажирского движения. После завершения строительства канала на Большой Волге жил персонал, работавший на Иваньковской ГЭС и объектах Волжского района гидросооружений, а также сотрудники Московского пароходства, осуществлявшие грузовое сообщение по Волге и по каналу.

В июле 1936 г. был утвержден разработанный Гипроавиапромом проект нового авиационного завода, который было решено строить на левом берегу Волги, между Иваньковской ГЭС и селом Подберезье. В мае 1937 г. начинается его строительство под наименованием «завод № 30», а 10 июля 1939 г. первая пусковая очередь завода вводится в эксплуатацию. Название «завод № 30» сохранялось до 1942 г., а в топонимике современной Дубны существует до сих пор как обозначение всей левобережной части города – Тридцатки.

В том же 1937 г. при заводе начинается строиться поселок. 10 октября 1937 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет под председательством М.И. Калинина принимает постановление об отнесении к числу рабочих поселков населенного пункта, возникшего на месте бывшей деревни Иваньково. В постановлении сказано: «Отнести к категории рабочих поселков населенный

Деревня Ново-Иваньково. 1934 год. На новом месте. Клуб

Деревня Ново-Иваньково. 1956 год

Дубна, институтская часть. 1960-е годы.
Улица Комсомольская (Блохинцева). Школа №4 и дома деревни Ново-Иваньково

Дубна, институтская часть, район МСЧ-9. Один из последних домов деревни Ново-Иваньково.
Фото Ю.А. Туманова

Строительство канала Москва-Волга

пункт Ивановково при Волжских гидросооружениях Кимрского района Калининской области, сохранив за поселком его прежнее наименование. Включить в черту рабочего поселка Ивановково территорию при Волжских гидросооружениях, Пекуновского винокуренного завода, строительства завода № 30 и селений Подберезье и Крева с их сельскохозяйственными землями». Под «территорией при Волжских гидросооружениях» в данном постановлении понимается то же, что в некоторых более поздних документах именуется «населенным пунктом Большая Волга».

В ноябре-декабре 1941 г. немецкие войска были остановлены в 20 км от плотины Ивановковского водохранилища. Командование вермахта предприняло попытку нанести удар в тыл советским войскам, переправив свои части по льду через водохранилище. Работникам Ивановковской ГЭС удалось в 40-градусный мороз поднять водяные ворота плотины и существенно увеличить сброс воды из водохранилища, в результате чего лед на водохранилище лопнул и попытка переправы немецких войск была сорвана.

Рабочий поселок Ивановково, состоявший из левобережной и правобережной частей, существует вплоть до 22 сентября 1956 г., когда его правобережная часть – Большая Волга, в соответствии с указом президиума Верховного Совета РСФСР, была включена в состав созданного 24 июля 1956 г. города Дубно. Одна-

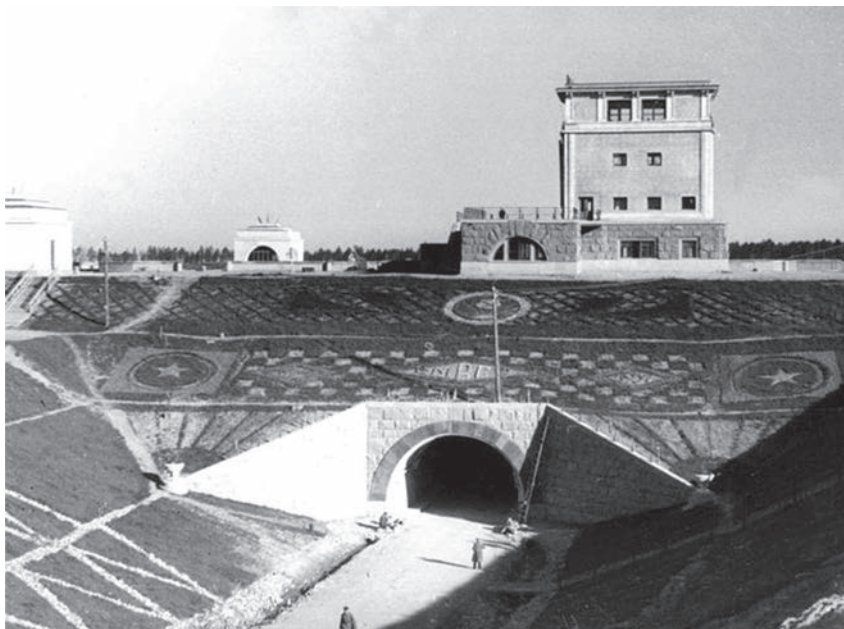

Гидроузел. Большая Волга. Ивановково. Аэрофотоснимок 21 сентября 1942 года

ко меньше чем через два года, 22 мая 1958 г., Большая Волга была выведена из состава Дубны и опять присоединена к Ивановково.

История объединения Дубны и Ивановково в один город была непростой. 20 февраля 1958 г. президиум Верховного Совета РСФСР издал указ от передаче рабочего поселка Ивановково из Калининской области в Московскую. 4 марта 1958 г. Исполнительный комитет Московского областного совета депутатов трудящихся принял следующее решение: «принимая во внимание то, что рабочий поселок Ивановково непосредственно примыкает к границам города Дубна Московской области <...> включить рабочий поселок Ивановково в черту города Дубна... О настоящем решении довести до сведения Верховного Совета РСФСР». Таким образом, в марте 1958 г. Ивановково было присоединено Дубне. Однако на практике реализовать это решение местные органы власти не успели, поскольку уже в следующем месяце оно было отменено, а рабочий поселок Ивановково преобразован в город с тем же названием.

28 апреля 1958 г. Исполком Мособлсовета отменяет свое предыдущее реше-

Тоннель под шлюзом № 1. Конец 1930-х годов

ние от 4 марта и просит Верховный Совет РСФСР «преобразовать рабочий поселок Иваньково <...> в город областного подчинения, сохранив за ним прежнее наименование; включить в черту города Иваньково населенный пункт Большая Волга, исключив его из территории города Дубна». 22 мая 1958 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издает соответствующий указ – и с этого момента на карте Московской области появляется новый город Иваньково. А 5 июля того же года проходит первая сессия Иваньковского городского Совета депутатов трудящихся. В ней участвует 41 депутат: 34 – от левобережной части нового города и 7 – от правобережной, от Большой Волги.

В течение двух с половиной лет (с мая 1958 г. по декабрь 1960 г.) города Дубна и Иваньково являются соседями. По данным общесоюзной переписи населения, в 1959 году в городе Дубне проживало 14,0 тыс. человек, а в городе Иваньково – 18,6 тыс. человек.

В это время Дубна активно развивается как международный научный центр. Практически вся жизнь Дубны тех лет строилась вокруг Объединенного института ядерных исследований, созданного одиннадцатью странами-учредителями 26 марта 1956 г. на базе Института ядерных проблем АН СССР и Электрофизической лаборатории АН СССР. 15 марта 1957 г. в ОИЯИ запущен новый ускоритель – синхрофазотрон, с максимальной энергией ускоренного пучка 10 ГэВ. До 1960 г. он оставался наиболее мощным ускорителем элементарных частиц в мире. Синхрофазотрон становится не только важнейшей исследовательской установкой, но и одним из главных символов развития всей советской науки.

Город Иваньково не претендует на мировую известность, но он имеет гораз-

Большая Волга. 1942 год. Аэрофотоснимок. Здание госпиталя 30-й армии
(в настоящее время – школа № 2)

Памятник И.В. Сталину

до большее, чем Дубна тех лет, повседневное народнохозяйственное значение. Институтская Дубна создает фундаментальные научные знания, а Ивановско производит электроэнергию, осуществляет снабжение Москвы водой, обеспечивает грузовое и пассажирское движение по Волге и каналу им. Москвы. Здесь ведется технологическое освоение и производство управляемых крылатых ракет и самолетов различных классов. Специалисты филиала опытно-конструкторского бюро 155-1 (позднее, с 1966 г. – МКБ «Радуга») под руководством А.Я. Березняка именно в эти годы работают над модификациями созданной ими

Процесс разрушения памятника И.В. Сталину, 1961 год. Уменьшенная копия этого памятника до сих пор стоит в Москве, в Парке Искусств на Крымской набережной

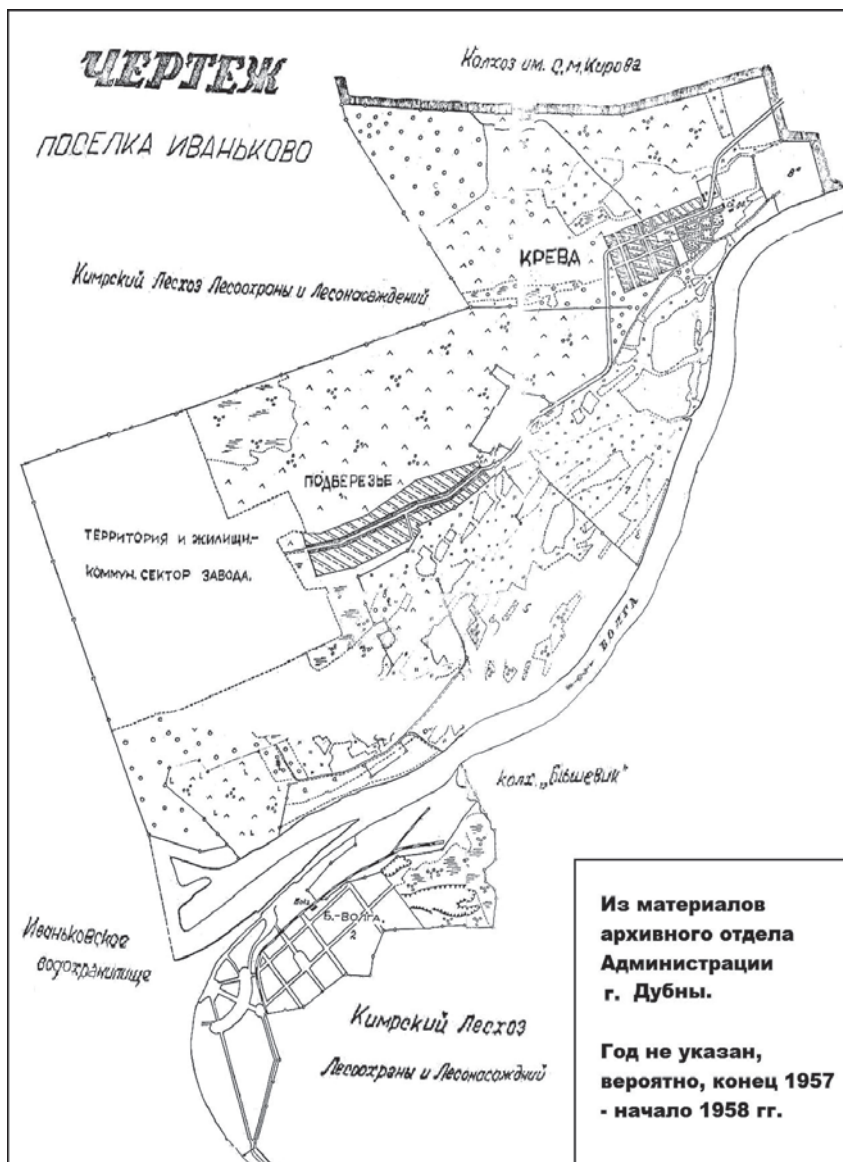
в 1957 г. принципиально новой самонаводящейся крылатой ракеты морского базирования П-15. Она была принята на вооружение в 1960 г., а в октябре 1967 г., в ходе арабо-израильского конфликта, четырьмя ракетами П-15 был потоплен израильский эсминец «Эйлат». Это был первый случай боевого применения самонаводящихся крылатых ракет с жидкостно-реактивным двигателем.

В 1960 году начинаются процессы объединения двух городов – Иваньково и Дубны. Сначала объединились городские советы КПСС. После этого были объединены городские газеты. И, наконец, 13 декабря 1960 г. указом президиума Верховного Совета РСФСР города Дубна и Иваньково были объединены в один город Дубна.

Событие 1960 г. часто рассматривается как присоединение Иваньково к Дубне. Даже на новом сайте дубненской городской администрации в одном из текстов говорится: «в состав города вошли поселок «Большая Волга», окрестные деревни, а в 1960 году и г. Иваньково». Однако эта трактовка произошедшего события не соответствует содержанию реальных исторических событий.

В указе от 13 декабря 1960 г. сказано: «Объединить города Дубну и Иваньково в один город Дубну». Основополагающий документ убедительно свидетельствует именно об объединении городов, а отнюдь не о присоединении одного из них к другому. Кроме того, Большая Волга окончательно вошла в состав Дубны именно как составная часть города Иваньково.

Для того чтобы корректно проанализировать происходившие в это время урбанизационные процессы, необходимо, прежде всего, не запутаться в городах с названием «Дубна». В разные периоды времени в нашей местности это имя носили три разных, но исторически и территориально связанных города. Чтобы четко отличать их друг от друга, имеет смысл к названию «Дубна» в каж-

дом случае добавлять соответствующее прилагательное. Мы можем обозначить эти города следующим образом:

1. Древнерусская Дубна – город, существовавший при впадении реки Дубны в Волгу, в районе нынешней улицы Ратмино, в XII-XIII вв. Является историческим предшественником современной Дубны.

2. Институтская Дубна – город, существовавший в 1956-1960 гг., главным об-

Волжский гидроузел. Ранняя весна. Послевоенные годы

Буксир «Коломна» управления канала имени Москвы

разом – в границах институтской части современной Дубны. Вырос из научного поселка, созданного при научно-технических установках – ускорителях частиц, ставших основой Объединенного института ядерных исследований. С 1956 по 1958 г. имел официальное название «Дубно».

3. Объединенная Дубна – современный город, сформировавшийся в декабре 1960 г. в результате объединения институтской Дубны и города Иваньково, возникшей в 1937 г. как рабочий поселок и получившего статус города в 1958 г.

Объединенная Дубна является непосредственным правопреемником как города Иваньково, так и институтской Дубны. Поскольку Иваньково получило статус города на два года позже, чем институтская Дубна, именно момент получения статуса города институтской Дубной (24 июля 1956 г.) официально считается датой рождения современного города.

Утверждение, что современная Дубна сформировалась в декабре 1960 года в результате объединения двух городов – институтской Дубны и Иваньково, представляет собой исторический и юридический факт. Он непосредственно зафиксирован в тексте указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1960 г.: «Объединить города Дубну и Иваньково Московской области в один город Дубну». Используемый в указе термин «объединить» обладает совершенно конкретным историческим и юридическим смыслом и принципиально отличается от термина «присоединить».

Присоединить Иваньково к Дубне попытался Исполком Мособлсовета в марте 1958 г., однако это решение не реализовалось и вскоре было отменено. При этом следует учитывать, что Иваньково марта 1958 г. существенно отличалось от Иваньково декабря 1960 г. – прежде это был не город, а рабочий поселок, в его составе на тот момент отсутствовала правобережная часть – Большая Волга. А город Иваньково, с которым объединилась институтская Дубна в декабре 1960 г., превосходил Дубну того времени и по территории, и по населению (почти на 5 тысяч человек), и по объемам промышленного производства – хотя, конечно, существенно отставал от нее по известности и международному значению, а также, в некоторой мере – по качеству снабжения населения и уровню организации городского пространства.

16 декабря 1960 г. состоялось последнее заседание исполкома Иваньковского горсовета, а уже через десять дней, 26 декабря, началась объединенная сессия Дубненского и Иваньковского городских Советов депутатов трудящихся. В ней участвовали 98 из 110 депутатов двух городских советов. Они приняли решение: одобрить и принять к исполнению указ Президиума Верховного Совета РСФСР об объединении городов Иваньково и Дубна в один город Дубна, а также избрали исполнительный комитет объединенного городского Совета и его председателя – Н.Г. Вельможина, который стал первым высшим должностным лицом городской власти объединенной Дубны.

Таким образом, если рассматривать объективные исторические свидетельства и данные официальных документов, становится очевидно, что объединенная Дубна, существующая после 1960 г., – это город, являющийся в равной мере наследником и институтской Дубны, существовавшей до этого объединения, и города Иваньково. История обоих этих городов, вошедших в состав объединенной Дубны, и является историей современного города, разделенного на два берега рекой Волгой, но соединенного людьми 13 декабря 1960 года.

Культурный ландшафт современной Дубны

Термин «культурный ландшафт» появился в отечественной и зарубежной географии около ста лет назад. У нас его ввел российский и советский географ Лев Семёнович Берг, а в Европе – немецкий географ Отто Шлютер. Широкого распространения в советской науке этот термин не получил; а на Западе он стал одним из важных элементов культурной географии – дисциплины, изучающей пространственные аспекты культурной деятельности.

В Россию культурная география проникла к началу 1990-х гг. За последние

Дубна, институтская часть.
Парк у ДК «Мир». 1960-е годы

годы в нашей стране вышло множество научных публикаций, посвященных культурному ландшафту. Современные исследователи считают, что культурный ландшафт как понятие культурной географии представляет собой не просто измененный человеком природный ландшафт, а прежде всего – особенный факт культуры, совокупность представлений, образов, форм и норм культурной деятельности, осуществляющейся в ландшафте, освоенном и, в той или иной мере, преобразованном человеческой деятельностью.

Интересно, что в целом ряде случаев сам факт создания тех или иных архитектурных объектов отнюдь не является основной целью человеческой деятельности, приводящей к формированию и развитию культурного ландшафта. Часто культурный ландшафт формируется в результате общественной деятельности, направленной к какой-либо цели, превосходящей повседневное существование (подробнее см.: Петров Ф.Н., 2011).

Так, например, храм строится, в первую очередь, не для того, чтобы его здание заняло определенное место в системе культурного ландшафта – а для того, чтобы молиться в нем и совершать богослужения. Роль храма в культурном ландшафте оказывается лишь следствием общественной деятельности, направленной к достижению нематериальной цели.

Сама деятельность по достижению этой цели, осуществляющаяся в храме, не оставляет после себя практически никаких материальных следов. Каковы будут материальные остатки от многолетних богослужений – копать от сгоревших свечей на своде храма, и всё? Каковы будут материальные следы от многолетних молитв, глубоких, искренних молитв, которые творили люди – истертые ногами каменные ступени? Так мало остаётся в материальном ландшафте от столь многого.

То же самое касается не только религиозных, но и светских элементов куль-

Дубна. Волжский гидроузел. Памятник В.И. Ленину. Фото Петра Петрова

турного ландшафта, возникших в процессе движения к какой-либо цели, превышающей наличное бытие. Здание научно-исследовательского института – является ли оно целью деятельности научной организации? Нет, это лишь средство, позволяющее исследователям работать над постижением законов окружающего мира. Какие материальные следы оставляют сделанные в этом здании открытия? Кипы погрызенных мышами компьютерных распечаток в подвальной

Дубна, улица Жолио-Кюри.

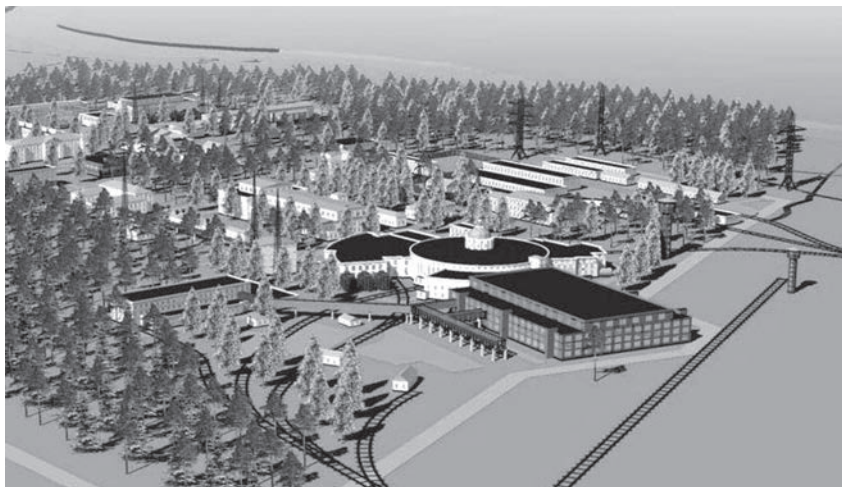
Административное здание Объединенного института ядерных исследований

комнате, превращенной в подсобку техники? Табличка с желтыми буквами на потертой двери: «Здесь с ... по ... работал чл.-корр. АН СССР...»?

А чем остается в культурном ландшафте оборонительный рубеж, на котором войска пытались задержать наступление врага? Заплывшими траншеями, которые спустя полвека сможет найти только опытный следопыт? Вросшими в землю бетонными колпаками огневых точек? Россыпями гильз на заваленном дне траншей и незахороненными останками солдат – под мхом, под песком и дерном, бурьяном или валежником? А чем будет отличаться рубеж, на котором войска стояли насмерть, от того, который бросили в паническом бегстве – средним количеством гильз на погонный метр траншеи? И всегда ли он будет отличаться именно этим показателем?

В то же время далеко не все элементы культурного ландшафта представляют собой косвенные результаты такой «самотрансценденции» – преодоления людьми собственного повседневного бытия. Многие из них являются результатами не косвенного, а прямого воздействия на природную среду – воздействия, призванного обустроить повседневную жизнь людей, безотносительно к любым «запредельным» целям и ценностям. Поля и пастбища, жилые дома, мастерские, заводы и верфи, мосты и дороги – все эти объекты имеют ценность для повседневного существования общества сами по себе, цель их существования тождественна самому факту этого существования.

Культурный ландшафт современной Дубны интересен тем, что основой его формирования стала внеутилитарная деятельность людей. Повседневный элемент занимает в этом ландшафте вторичное, подчиненное положение, а своеобразность и определенная уникальность городского ландшафта является

Объединенный институт ядерных исследований, Лаборатория физики высоких энергий. Комплекс зданий синхрофазотрона и нуклотрона. 3D-графика Владимира Симкина

результатом стремления общества к достижению целого ряда социально-этических, научных и религиозных ценностей.

Так, расположенные в Дубне сооружения Волжского гидроузла канала Москва-Волга в определенной мере представляют собой результат отражения в ландшафте социальных ценностей коммунистического учения. О прагматических аспектах этих сооружений свидетельствует, прежде всего, история их создания – в предельно краткий период времени, за счет рабочей силы заключенных Дмитлага – «каналоармейцев», проходивших на этом строительстве так называемую «перековку» (значительное число их получило свободу после завершения работ, еще большее количество – навсегда осталось в земле по берегам канала и, говорят, даже в насыпи построенной ими дамбы)... Первая ГЭС на плотине, перегородившей саму Волгу, первый в Советском Союзе канал такой длины и такой технической сложности, первая и, пожалуй, последняя грандиозная попытка превратить систему ГУЛАГа в мощное средство перевоспитания заключенных – а, может быть, только пропагандистская имитация такой попытки...

Канал решил проблему обеспечения столицы водой, стал важнейшей транспортной артерией – но всё-таки не только ради этого создавались его грандиозные сооружения. Он был важен как зримый результат усилий, но сами усилия того времени – яркого, страшного, необыкновенного – были нацелены не только и не столько на решение повседневных задач. В это время в стране еще на самом деле пытались строить коммунизм – или, во всяком случае, что-то такое, что многие люди того времени называли коммунизмом.

В 1937 году была запущена Иванововская ГЭС, открылось судоходство по каналу. Практически всё руководство строительства канала по линии НКВД практически сразу после этого было арестовано и расстреляно по т.н. «делу Фирина». В том же году были посажены и расстреляны многие партийные и совет-

Дубна, институтская часть. Площадь Мира. 1960-е годы

ские функционеры, офицеры и военачальники Рабоче-Крестьянской Красной Армии, еще уцелевшие остатки православных священников, простые советские граждане...

Как отражение социально-этических ценностей можно рассматривать и оборонный комплекс, функционирующий в левобережной части Дубны: Дубненский машиностроительный завод, созданный в конце 1930-х как авиационный завод № 30, и ГосМКБ «Радуга» – бывшее ОКБ-155-1, центр разработки крылатых ракет.

Военно-промышленный комплекс Советского Союза, в системе которого работали эти предприятия во второй половине XX века, существовал не только для обеспечения повседневных надобностей страны в обороне своих границ. Он был одним из ключевых элементов попытки всемирной реализации коммунистической доктрины – попытки, тяжесть которой Советский Союз нёс, главным образом, на своих плечах и так и не смог вынести.

Фундаментальная наука стала той ценностью, на отражении которой в природном ландшафте возникла институтская часть Дубны – город физиков, работающих над раскрытием предельных оснований материального бытия окружающего мира. Этот городок, гармонично вписанный в пространство соснового бора по правому берегу Волги, стал одним из самых интересных примеров советских и российских населенных пунктов, созданных для комфортного проживания людей, работающих над решением чрезвычайно важных проблем, отражающих верхний уровень общественных ценностей.

Интересную роль в культурном ландшафте институтской части города играет Музей истории науки и техники Объединенного института ядерных исследований. Он расположен в одном из зданий времен первоначальной застройки институтской Дубны, на улице Флерова (бывшей Советской). Несмотря на небольшой размер и достаточно скромную экспозицию, музей выполняет актуальную роль культурного медиатора, обеспечивающего взаимодействие повседневной культуры современного общества с ценностями и смыслами, выработанными

Музей истории науки и техники ОИЯИ. Ул. Флерова, 6

субкультурой научно-исследовательских коллективов и организаций (подробнее см. Кавалерова Н.С., Петров Ф.Н., 2011).

Историческим предшественником современного города можно считать древнерусскую Дубну – важный военный, административный и торговый центр домонгольского времени. Здесь, на высоком мысу при впадении реки Дубны в Волгу, уже в первой половине XII века, несомненно, должна была существовать православная церковь – скорее всего, деревянная, как и весь этот город. Никаких следов этой церкви пока обнаружить не удалось – вполне вероятно, что место, на котором она была построена, уже давно смыто Волгой.

Первые исторические свидетельства о церкви на этом месте происходят из Кашинской писцовой книги 1628-1629 гг., согласно которой в селе Городище на Дубенском устье располагалась деревянная церковь во имя Николы Чудотворца. Позднее здесь же была сооружена деревянная церковь во имя Святого Ильи Пророка, разобранная в начале XIX века «за ветхостью». В конце XVIII – начале XIX вв. она соседствовала с деревянной церковью во имя Похвалы Пресвятой Богородицы, которая сгорела от удара молнии в 1823 году.

После этого в селе началось строительство нового, каменного храма Похвалы Пресвятой Богородицы, которое было завершено в 1827 году. Этот храм был важным центром всего Дубненского края, при нем действовала приходская школа, его прихожанами на 1915 год числилось более 2,5 тыс. человек.

В 1937 году храм был разорен и закрыт; одновременно в левобережной части будущей Дубны, в Подберезье, также была разорена и окончательно закрыта кирпичная церковь во имя Смоленской иконы Божией Матери (разрушена в 1946-47 гг.). Во второй половине 1980-х годов началась реставрация храма, а в

Дубна, институтская часть. 1970-е годы

1989 г., в результате широкой общественной кампании, поддержанной директором Объединенного института ядерных исследований академиком Н.Н. Боголюбовым, храм передали верующим.

Так на территории современной Дубны вновь появилась религиозная составляющая культурного ландшафта – результат отражения в ландшафте распространенной в обществе христианской веры: во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым; и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы...

К настоящему времени эта составляющая культурного ландшафта Дубны су-

Дубна, Ратмино. Храм Похвалы Пресвятой Богородицы. Фото Александра Терехина

Дубна, левый берег. Современный храм во имя Смоленской иконы Божией Матери

Село Подберезье.
Храм Смоленской иконы Божией Матери. 1937 год.
Разрушен в 1946-1947 годах

Строящийся храм Рождества
Святого Пророка Иоанна Предтечи.
2010 год

щественно расширилась. Дубна стала центром Дубненско-Талдомского благочиния Московской епархии Русской Православной Церкви, в разных районах города действует шесть православных церквей. Только в институтской части Дубны не построено ни одного храма – центром внеутилитарной деятельности здесь остаются две «площадки», на которых располагаются лаборатории ОИЯИ.

«Антиклерикальные» настроения распространены в современной российской культуре весьма широко, лишь немногим меньше, чем околорелигиозное обрядоверие. Однако такие настроения, судя по всему, не очень сильно представлены в Дубне в целом и в ОИЯИ – в частности. Во всяком случае, христианский и естественнонаучный дискурсы культурного пространства Дубны не находятся в антагонистических отношениях. И это представляется весьма правильным – если учесть, что естественные науки как специфическая форма познания окружающего мира сформировались в культуре европейской, христианской цивилизации, и есть веские основания полагать, что именно особенности христианского восприятия мира определили саму возможность возникновения и развития этой формы познания.

Список источников и литературы

Акты Русского государства 1505-1526. Сост. С.Б. Веселовский. М.: Наука, 1975. – 437 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Сост. И.А. Голубцов; отв. ред. Л.В. Черепнин. Т. III. М., 1964. – 687 с.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв. Сост. Л.В. Черепнин. М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 402 с.

Астайкин А.А. Липицкая битва 1216 г.: непротиворечивая версия // <http://www.archeologia.narod.ru/lipits.htm>

Бадер О.Н. Отчет о работах 1932-33 гг. // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 109. Археологические работы Академии на новостройках в 1932-33 гг. Л., 1935. – С. 28-38.

Бадер О.Н. Древние городища на Верхней Волге // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 13. Материалы и исследования по археологии Верхнего Поволжья. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 90-132.

Бадер О.Н. Краткий очерк археологических работ в зоне канала имени Москвы // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 13. Материалы и исследования по археологии Верхнего Поволжья. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 8-14.

Бадер О.Н., Талицкий М.В., Збруева А.В., Пассек Т.С., Елизарова Н.А., Бадер М.А. Работа на строительстве канала Москва-Волга. Археологические памятники // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 109. Археологические работы Академии на новостройках в 1932-33 гг. Л., 1935. – С. 39-65.

Барбашов Б.М. Дмитрий Иванович Блохинцев (к шестидесятилетию со дня рождения) // Успехи физических наук. Том 94. Вып. 1. 1968. – С. 185-186.

Баша С.Г., Буланов М.И., Григорьева И.Л. и др. Введение в экологию. Город Дубна – история и экология. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2001. – 164 с.

Белецкий С.В. Сфрагистические находки из древнерусской Дубны в 1986 г. Архив Института археологии РАН, PI, № 12192. – 42 с.

Белецкий С.В. Уникальные находки Евгения Крымова // Дубна: наука, сотрудничество, прогресс. № 39. 7 октября 1986 г. – С. 7.

Белецкий С.В. О времени основания летописной Дубны // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции. Суздаль, 1987 год. М.: Наука, 1987. – С. 35-37.

Белецкий С.В., Крымов Е.Ю. Из глубины веков. О чем рассказали печати, найденные на Ратминском поселении // Дубна: наука, сотрудничество, прогресс. № 15. 13 апреля 1988 г. – С. 7.

Белецкий С.В., Крымов Е.Ю. Памятники актовой сфрагистики из древнерусской Дубны // Советская археология, 1990, № 3. – С. 233-246.

Белецкий С.В., Крымов Е.Ю., Фролов А.С. Работы в окрестностях Дубны // Археологические открытия 1986 года. – М.: Наука, 1988. – С. 50-52.

Беляев А.В., Расторгуев А.А. История Дубны // <http://rastor.dubna.ru/History/History.htm>

Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Репринт 1876 года. Тверь: Леан, 1994. – 423 с.

Буланов М.И. Канал Москва-Волга. Хроника Волжского района гидросооружений. Дубна, 2007. – 136 с.

Буланов М.И., Седых Н.Н., Тарасова Л.М. Дубна: родное Подмосковье. Дубна, 2003. – 249 с.

Гайдуков П.Г., Янин В.Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2007 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22. Великий Новгород, 2008.

Герчук Ю.Я., Домшлаг М.И. Художественные памятники Верхневолжья. 2-е изд. М.: «Искусство», 1976. – 144 с.

Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М.: Интербук-бизнес, 2000. – 136 с.

Гор С. Канал 1937-2007. Тверь, 2007. – 99 с.

Греков И.Б., Шамагонов Ф.Ф. Мир истории: Русские земли в XIII - XV вв. М.: Молодая гвардия, 1986. – 334 с.

Даченков И.Б. История – серьезная наука, или 10 доказательств существования древнерусской Дубны // Дубненское наследие. Спецвыпуск. Ноябрь 2004. – С. 1-4.

Даченков И.Б. Методические материалы по истории Дубненского края. Буклет. Дубна, 2008. – 4 с.

Даченков И.Б. Откуда есть пошла Дубна. Дубна, 2006. – 180 с.

Даченков И.Б. Сто пятый элемент // The Prime Russian Magazine. № 2. Май-июнь 2010 г. – С.

Даченков И.Б., Крымов Е.Ю. История Дубненского края: средневековый экскурс. М.: Издательский центр «Федоров», 1998. – 112 с.

Даченков И.Б., Петров Ф.Н. Городище Дубна: состояние и перспективы исследований // Дубненское наследие. Вып. 43. Июнь 2009. – С. 2.

Даченков И.Б., Петров Ф.Н. Дубненская археологическая экспедиция: первый год исследований // Дубненская археологическая экспедиция. Вып. 1. Дубна, 2010. – С. 3-5.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей в XIV-XVI вв. Подготовил к печати Л.В.Черепнин. М.-Л.: АН СССР, 1950. – 586 с.

Жидкова Л.Ф. Кто он, владелец усадьбы? // «За коммунизм», № 2 (1838), 20 марта 1973 года. – С. 4.

Жидкова Л.Ф. История возникновения и развития Дубны как города науки // Она же. История Дубны. Дубна, 2006. – С. 7-113.

Зимин А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. – 288 с.

Зинин И.А., Петров Ф.Н. Древнерусская Дубна: наиболее важные находки // Дубненское наследие. Вып. 45. Октябрь 2009 г. – С. 2.

Зорин А.В. Липицкая битва 21 апреля 1216 // <http://www.xlegio.ru/armies/zorin/lipitza.htm>

Исланова И.В., Крымов Е.Ю., Романов В.В. Варяги на Верхней Волге // Русь в IX – XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. – С. 72-77.

Кавалерова Н.С., Петров Ф.Н. ОИЯИ в культурном ландшафте современной Дубны // Дубна: наука, содружество, прогресс. № 3 (4043) от 28 января 2011 г. – С. 5.

Кишкин И. Дмитровский хронограф. М.: Встреча, 1992. – 48 с.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI-XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 432 с.

Король Г.Г., Жилин М.Г., Жилина Н.В. и др. Археологическая карта России: Тверская область. Часть 1. Под ред. А.В. Кашкина. М.: Институт археологии РАН, 2003. – 527 с.

Крымов Е.Ю. «...На них же начертаны будут кресты» // Вести Дубны. 2 марта 1992 г.

Крымов Е.Ю. На развалинах древних крепостей // Дубна: наука, содружество, прогресс. № 12. 22 марта 1989 г. – С. 7.

Крымов Е.Ю. Неизвестные страницы истории усть-дубенской вотчины // На рубеже веков и тысячелетий: о времени и о себе. Художественно-публицистический альманах. Дубна, 2000. – С.14-23.

Крымов Е.Ю., Белецкий С.В. Таможня домонгольского времени на Верхневолжье // Вести Дубны. № 43 (453). 10 июня 1994 г.

Крымов Е.Ю., Строковская Т.Е. От первобытной стоянки до наукограда: из истории Дубны. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1997. – 36 с.

Кучкин В.А. Ростово-Суздальская земля в X – первой трети XIII вв. // История СССР. 1969. № 2. – С. 62-94.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Изд-во «Наука», 1984. – 332 с.

Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. – 304 с.

Милонов Н.П. Древнерусские курганы и селища в бассейне Верхней Волги // Материалы и исследований по археологии СССР. Вып. 13. Материалы и исследования по археологии Верхнего Поволжья. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 90-132. – С. 152-165.

Молчанов Е.М. Беседы о Дубне. Дубна: ОИЯИ, 2003 – 150 с.

Николаенко Т.Д. Талдомский район // Археологическая карта России: Московская область. Часть 2. М.: Институт археологии РАН, 1995. – С. 164-177.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.

Оборин В. Из глубины веков // «За коммунизм», № 4 (1821), 12 января 1973 г. – С. 4.

Оборин В. Развитие экономики и торговли // «За коммунизм», № 6 (1823), 19 января 1973 г. – С. 3.

Оборин В. От дворцовой вотчины к капиталистической мануфактуре // «За коммунизм», № 8 (1825), 26 января 1973 г. – С. 4.

Оборин В. На рубеже столетия // «За коммунизм», № 11 (1826), 9 февраля 1973 г. – С. 4.

Оборин В. Тяжкий удел земледельца // «За коммунизм», № 14 (1831), 20 февраля 1973 г. – С. 4.

Оборин В. Древний городок Дубна // «За коммунизм», № 16 (1833), 27 февраля 1973 г. – С. 4.

Оборин В. На месте древнего городища // «За коммунизм», № 19 (1836), 13 марта 1973 г. – С. 4.

Оборин В. По воле крепостника // «За коммунизм», № 25 (1842), 3 апреля 1973 г. – С. 4.

Оборин В. Под колокольный звон // «За коммунизм», № 28 (1845), 13 апреля 1973 г. – С. 4.

Оборин В. Разбудил он всех // «За коммунизм», № 30 (1847), 20 апреля 1973 г. – С. 4.

Оборин В. В канун поворотных событий // «За коммунизм», № 32 (1849), 27 апреля 1973 г. – С. 4.

Оборин В. Дом на пригорке // «За коммунизм», № 55 (1872), 27 июля 1973 г. – С. 4.

Оборин В. На перекрестках времени // «За коммунизм», № 90 (1907), 7 декабря 1973 г. – С. 4.

Овидия Назона Избраннейшия печальныя элегии. / Преложены прозою в Твери Фдрм Клклвм [Федором Колоколовым] Смоленск: Тип. Приказа общественного призрения, 1796. – 290 с.

Ососкова И., Иванова Ю. Стоянки первобытных людей на Волге и Дубне // «За коммунизм», № 99 (674) от 21 августа 1962 г. – С. 3

Откупщиков Ю.В. Балтийские гидронимы Мордовии // Opera philologica mōpota: Античная литература, языкознание. СПб.: Наука, 1971. – С. 365-366.

Петров Ф.Н. Археологические памятники Дубны // Дубненское наследие. Вып. 42. Апрель 2009. – С. 4.

Петров Ф.Н. Городище Дубна по результатам исследований 2009 года // Дубненская археологическая экспедиция. Вып. 1. Дубна, 2010. – С. 6-51.

Петров Ф.Н. Исследования древнерусской Дубны Сергея Васильевича Белецкого // Вести Дубны. 3 июня 2010 г. № 21 (45). – С. 16.

Петров Ф.Н. Древнерусская Дубна в исследованиях В.А. Кучкина // Вести Дубны, № 43 (37) от 4 октября 2010 г. – С. 16.

Петров Ф.Н. Древнерусская Дубна: к исторической реконструкции // Дубненское наследие. Вып. 46. Декабрь 2009 г. – С. 2.

Петров Ф.Н. Ратминский энколпион // Дубненское наследие. Вып. 47. Февраль 2010 г. – С. 1.

Петров Ф.Н., Зинин И.А. Древнерусская печать – находка 2009 года // Дубненское наследие. Апрель 2010 г. – С. 2.

Петров Ф.Н., Зинин И.А. Древнерусская печать – находка 2009 года // Вести Дубны. 6 мая 2010 г. № 17 (41). – С. 16.

Петров Ф.Н., Зинин И.А. Новый памятник актовой сфрагистики из древнерусской Дубны // Дубненская археологическая экспедиция. Вып. 1. Дубна, 2010. – С. 52-56.

Плетнёв В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь: Типография губернского правления, 1903. – 519 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. 2-е изд. М.: Наука, 1988. – 192 с.

Покудин В.П. Кашинская писцовая книга 1628-1629 гг. Выпуск 1. Станы Дубенский, Пудицкий, Гостунский, Кимрская дворцовая волость. Кимры, 2006. – 222 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-пермская летопись. М.-Л., 1959. – 416 с.

Попова М.С. Русская дворянская усадьба в контексте ментальности отечественной культуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. М., 2004.

Самокасов Д.Я. Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб.: Типография К. Замысловского, 1873. – 165 с.

Седов В.В. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1971, С. 99-113.

Серебрянников Б.А. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам // Труды Академии наук Литовской ССР. Серия А. Вып. 1 (2). Вильнюс, 1957. С. 69-73.

Сельские поселения России (исторический и социокультурный анализ). Отв. Ред. О. Севан. М.: РИК, 1995. – 168 с.

Соловьев С.М. Сочинения. Книга II. История России с древнейших времен. Т. 3-4. М.: Голос-Пресс, 1993. – 768 с.

Сорина Х.Д. Роль Верхневолжья в образовании и развитии Русского централизованного государства в XV-XVII вв. Калинин: КГУ, 1978. – 83 с.

Тверские летописи. Древнерусские тексты и переводы. Перевод В.И. Исакова. Тверь: Тверское книжно-журнальное издательство, 1999. – 251 с.

Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII-XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV-XV вв. / Сост. Л.И. Шохин; Под ред. С.О. Шмидта, М.: Московский рабочий, 1992. – 320 с.

Топоров В.Н. «Baltica» Подмоскowie // Балто-славянский сборник. М.: Наука, 1972. – с. 217-280.

Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 270 с.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Наука, 1966. – 308 с.

Успенская А.В. Отчет о раскопках на селище Ратмино близ г. Дубны Московской области в 1963 г. Архив Института археологии РАН, PI № 2762. – 9 с.

Успенская А.В. Отчет о раскопках на селище Ратмино близ г. Дубны Московской области в 1964 г. Архив Института археологии РАН, PI № 2977. – 6 с.

Успенская А.В. Отчет о Дубнинской археологической экспедиции в 1965 г. Архив Института археологии РАН, PI, № 3116. – 9 с.

Успенская А.В. Древнерусское поселение близ г. Дубна // Труды Государственного исторического музея. Вып. 40. Археологический сборник. М.: Изд-во «Советская Россия», 1966. – С. 105-111.

Финкельштейн В.Б. Летопись Твери. Тверь: «РИФ Лтд», 1996. – 527 с.

Фоменко И.Ю. Колоколов Федор // <http://www.surbor.ru/bio/download.php>

Хижняков О.И. Керамические изделия из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2 // Археология Подмоскowie: Материалы научного семинара. Вып. 4. М.: Институт археологии РАН, 2008. – С. 12-19.

Черняев П.Н. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. Материалы для истории классического образования в России в библиографических очерках его деятелей былого времени. Воронеж: типография товарищества Н. Кравцов и К, 1906. – 230 с.

Шешунова С.В. Великие реки в русской языковой картине мира // Великие реки – аттракторы локальных цивилизаций. Материалы Международной научной конференции. Дубна: Международный университет «Дубна», 2002. – С. 6-7.

Шимон И.Я. Факты как данность // Дубненское наследие. Вып. 51. Октябрь 2010 г. – С. 4.

Ылун Т., Семенов К. Сергей Мамонтов: человек, который был женат на царице // Дубненское наследие. Вып. 47. Февраль 2010. – С. 3

Энциклопедический словарь. Под редакцией К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. Т. 11 (21): Домиции – Евреинова. Издатели: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1893 – 466 с.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Великий Новгород, 2004. С. 137-160.

Приложения.

Письма известных историков из центральных научных учреждений России по вопросу о памятном камне в Рамтино

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

«23» сентября 2010 г.
Иск. 1087/9

Председателю президиума
Дубненского фонда «Наследие»
И.Б. Даченкову

Уважаемый Игорь Борисович!

С интересом ознакомился с материалами дискуссии по истории города Дубны, происходящей в городских СМИ. Хорошо, что такая дискуссия привлекает внимание жителей города к историко-краеведческим вопросам.

По содержанию дискуссии — полагаю, что позиция, занятая Вами и Вашими коллегами, вполне оправдана. Летописную Дубну можно рассматривать как исторического предшественника современного города Дубны, что не меняет официальный возраст вашего города, отсчитываемый с момента придания поселку Дубно статуса города в 1956 году. При этом верно говорить о том, что сама историческая традиция обживания нынешней городской территории русским населением имеет возраст более 870 лет, что подтверждается как свидетельствами Новгородской первой летописи, так результатами археологических исследований, проводимых ГИМ с 1962 по 1965 гг. (рук. экспедиции — А.В. Успенская).

Требование Ваших оппонентов по изменению надписи на памятном камне в Рамтино и ликвидации Ваших текстов «со всех сайтов в Интернете» представляется мне совершенно ошибочными. Надпись на камне соответствует современным историческим данным, а Ваши тексты направлены на популяризацию историко-краеведческих знаний. Обвинения Вас в фальсификации истории города Дубны полагаю беспочвенными.

Предпринимаемую Вашими оппонентами попытку передатировать время создания современной Дубны с 1956 г. на 1946 г. полагаю некорректной. Действительно, эта дата имеет значение в истории создания самого Объединенного института ядерных исследований, что не может считаться временем создания города.

Деятельность фонда имеет большое значение в изучении истории города Дубны и его окрестности, а также в популяризации исторических знаний. Сайт Фонда и издаваемая им газета «Дубненское наследие» содержат много интересной историко-краеведческой информации. Желаю Вам и Вашим коллегам успеха в этой полезной работе.

Заместитель директора ГИМ
по научной работе, д.и.н.

В.Л. Егоров

РОССИЯ, 109012, МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, т.ел.: (495) 692-5660 факс: (495) 692-6267 shm@shm.ru

Белецкий
Сергей Васильевич
доктор исторических наук
профессор

195253, Санкт-Петербург, а/я 16
тел. +7 (811) 758 64 31
E-mail: durnovo@rambler.ru

Помощнику Главы города Дубна
Д. А. Буланцову

Ул. Академика Балдина, 2,
г. Дубна Московской области, 141980

Глубокоуважаемый Дмитрий Александрович!

Вопросы о том, насколько достоверна дата «1134 год» в качестве точки отсчета для истории древнерусской Дубны и насколько корректна надпись на памятном камне, поставленном у храма в Ратмино, как мне представляется, непосредственно связаны друг с другом.

В черте современного города Дубна в эпоху средневековья действительно существовало поселение Дубна. Впервые оно упомянуто в летописи под 1134 г. в рассказе о походе князя Всеволода-Гавриила Мстиславича с новгородским войском на Суздаль. Это поселение уверенно отождествляется с сильно размытым рекой древнерусским поселением, расположенным на первой надпойменной террасе правого берега Волги при впадении в нее реки Дубны. Как это принято, археологический памятник получил условное наименование по ближайшему населенному пункту – селу Ратмино. Раскопки, проведенные здесь в 1963-1965 гг. экспедицией Государственного Исторического музея выявили отложения культурного слоя XII-XIII вв. При раскопках были обнаружены развалы печей и подпольные ямы жилых построек, собрана небольшая, но достаточно выразительная коллекция находок, рассказывавшая о жизни и быте населения, занятиях жителей ремеслом, промыслами и торговлей. Однако данных для детальной характеристики памятника в распоряжении исследователей в то время еще не было.

В 1986 г. мы вчетвером – Женья Крымов, Андрей Фролов, Дина Сатырѣва и ваш покорный слуга – провели археологическую разведку в окрестностях города Дубна. Тогда, весной 1986 года, мы осмотрели древнерусские поселения у с. Ратмино, в окрестностях д. Пекуново и еще в ряде мест по берегам Волги. Осенью того же года Женья привозил в Москву, в Институт археологии АН СССР предметы, собранные по берегам Волги краеведами и хранившиеся в то время в частных коллекциях. Каменные орудия труда осмотрел Андрей Фролов, я изучал предметы древнерусского времени, а время и место чеканки серебряных арабских монет определил доктор исторических наук, профессор Владислав Всеволодич Кропоткин. В результате всех этих работ было установлено, что Ратминское поселение XII – начала XIII вв. состояло из укрепленного детинца и неукрепленного посада, то есть – принадлежало к числу типичных древнерусских городов. Найденные активные печати и заготовка для печати, безусловно, указывали на существование в Дубне администрации, правомочной утверждать документы. А находки товарных пломб и заготовок для пломб свидетельствуют, что в Дубне XII – начала XIII вв. находилась таможня, осуществлявшая контроль за провозимыми по Волге товарами.

По сведениям летописи, городок Дубна погиб в 1216 году в результате военного похода новгородцев под предводительством братьев-Мстиславичей, Мстислава Удатного и Владимира, на низовских Всеволодичей – Ярослава и Юрия. Археологически это засвидетельствовано следами

пожара, в котором сгорело Ратминское поселение. Слой пожара перекрыт слоем речного песка. Отложения культурного слоя более позднего времени на поселении отсутствуют.

Однако, у нас нет никаких оснований считать, что в 1216 г. все жители Дубны были поголовно истреблены. Да, была уничтожена таможня на устье Дубны, перекрывавшая подвоз хлеба из Низовских земель в Новгород. Возможно, погиб гарнизон, защищавший город. В пожаре сгорели детище города и городской посад. Но большинство мирных жителей почти наверняка уцелело. Куда же они-то подевались?

А они никуда и не девались — они продолжали жить все там же, близ устья реки Дубна. Вспомним, что слой пожара на Ратминском поселении перекрыт слоем речного песка. Очевидно, что этот песок был намыт в результате разливов Волги, при которых территория городка уходила под воду. А это значит, что постоянная угроза наводнения создавала для жителей известный дискомфорт. Думается, именно по этой причине жители городка, уцелевшие после пожара 1216 г., не стали возрождать поселение на прежнем месте, а переехали со своим нехитрым скарбом с первой надпойменной террасы берега Волги на вторую террасу. То есть туда, где их жилища и амбары, скотные дворы и огороды будут в безопасности в моменты разлива Волги.

В ближайшей округе древнерусской Дубны таким местом является территория села Ратмино, находящегося в нескольких десятках метров к югу от Ратминского поселения. Напомню, что подъемный материал, собранный здесь краеведами, определенно указывает на то, что село появилось не позднее XV в. и продолжало существовать на протяжении последующих столетий — вплоть до наших дней. Правда, среди собранного в черте села Ратмино подъемного материала, предметы ранее XV века мне не известны (я знаком только с находками, собранными в 70-е и первой половине 80-х годов прошлого века). Однако ограниченность информативных возможностей подъемного материала давно известна. Поэтому нельзя исключать, что культурный слой XIII-XIV вв. будет выявлен при будущих археологических раскопках.

О существовании в XV-XVI вв. поселения близ устья реки Дубна свидетельствуют неоднократно упомянутые в жалованных грамотах второй половины XV — начала XVI вв. жители этого поселения — «мытники дубенские» («мытники... на устье Дубны»). Из этого следует, что в XV-XVI вв. близ устья реки Дубна существовало не просто поселение, а «поселение мытников», то есть — сборщиков таможенных пошлин. Единственное известное в настоящее время поселение близ устья Дубны, безусловно существовавшее в XV в., это село Городище на Дубнском устье (Усть-Дубенское, Дубна) получившее позднее название Ратмино. По-видимому, не будет ошибкой отождествить этот населенный пункт с поселением, о существовании которого мы знаем благодаря жалованным грамотам.

Признав, что село Городище на Дубнском устье в XV-XVI вв. представляло собой таможенный пункт, мы, тем самым, устанавливаем, что это село являлось непосредственным преемником древнерусской таможни — города Дубна.

Таким образом, после гибели древнерусского города в пожаре войны 1216 года его жители заново отстроили свой город, и он на протяжении еще нескольких столетий оставался одной из действующих таможен Верхневолжья. Поэтому можно считать, что дожившее до наших дней село Ратмино (Усть-Дубенское, Дубна) является не только преемником древнерусского города Дубна, но и непосредственным предшественником современного города физиков.

Безусловно, основание поселка, из которого вырос город физиков так или иначе связано с постановлением правительства СССР от 13 августа 1946 г. Так что, правы те горожане, которые ведут отсчет истории современного города Дубна от августовского постановления 1946 года или же от указа 1956 года о преобразовании поселка в город.

Однако, в ходатайстве Московского облисполкома перед Президиумом Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1957 г. было прямо сказано: «Правильное наименование этого города следует считать Дубна, так как город назван по реке Дубне, на берегу которой он расположен». Таким образом, название наукограда, в конечном счете, явилось производным от названия реки —

Дубна. Но и название древнерусского города также является производным от гидронима *Дубна*. Это была обычная практика на Руси – называть города, находившиеся при впадении небольшой реки в большую, по имени малой реки: Псков назван по реке *Пскове*, Полоцк – по реке *Полоте*, Ладога – по *Ладожке*... При этом, получив однажды имя, город сохранял его даже в том случае, когда население переходило на новое место – так, жители Минска (древнерусский «Меньск») сохранили первоначальное название города, образованное от гидронима *Менка* и после того, как были вынуждены перебраться на новое место – на реку Свислочь.

Напомню, что в XX веке в России не было обычая называть населенные пункты по именам рек (Волгоград – это исключение, а не правило). Большевики, как мы хорошо знаем, любили себя увековечивать, и мои ровесники помнят, как географическая карта нашей страны в какой-то момент стала напоминать мартиролог – Калинин, Жданов, Орджоникидзе, Горький, Куйбышев, Киров, Устинов, Брежнев, не говоря уже о Ленинграде, Сталинграде, Калининграде, Свердловске... А здесь мы видим пример фактического возрождения древнего топонима. Так что, правы, на мой взгляд, и те горожане, кто рассматривает древнерусский город Дубна в качестве исторического предшественника современного наукограда.

Таким образом, у современной Дубны были исторические предшественники – древнерусский город Дубна и поселение мытников близ устья Дубны. Об этих предшественниках наукограда надо рассказывать не только в краеведческом музее, но и на уроках краеведения в школах. На эти памятники надо вывозить на экскурсии не только приезжающих гостей города, но и горожан. И очень хорошо, что памятный камень поставлен именно на территории бывшего села Усть-Дубенское (Дубна), то есть – на том самом месте, где находился исторический предшественник современного города физиков. Именно поэтому надпись на камне «Отсюда Дубна стала есть. 1134 г. Основана Юрием Долгоруким» представляется мне вполне корректной.

С уважением

С.В.Белецкий

Председателю Дубненского общественного фонда «Наследие»
И.Б. Даченкову

Уважаемый Игорь Борисович!

В ответ на запрос о дискуссии, идущей в дубненских СМИ по поводу древнерусской Дубны и посвященного ей памятного камня, могу сообщить следующее.

История формирования города Дубна Московской области достаточно сложна и, в определенной мере, уникальна. На разных исторических этапах отдельные участки территории современного города входили в состав населенных пунктов разного происхождения и статуса. При этом первый населенный пункт, располагавшийся на этой территории, название которого нам известно – древнерусский город Дубна, время основания которого определяется в историографии как 1132-1134 гг.

Есть основания считать, что этот город первый раз упоминается в Новгородской первой летописи под 6642 (1134) годом, совершенно определенно он упоминается в той же летописи под 6724 (1216) годом. Важное значение этого города, находившегося на правом берегу Волги в устье реки Дубны, на пересечении торговых путей, подтверждается происходящими с него многочисленными сфрагистическими памятниками домонгольского времени. Материалы археологических исследований свидетельствуют, что древнерусский город Дубна прекратила свое существование не позднее 1238 года. В дальнейшем на его месте возникает село Городище на Дубенском устье (оно же село Дубна), которое уже в историографии XIX века рассматривается как исторический «наследник» древнего города Дубна. В настоящее время на этом месте находится улица Ратмино. История формирования современной Дубны начинается в 1932 году, с началом строительства канала Москва-Волга. Окончательное оформление города в современных границах происходит в 1960 году, в результате объединения городов Дубна и Иваньково.

В состав современной Дубны вошло бывшее село Городище, другие деревни и села, история которых прослеживается вплоть до начала XVII века; рабочие поселки Иваньково и Большая Волга, объединенные в 1958 г. в город Иваньково; и научный поселок Дубно, преобразованный в город в июле 1956 года.

Летописная Дубна является наиболее древним историческим населенным пунктом, находившемся на территории современной

Дубны. Этот древнерусский город вполне корректно именовать историческим предшественником современного города, а время заселения территории современной Дубны отсчитывать с 1134 года – даты первого упоминания этого древнерусского города.

Что касательно надписи на памятном камне, установленном в районе устья Дубны, то в целом она соответствует историческим реалиям, не противоречит существующей источниковой базе и научной концепции, изложенной в отечественной историографии.

Надпись стилизована, выполнена на древнерусском языке с сохранением его грамматических норм. Она подтверждает следующее:

- «Отсюда...» – т.е. с этого места, где ранее располагалось село Городище и древнерусский город-крепость

- ...есть пошла Дубна» – действительно на устье реки Дубны при впадении в Волгу на современной территории города Дубны в период с 1130-х по первую треть XIII века располагался город-крепость с одноименным названием Дубна. Это факт подтверждается данными исторической науки.

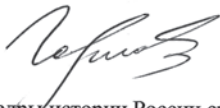
- «Основана Юрием Долгоруким» – основателем города-крепости Дубна, наряду с другими приволжскими городами (Тверь, Шоша, Кснятин, Угличе Поле и др.) на западной границе ростово-суздальского княжества, был князь Юрий Долгорукий (умер в 1157 году), который являлся правителем всей территории княжества, и только с его княжеской санкции мог быть организован город-крепость с пограничными и таможенными функциями на устье реки Дубны. Территория современной Дубны в начальный период феодальной раздробленности на Руси в начале XII столетия входила в состав ростово-суздальского княжества Юрия Долгорукого. Факт основания древнерусской Дубны во время правления Долгорукова впервые установлен В.А. Кучкиными, вполне подтверждается последующей историографией вопроса.

- «1134» вполне корректно рассматривать как год первого известного упоминания Дубны в письменных источниках – Новгородской Первой летописи Старшего извода. По совокупности факторов научной оценки (анализ общего исторического контекста на тот период времени, сравнительный анализ письменных источников, исторической географии, археологии, сфрагистики и др.) можно говорить о том, что речь в летописи идет о древнерусском поселении Дубна, которое располагалось на устье реки Дубны и носило оборонительный характер. Именно эта точка зрения находится в основе научной концепции, которая разделяется

многими авторитетными историками (С.В. Белецкий, В.Л. Егоров и др.).

Исходя из вышеизложенного, установленный памятный знак в г. Дубна – уникальная достопримечательность города, выполняющая просветительскую и познавательную функции. Установка памятников подобного рода – яркий пример развития историко-краеведческой традиции в России и бережного отношения к своему прошлому со стороны жителей Дубны.

С уважением,

28.03.2011 г.

д.и.н., профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета
В.Н. Горлов

Научно-популярное издание

**ДАЧЕНКОВ ИГОРЬ БОРИСОВИЧ
ПЕТРОВ ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ**

История подмосковного Верхневолжья

Книга выходит в авторской редакции

Отпечатано с готового оригинал-макета, подготовленного в Региональном общественном фонде историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие»

141980 г. Дубна Московской области, ул. Жолио-Кюри, 17-а

Интернет-портал: www.nasledie.dubna.ru

E-mail: fondnasledie@mail.ru

Тел. (496) 216-54-66

В оформлении обложки использована фотография
Даниила Карбивника

Автор макета, художник, дизайнер: *П.Ф. Муравицкий*
Корректор: *И.А. Кудрявцева*

Издательство «ОАО «Тверская областная типография»

Подписано в печать с готовых диапозитивов 09.06.2011 г.

Формат 60х90/16. Гарнитура «PT Sans». Печать офсетная.

Объем 13,75 п.л. Тираж 500 экз.

Заказ № 5027

Отпечатано в ОАО «Тверская областная типография»

170100, г. Тверь, Студенческий пер., 28

Тел./факс: (4822) 34-21-02

E-mail: market@tverprint.ru

www.tverprint.ru

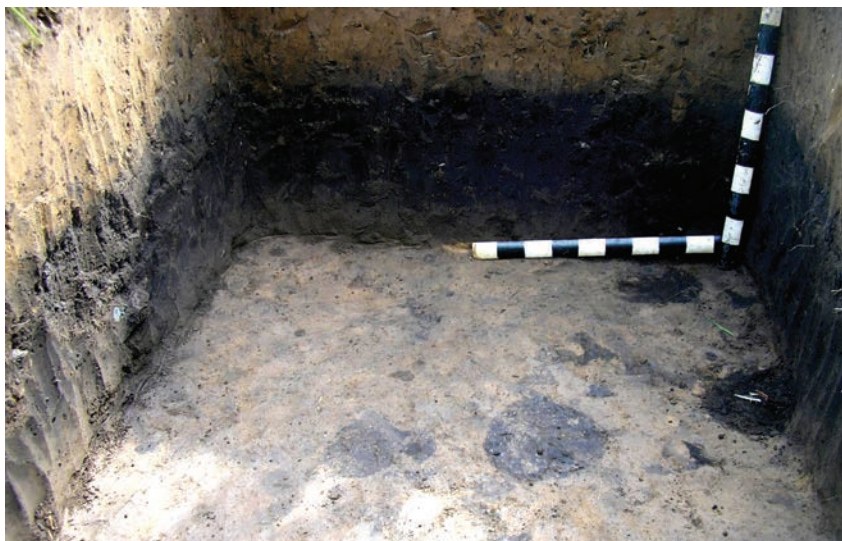
Дубна. Ратмино. Храм Похвалы Пресвятой Богородицы. Фото Александра Щербакова

Древнерусская Дубна. Макет первой крепости из городского музея археологии и краеведения.
Фото Федора Петрова

Усадьба князей Вяземских в Ратмино. Макет из городского музея археологии и краеведения.
Фото Сергея Гора

Городище Дубна. Археологические исследования 2009 года. Шурф 2. Южная стенка. Вид с севера

Городище Дубна, находки Дубненской археологической экспедиции. 2009 год.
Крюк, дужки, игла, фрагменты браслетов, перстень, кованые гвозди

Городище Дубна, находки Дубненской археологической экспедиции. 2009 год.
Бронзовый крест-энколпион. Лицевые стороны двух створок

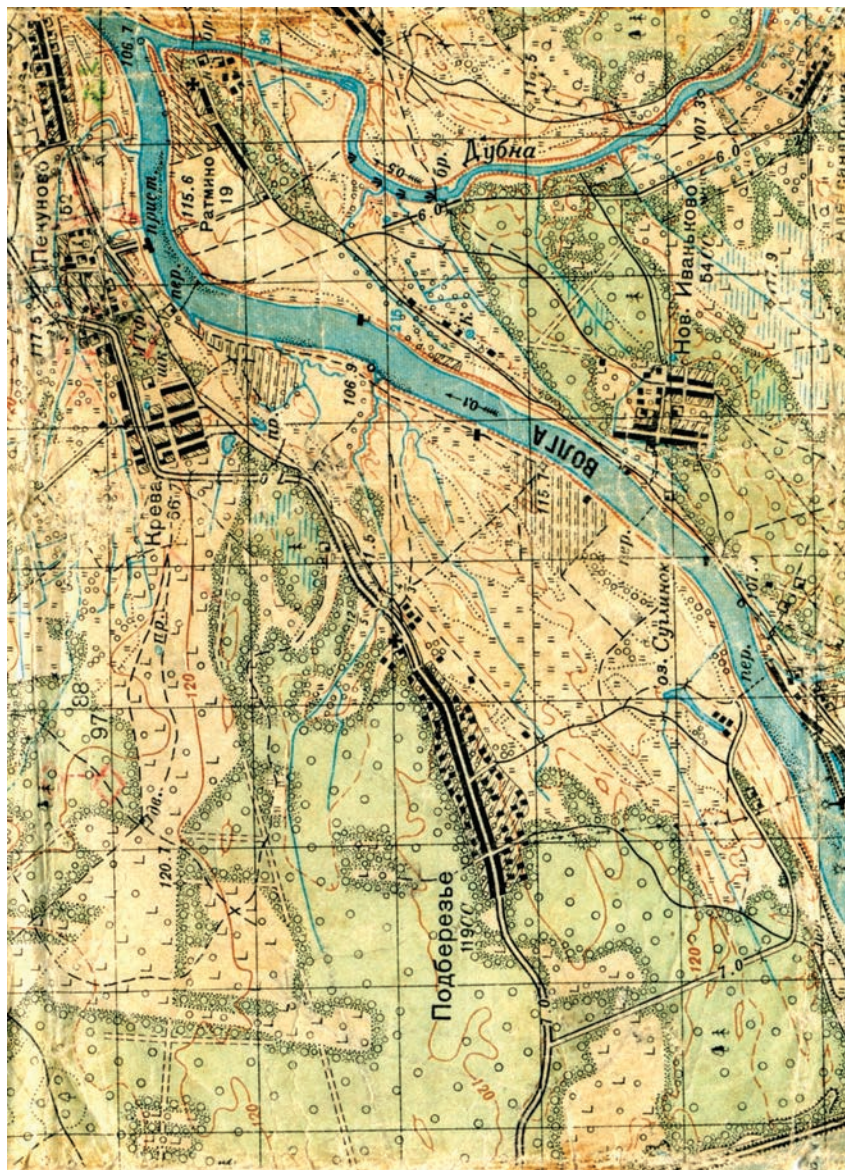
Поселение Крева 1 (Пекуновское селище). Сборы из берегового обрыва. Из частных коллекций.
Подготовил и сфотографировал Игорь Зинин

Село Побережье. Храм во имя Смоленской иконы Божией матери до разрушения.
Рисунок Петра Косованова. Из архива протоиерея Виталия Шумилова

Иисус Христос Великий Архиерей. Запрестольный образ Смоленского храма. Около 1917 года.
Фото протоиерея Виталия Шумилова

Территория современной Дубны. Топографическая карта 1941 года

Волжский гидроузел. Шлюз № 1. Фото Даниила Карбивника

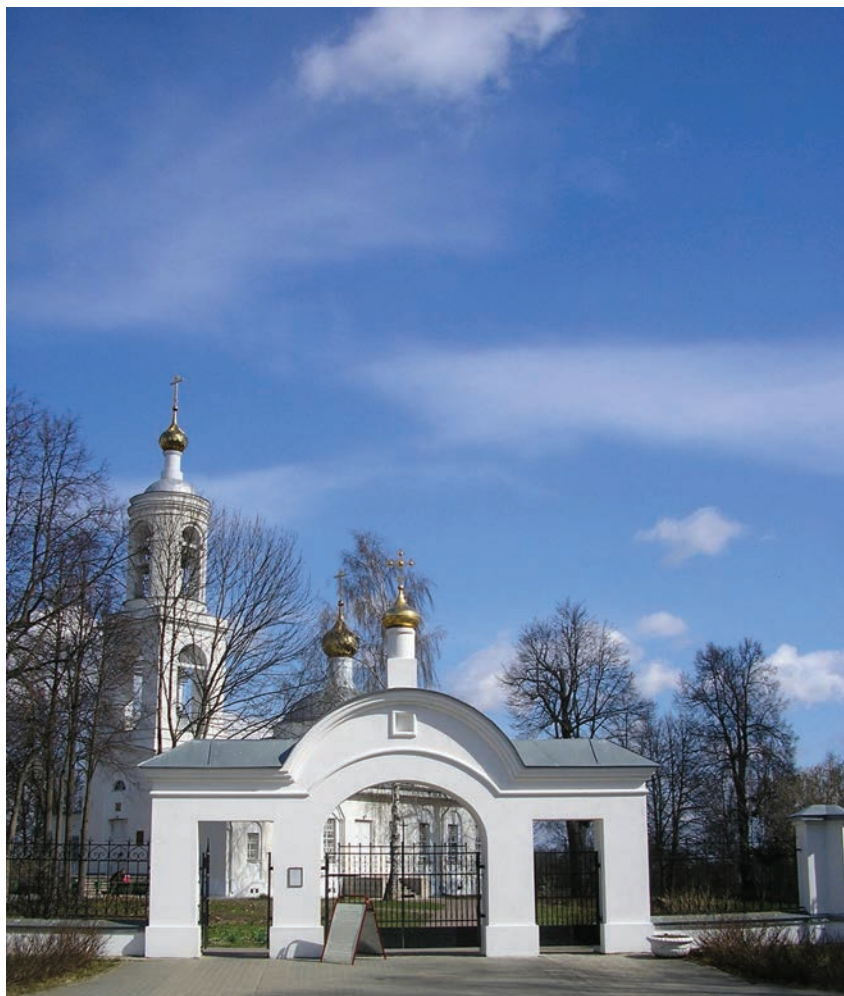
Волжский гидроузел: памятник В.И. Ленину, маяк. Фото Даниила Карбивника

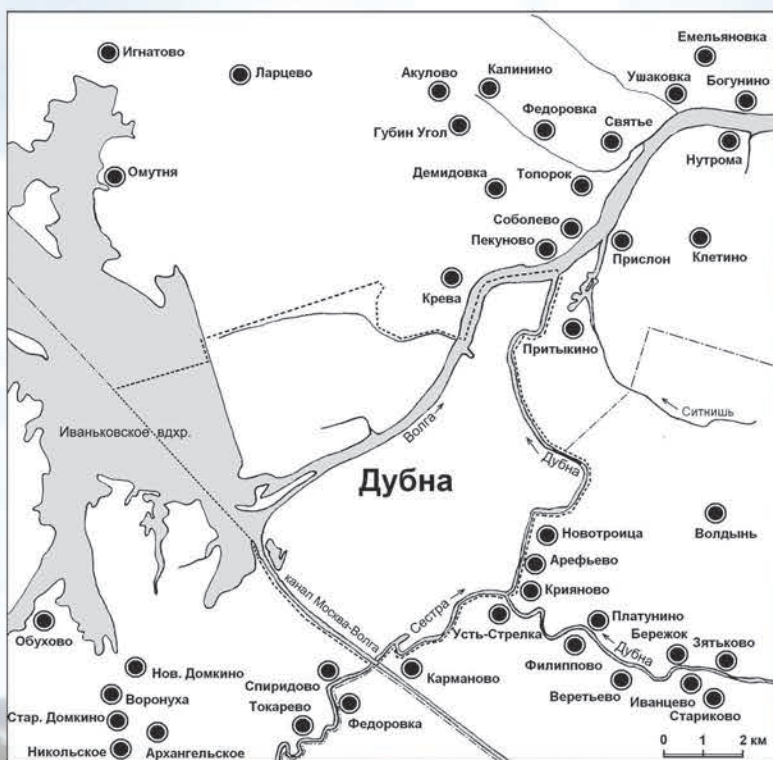
Объединенный институт ядерных исследований, Лаборатория физики высоких энергий. Комплекс зданий синхрофазотрона – нуклотрона. Фото Даниила Карбивника

Объединенный институт ядерных исследований, Лаборатория физики высоких энергий. Ярмо гигантского магнита синхрофазотрона. Фото Сергея Доли

Дубна, Ратмино. Храм Похвалы Пресвятой Богородицы 1827 года постройки

В книге представлены результаты историко-краеведческих и археологических исследований на территории подмосковного города Дубны и прилегающих к нему районов Московской и Тверской областей. Издание формирует целостное представление о подмосковном Верхневолжье как об особенном историко-географическом районе; раскрывает основные этапы его истории за девятьсот лет, прошедших с момента начала активного освоения этого района ростово-суздальским княжеством. Книга включает в себя характеристику новейшей истории первого российского наукограда, одного из важнейших центров международного научного сотрудничества и инновационного научно-технического развития России, сохранившего в своей современной жизни неразрывную связь с истоками российской государственности и духовными основами русской культуры.